

СЛАВЯНОСВЕДЕНИЕ

№

Риск

г.

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

2012

«НАУКА»

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

3
2012
МАЙ •
ИЮНЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Виноградов В.Н.</i> (Москва). Русско-турецкая война 1806–1812 годов. Необъявленная и предгрозовая	3
<i>Гросул В.Я.</i> (Москва). Генезис бессарабской автономии в составе России (К 200-летию присоединения Бессарабии к России)	20
<i>Достян И.С.</i> (Москва). Политика России в Балканском вопросе: некоторые спорные проблемы историографии	32
<i>Крючков И.В.</i> (Ставрополь). Венгрия и Балканы в 1911–1912 годах по донесениям генерального консульства России в Будапеште	41
<i>Короткова Д.А.</i> (Москва). Белорусский аспект в деятельности советской дипломатии в 1920 году	51
<i>Станков Н.Н.</i> (Волгоград). «Сто дней» канцлерства Г. Штреземана и Чехословакия (13 августа – 30 ноября 1923 года)	65
<i>Павлова М.С.</i> (Москва). Проблема интернационализации Немана в советско-польско-литовских отношениях в 1923–1926 годах	75
<i>Дронов М.Ю.</i> (Москва). Роль средних учебных заведений Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинской интеллигенции Словакии в 20–30-е годы XX века	83
<i>Курохтина Т.Н.</i> (Москва). К вопросу об определении понятия «суржик»	93

СООБЩЕНИЯ

<i>Кукса А.Н.</i> (Минск). Проблема снабжения продовольствием Белоруссии в 1917–1919 годах ...	102
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Венедиктов Г.К.</i> (Москва). О судьбе первого тома «Ученых записок» Института славяноведения АН СССР	110
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Сератионова Е.П., Т. Ивantlyшинова и кол. авторов. Мифы – стереотипы – образы: Восприятие России в Словакии 121

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Пашаева Н.М. Письмо в редакцию 123

НЕКРОЛОГИ

Памяти Ирины Степановны Достян (1920–2012) 126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, **Р.П. ГРИШИНА**, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **К.В. НИКИФОРОВ**, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
Л.А. СОФРОНОВА, **А.С. СТЫКАЛИН**, **Б.Н. ФЛОРЯ**, **В.А. ХОРЕВ**, **Т.В. ЦИВЬЯН**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова*, *Е.В. Пономарева*, *И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2012 г.

© Редакция журнала «Славяноведение»
(составитель), 2012 г.

© 2012 г. В.Н. ВИНОГРАДОВ

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806–1812 ГОДОВ. НЕОБЪЯВЛЕННАЯ И ПРЕДГРОЗОВАЯ

В статье на основе широкого круга источников рассматривается история русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в контексте бурных международных отношений начала XIX в. Подробно показана роль главнокомандующего Дунайской армией М.И. Кутузова в успешном завершении непростой для России войны с Османской империей и в заключении Бухарестского мира 1812 г.

The present article, based on a wide circle of sources, deals with the history of the Russian-Turkish War of 1806–1812 in the context of turbulent international relations of the early nineteenth century. The article emphasises the role of the commander-in chief of the Danube Army Mikhail Kutuzov in the triumphal ending of a complicated, for Russia, war with the Ottoman Empire and signing of the Peace of Bucharest in 1812.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., русско-турецкая война 1806–1812 гг., политика Франции, международные отношения, Российская империя.

Румынская, а в последние годы и молдавская историография представляют внешнюю политику императорской России как экспансионистскую. Общий подход распространяется и на русско-турецкую войну 1806–1912 гг.: «Царская империя обдумывала план подготовки войны на юге еще с 1803–1804 гг. Эту территорию, населенную в основном православными народами, Россия стремилась покорить» [1. С. 29]. Тут же говорится и о численном превосходстве подготовленных Петербургом вооруженных сил над турецкими [1–2].

Обратимся, однако, к материалам той эпохи. Они свидетельствуют об обратном. Никогда еще Россия не была столь заинтересована в сохранении стабильности на своих юго-западных рубежах и предотвращении здесь войны. Она единственный раз в истории четырехсотлетних отношений с Османской империей находилась в союзе с этой державой. И «повинны» в этой, казалось бы, немыслимой комбинации двух извечных антагонистов были развязанные Великой французской революцией завоевательные войны, продолженные сменившими ее режимами. Очередь Турции настала в 1798 г. Начался захват принадлежавших ей островов Ионического архипелага в Средиземном море.

Первыми почувствовали изменение климата в отношениях с Турцией моряки эскадры адмирала Ф.Ф. Ушакова, прибывшие на рейд Стамбула в сентябре 1798 г. На борт флагманского корабля была доставлена декларация о разрешении судам под Андреевским флагом свободно проходить проливы Босфор и Дарданеллы с одним ограничением – одновременно не больше трех кораблей. Затем туда же пожаловал султан Селим III, правда, инкогнито. И уже от своего имени он препод-

Виноградов Владилен Николаевич – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

нес адмиралу дары. А ведь тот же Ушаков разгромил в 1791 г. турецкую эскадру в сражении при Калиакрии в Черном море.

Реис эфенди Ахмед Атиф в переговорах с посланником В.С. Томарой подчеркивал: в отличие от обычных, из-за земель, войн та, что ведется с Францией, совсем иная: неприятель жаждет сокрушить престолы, веру и все священное, что есть на земле. Речь идет о существовании Османской империи и ислама вообще [3. С. 52].

События подстегивали Высокую Порту. Еще в мае 1798 г. неугомонный Бонапарт во главе 38-тысячной армии отправился в Египет, входивший в состав Турецкого султаната, чтобы оттуда проложить дорогу к жемчужине британских владений, к Индии. Экспедиции повезло, флот владычицы морей сторожил ее не там, где нужно, и она благополучно добралась до места назначения. Упустил армию, приплыв с опозданием в египетские воды, адмирал Г. Нельсон пустил на дно французский флот и лишил экспедицию связи с Европой. В битве у пирамид Наполеон одержал верх над силами местных властителей. Это выглядело романтично и эффектно и помогало до поры до времени скрывать тот факт, что затея обернулась безнадежной и обреченной на провал авантюрой. Поход в Сирию завершился неудачей. Замысел прорыва в Индию рухнул. В сентябре 1798 г. Селим III объявил Франции войну. Самое время было Высокой Порте обращаться за помощью к России. Турция оказалась брошенной в союзнические объятия своего векового антагониста, чему изумлялся даже государственный канцлер Российской империи князь А.А. Безбородко.

23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) состоялось подписание союзного договора чисто оборонительного свойства. Был установлен режим прохода российских военных кораблей через Проливы, по-прежнему свободно и не более трех судов сразу, допускалось их плавание в территориальных водах Турции. Черное море объявлялось закрытым для военных судов всех прочих стран. Стороны заявили об отсутствии у них территориальных претензий друг к другу. Высокая Порта взяла содержание эскадры Ушакова на свой счет. Срок действия договора был определен в восемь лет [4. С. 56–91].

Соединенная русско-турецкая эскадра под командованием Ушакова занялась изгнанием французов с островов Ионического архипелага. Его заместителем служил турецкий флотоводец Кадыр бей, опытный и умелый моряк. Корабли штурмовали бастионы. Один остров освобождался за другим: Церио, Зента, Кефалония, Итака, Святая Мавра. Ушаков объявлял их жителям, что они имеют право на самоуправление. Адмирал избегал репрессий, что достигалось не без труда, так как населявшие архипелаг греки боялись турок еще больше, чем французов. Кампания завершилась освобождением крупнейшего острова Корфу.

В том же году был если не остановлен, то все же задержан победоносный марш французских войск в Западной Европе. Ставший легендой при жизни А.В. Суворов по просьбе кайзера Священной Римской империи германской нации Франца стал главнокомандующим русских и австрийских войск в Италии. Павел I, у которого полководец был не в чести и проживал фактически на положении ссыльного в селе Кончанском, обратился к изгнаннику с посланием, в котором просил забыть старые обиды. 4 (15) апреля полководец прибыл в Италию, и грянули победы. Он продемонстрировал своего рода мастер-класс военного искусства, блицкриг конца XVIII в., взял крепости Брешию и Бергамо, одолел французов в сражении на реке Адда, занял Турин, нанес поражение неприятелю на реке Треббия и завершил кампанию победой при Нови 4 (15) августа. Ему понадобилось всего четыре месяца, чтобы перечеркнуть результаты знаменитых итальянских кампаний Бонапарта. И это – после семи лет поражений всех антифранцузских коалиций.

В конце августа 1799 г. Наполеон покинул Египет, бросив на произвол судьбы и на милость неприятеля свою армию. Неотвратимое произошло, покинутые командующим войска сдались британцам.

Гласно корсиканец оправдывал свое бегство необходимостью избавить Францию от военных поражений и внутренних неурядиц. Негласно он готовился свергнуть прогнивший режим Директории и установить в стране свою личную власть.

18 брюмера (9 ноября) 1799 г. произошел государственный переворот, Бонапарт возвел себя в первые консулы республики и установил угодный ему режим, разумеется, с соблюдением необходимых формальностей.

Перед отъездом из Египта он обратился к великому визирю с письмом, пытаясь переманить Высокую Порту на свою сторону. «Двухчасовой встречи достаточно, чтобы все уладить, укрепить мусульманскую империю, придать ей силы против ее истинных врагов и провалить их вероломные замыслы» [5. Р. 449]. Его заигрывания не произвели впечатления на султана, обстановка тому не способствовала, его поспешное удаление из Египта смахивало на бегство.

Однако вскоре появились причины для колебаний. В мае 1800 г. Наполеон разгромил в битве при Маренго австрийцев. Вторую антифранцузскую коалицию покинул Павел I, крайне раздраженный пренебрежительным отношением союзников к российским интересам. В 1802 г. мир заключила Великобритания (правда, длился он всего год).

Весной 1803 г. в Стамбул прибыл новый посол Франции генерал Брюн, некогда сменивший самого Бонапарта на посту командующего армией в Италии. В России назначение встретили с тревогой, и были на то причины: по словам посланника А.Я. Италинского, Брюн, не мешкая, «приступил к повреждению существующего между Россию и Портою доброго соглашения», намекая на то, что альянс с Францией «может послужить Порте возвращению Крыма под державу его султанского величества» [3. С. 174]. Характерно, что реис эфенди, информируя А.Я. Италинского о беседе с Брюном, о Крыме умолчал. Сообщение поступило от других осведомителей, в которых недостатка не ощущалось. В дипломатической среде возникли опасения, что французы, утвердившись на Балканах, «будут тогда из смежных с нами провинций рассеивать между жителями областей наших южных “плевелы развратного их учения”, последствия коего бедственнее самой неудачной войны» [6. Т. 1. С. 151–152].

В 1804 г. восстали сербы, началась их девятилетняя схватка за автономные права. Отечественная дипломатия столкнулась с трудностями, казавшимися непреодолимыми: как способствовать успеху сербов и одновременно сохранить добрые отношения с Турцией? В сентябре 1804 г. в Петербург прибыла делегация повстанцев с просьбой о помощи и, как справедливо подозревали турки, об установлении покровительства России над Сербским княжеством [6. Т. 1. С. 383].

Однако существовали и весомые сдерживающие факторы, побуждавшие турецкую сторону к сдержанности: наличие российских войск в приграничье и британского флота у берегов Малой Азии. Петербургу 11(23) сентября 1805 г. удалось добиться подписания нового договора с Османской империей. Стороны обязывались помогать друг другу вооруженными силами в случае нападения на одну из них. Черное море по-прежнему рассматривалось как закрытое для военных судов других стран. Попытка Александра I добиться расширения прав христианского населения натолкнулась на отпор [6. Т. 1. С. 697].

Русско-турецкие отношения находились в прямой зависимости от развития событий в Европе. В декабре 1805 г. русские и австрийские войска потерпели поражение в битве при Аустерлице (ныне – Славков в Чехии). Кайзер Франц вступил в переговоры с Наполеоном в Пресбурге (ныне Братислава в Словакии), завершившиеся капитуляцией. Вена признала все завоевания Бонапарта в Италии и перекройку карты Германии в пользу французских сателлитов. Наполеон, но уже в об-

разе короля Италии, распространил свою власть на Венецию, Далмацию, Истрию. А. Чарторыйский, стоявший у руководства МИДа, решил, что Турция «отныне во власти Бонапарта» [6. Т. С. 543, 612].

В 1806 г. разгром в масштабе национальной катастрофы потерпела Пруссия. Наполеон объявил континентальную блокаду Великобритании, запретив всем зависимым от него странам торговать с англичанами. Россия на континенте осталась одна-одинешенька против императора французов, Итальянского короля, протектора Рейнского союза, властителя Швейцарии. Какие-либо завоевательные помыслы на Балканах у самодержавия отсутствовали. Посланный для контактов в Константинополь корсиканец эмигрант К.О. Поццо ди Борго, ярый враг корсиканца Бонапарта, предлагал в основу мира положить старые трактаты, в отношении Дунайских княжеств – уважать права их автономии, исторгнутые в небольшой степени у Порты русскими штыками и усилиями отечественной дипломатии, включая выгодный для них хатт-и-шериф 1802 г., а сербов «не предавать в жертву». Что же касается Османской империи, то в Бартеншвейгской конвенции с Пруссией о ней говорилось: «Независимость и неприкосновенность Оттоманской империи останутся одним из существеннейших попечений высоких договаривающихся сторон» [3. С. 176; 6. Т. 1. С. 563]. Никаких планов нападения на румынские княжества, о которых говорится в «Истории Бессарабии», не существовало [1. С. 29–30]. Записка канцлера А.Р. Воронцова (ноябрь 1804 г.) включала следующий пассаж: «С тех пор, как Россия оставила помышление о расширении границ своих за счет владений оттоманских, Порты, ослабленная прежними успехами оружия нашего и внутренними ее неурядицами, сделалась лучшим для России соседом» [3. С. 87]. А уж в 1806 г., отбиваясь в одиночестве от натиска сил Наполеона в Восточной Пруссии, затевать еще войну с Турцией представлялось совсем неразумным.

Война нависала с другой стороны. В брошюре «Взгляд на политическое состояние Европы в начале 1806 года» говорилось, что и по навязанному Австрии после Аустерлица договору король Италии, т.е. тот же Наполеон, стал хозяином Истрии и Далмации, превратился в непосредственного соседа Османской империи. [...] Соседство сие должно умножить до невероятности влияние его на Оттоманскую империю. Французская армия может в короткое время вступить в турецкие границы для вспоможения и образца турецким войскам» [7. С. 70].

Новый французский посол в Стамбуле генерал О.Ф. Себастиани активно заманивал Турцию в союзные сети. Он и соблазнял, и запугивал османов: Высокая Порты стоит перед выбором – или война с гениальным и непобедимым Наполеоном, или с покинутой союзниками неудачницей Россией с перспективой восстановления власти султана на Балканах, а возможно, и возвращения Крыма. К чему сомнения?

С помощью своей жены-креолки он установил связи с сералем. Одна из его влиятельных обитательниц, мать будущего султана Махмуда II, тоже была креолкой. К тому же племени принадлежала супруга Бонапарта Жозефина Богарнэ. Ничем не следовало пренебрегать в погоне за влиянием.

Победа под Аустерлицем дала крупный козырь в руки французской дипломатии. (По словам самого корсиканца, «раны Аустерлица еще кровоточат на теле России» [8. Р. 73]). В этих условиях заверения А.Я. Италинского, что на страже интересов султаната стоят два преданных союзника, Россия и Англия, особого впечатления не производили.

Шло оформление долговременного, продолжавшегося весь XIX в. российско-го курса на поддержание национально-освободительного движения балканских христиан, вступившего в полосу мощного подъема. Реакция Высокой Порты известна: четыре русско-турецких войны, 1806–1812 гг., 1827–1828 гг., 1853–1856 гг. (Крымская), 1877–1878 гг. А пока что после Аустерлица возникла мысль о прове-

дении превентивной акции для предотвращения столкновения с Турцией. Лазутчики представляли занятие Дунайских княжеств чем-то вроде военной прогулки: гарнизоны в Хотине, Бендерах и Измаиле слабы, а склады ломятся от запасов продовольствия и фуража. Местное население русским сочувствует. А промедление, конечно, не смерти подобно, но потере позиций на Балканах равнозначно. Генерал И.И. Михельсон, назначенный главнокомандующим Дунайской армией, разделял эту точку зрения: «Статься может, что теперь неготовый еще неприятель делается готовым, что, пользуясь временем, успеет благомыслящих ослабить и истребить, поколебать твердость сербов и проложить путь французам, и тогда край, ныне простирающий руки к скипетру Вашего императорского величества без пролития крови, может сделаться опасным. Замыслы французов на Молдавию и Валахию явственны. Их предприимчивость и быстрота известны. Ежели мы не предупредим их до берегов Дуная, то ручаться нельзя, чтобы они нас не упредили, и тогда трудно будет бороться» [9. С. 50].

Донесение Михельсона свидетельствует о питаемых русскими властями надеждах на мирное занятие Дунайских княжеств. Создается впечатление, что именно оно положило конец колебаниям царя. Он распорядился занять княжества «не как враги, о чем злословие не упустит случая заявить, но единственно с целью восстановить прежние сношения», и чтобы пресечь намерения, явно заявленные посланником Себастьяни, – напасть на Россию со стороны Днестра [9. С. 69]. 16 октября Михельсону было предписано вступить в Молдавию. Россию, говорилось в данных ему указаниях, заботит вопрос о спокойствии и благосостоянии княжеств. Необходимо восстановить во всей полноте их автономные права, избавить их от опустошений со стороны разбойников кирдалиев, для чего власти могут воспользоваться услугами русских войск. Перед Портой следует настаивать на соблюдении условий союзного договора 1805 г. В рескрипте Михельсону император подчеркивал, что не имеет никаких намерений «относительно завоевания принадлежащих Турции владений».

Генерал располагал скромными силами – 60 тысяч солдат и офицеров, около 300 пушек. Он сетовал на закоренелую страсть рекрутов к побегам. Границу перешли всего 33 тысячи человек. Основная масса российских войск сражалась в Восточной Пруссии. Вооруженные силы Османской империи насчитывали 260 тысяч, так что сделанные в «Истории Бессарабии» утверждения о численном превосходстве русских [1. С. 22] не соответствуют истине. Но османские силы были заняты во многих местах, 25 тысяч сражались с непокорными сербами, значительная группировка охраняла Стамбул. Объявления войны с российской стороны не последовало, император Александр надеялся, что занятие княжеств к ней не приведет. Он информировал Высокую Порту, что действует «совершенно против воли и только в силу необходимости».

Заблуждение длилось недолго. 18 (30) декабря 1806 г. последовало объявление войны со стороны султана Селима. В числе выдвинутых против России обвинений фигурировал «захват мусульманских земель Крыма и Гюрджистана» (Грузии), что выдавало реваншистские устремления Дивана.

Занятие княжеств произошло почти без сопротивления. Сдались крепости Хотин, Бендеры и Килия. В феврале 1807 г. эскадра адмирала Д. Дакуорта (шесть линейных кораблей, три фрегата и бриг) провела операцию по форсированию Дарданелл. Турция предложила смириться с пребыванием судов его величества в Мраморном море под стенами сераля, пообещав в таком случае салютовать османскому флагу 17-ю залпами. Турецкие моряки пребывали на берегу по случаю праздника курбан байрама.

Посол Арбетнот, прибывший на флагманском корабле, выдвинул условия урегулирования, которые предъявляют разве что разгромленному противнику: выслать Себастиани (что грозило Стамбулу разрывом с Францией), возобновить

союз с Россией и Англией, передать последней значительную часть османского флота. Высокая Порта приготовилась к отпору. Руководил всем энергичный Себастиани. На берегах проливов воздвигались насыпи, подвозились в немалом числе тяжелые орудия (520 пушек и 110 мортир). Наступил штиль, и эскадра Дакуорта недвижно красовалась перед сералем, имея все шансы быть потопленной артиллерийским огнем. Посол Арбетнот занемог, слег в постель и предоставил адмиралу выбирать из затруднительного положения. Ответа на свой ультиматум британцы не дождались. Следовало подумать, как убраться из зоны пролива. А в Стамбул поступили вести о неудачах русских в Восточной Пруссии.

Но тут, к счастью для британцев, подул ветер, их корабли устремились наутек. У выхода из Дарданелл они подверглись обстрелу и понесли немалый урон [10. Р. 93–107]. Бесплодный вояж туда-сюда кораблей его величества прибавил туркам бодрости. В мае 1807 г. их войска переправились на левый берег Дуная. Генерал М.А. Милорадович нанес им поражение при Обилешти, но преследовать не решился по причине недостатка сил.

Война выдалась долгой, кровопролитной, изматывающей. Не все военачальники усвоили сразу эту истину. Ухарским настроениям предавался адмирал П.В. Чичагов. Он составил план захвата Константинополя при соотношении морских сил явно не в пользу России (6 линейных судов на Черном море против 12 турецких). Удивительно, но Александр I одобрил прожект. Два французских эмигранта, верно служивших России, генерал-губернатор Новороссии герцог Э.О. Ришелье (Дюк) и адмирал И.И. Траверсе поставили Чичагова на место. Для намеченной было экспедиции удалось набрать всего 6200 рекрутов и треть потребного числа офицеров, да и то из тех, что служили в крепостях по причине их неспособности к строю. Французы не рисковали отдавать «на удачу честь и славу России» [11. С. 346].

1 июля 1807 г. адмирал Д.Н. Сенявин нанес поражение турецкой эскадре в сражении у мыса Афон. Но на сухопутье наличных сил не хватало не то что для похода на Константинополь, но даже на преодоление Балканских гор. Война шла странная, с длительными перерывами то на перемирия, а то и без них. На начальном ее этапе одновременно происходила схватка с Бонапартом в Восточной Пруссии, на конечном – на страну надвигалась война, нареченная Отечественной.

Нельзя, конечно, сказать, что войска расположились в княжествах со всеми удобствами, жизнь в низах общества, с которыми сталкивалась солдатская масса, была довольно примитивной. Население встретило российские войска приветливо, с теплотой. Отряды добровольцев, не только румын, но и проживавших в княжествах болгар, сербов и греков, численностью в разное время от 10 до 20 тысяч человек сражались в их рядах. Среди них был и Тудор Владимиреску, в будущем – вождь валашского национального восстания 1821 г. А пока за свои подвиги он получил чин поручика русской армии и был награжден орденом Святого Владимира.

Издавна молдаване усматривали избавление от злого и несносного иноверческого ига в укрытии под сень двуглавого орла. Ходатайства об этом поступали при Алексее Михайловиче, Петре I, Анне Иоанновне, Екатерине II. И на сей раз, едва российские войска вступили на молдавскую землю, митрополит Вениамин Костакки провозгласил: «Истинное счастье сих земель заключается в присоединении их к России».

24 июня 1807 г. высшее духовенство и боярство княжества обратились к Александру I с прошением:

«Всемогущий самодержец!

Неужели делать какую погрешность, приняв смелость приносить В.И. В.-у о бедном отечестве нашем Молдавии сие жалостными гласы всенижайшее наше прошение? Твои есь мы, Великий Государь император, и не имеем к кому иному

в полной надежде простерти руки. Путь касательно избавления нашего, милости-во открывшийся достойно блаженными предками твоими: и в полной надежде простерти руки и возвести очи наши [...] Властью твоя изгладились жестокие наши страдания. Естли ж сия беспредельная милость твоя удостоила нас быть под могуществом высочайшей мышцы твоей, то кажется уже излишне будет сие наше нынешнее личное представление, поелику довольно ведаем, что общий отец наш человеколюбивый православный монарх весьма сведом, в чем состоит нужда наша и как радость душ наших при разнесшемся в настоящем времени слухе о вожделенном мире подало нам повод согласно от мала до велика дерзнуть и со слезами прибегнуть к избавителю нашему и просить избавления, то уже отныне оставить избавить от бывшего на нас тиранского ига, от суровости иноверцев опасностей от мятежников, истреби несносное правление, дышащее угнетением бедному сему народу, присоедини правление земли сей с Богохранимой державой твоей полезными преимуществами, которые твоя ж власть земле сей утвердила. Да будет одно стадо и един пастырь. И тогда да напомним сей есть златый век состояния нашего.

Сие то есть всецелый и вседержавнейший Монарх от всея души общее народа сего моление, который не перестает к вышнему царю царствующих воссылать молитвенные гласы о умножении дражайших лет и возвращении могущества твоего. Во всю нашу жизнь пребывая Вашего самодержавнейшего величества всеподданнейшие слуги. Вениамин, митрополит Молдавский. (И еще 20 подписей. – В.В.). 1807 г. июня 24 дня. г. Яссы» [12. С. 117–118]. По сути дела это был акт о добровольном вступлении в Россию при сохранении в Молдавии старых законов и соблюдении прежних обычаев.

Чуть ли не день в день с этой акцией в Восточной Пруссии на плоту на реке Неман состоялась встреча Александра с Наполеоном. Ей предшествовало поражение российских войск в битве при Фридланде, породившее в Петербурге желание положить конец единоборству с завоевателем. Необычной была не только форма первого контакта императоров на плоту, но и многое другое. Раньше всегда после разгрома неприятельской армии ее преследовала кавалерия победителей, довершая катастрофу. Засим следовало занятие вражеской столицы и капитуляция. На сей раз французы не преступили границ России, за которыми располагалась двухсоттысячная армия, и не русские, а Наполеон слал гонцов с предложением о перемирии. Отступавшие от Фридланда полки на виду у кавалерии противника переправились через Неман.

Последние обозные повозки прогремели по мосту, и казаки сожгли его. Никто им не мешал.

Наполеон во время переговоров не топал ногами и не бил посуду, как то случалось раньше, а был изысканно любезен. Царя следовало заманить в союзники против Англии, что было достижимо лишь в случае партнерства, а не подчинения. Корсиканец «из уважения к его величеству императору Всероссийскому» возвратил Пруссии некоторые отнятые у нее земли. Россия получила «свободу рук» в Финляндии. Тильзитский договор предусматривал прекращение войны на Дунае при посредничестве Наполеона, вывод российских войск из Молдавии и Валахии без права их занятия турецкой армией. В случае неудачи оно предусматривались совместные действия вооруженных сил двух держав против Высокой Порты ради освобождения из-под ига и избавления от мучений жителей владений Порты в Европе за исключением Константинополя и провинции Румелия [6. Т. 1. С. 643–646].

Часть правящей российской элиты во главе с канцлером Н.П. Румянцевым уверовала в то, что сотрудничество с Бонапартом можно обратить себе на пользу. В конце концов Европы хватит на двоих! Союз с Англией вызывал многочисленные нарекания. Владычица морей не могла поставить на фронт армейские баталь-

оны и уравновесить силы на континенте. После капитуляции Австрии и Пруссии англичане отсиживались на своих островах, а россияне одни бились с владыкой полумира. В 1805 г. британцы направили на остров Рюген только шесть тысяч солдат вместо обещанных тридцати, да и тех быстро отозвали. России было отказано в займе на 6 млн рублей.

В Тильзите произошел крутой поворот в российской внешней политике. Наполеон в одночасье превратился из «неистового врага мира и благословенной тишины» и даже «гонителя веры христовой», как возглашали священники в церквях, в союзника. Император Александр взвалил на свои плечи колоссальную ответственность. И тут впору вспомнить его реакцию на упреки матушки в потворстве Бонапартию: «Бывают обстоятельства, в которых нужно думать преимущественно о самосохранении, и не руководствоваться никакими правилами, кроме мысли о благе государства». Или, в другом варианте: союз с корсиканцем «нужен России для того, чтобы иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы» [13. С. 63]. Не наступило ни нового этапа во внешней политике, ни ее стратегической переориентации. Произошло ее тактическое приспособление к изменившейся обстановке, чтобы получить возможность подготовиться к войне с Францией. Мы именуем это тильзитским зигзагом во внешней политике России.

Франция была заинтересована в союзе для сохранения своего могущества (при отказе от новых завоеваний) и при учете интересов партнера. Как политик, Наполеон это признавал, говоря о системе тесного союза с Россией или Австрией. Но, как завоеватель, он был решительно против того, чтобы открывать русским дорогу к Средиземному морю: «Никогда он не хотел делить с ними старый римский мир» [10. Р. 55; 14. С. 214].

Император французов получал достоверную информацию от своих представителей в Петербурге. Александр I в беседе с послом А.Ж. Савари говорил тому: если Османской державе суждено рухнуть, положение России позволяет ей надеяться на наследование части ее останков. То же самое твердил ему канцлер Н.П. Румянцев. Российская сторона желала получить от союза с Францией определенные дивиденды. Савари предупреждал своего повелителя, сколь опасно идти на обман питаемых в Петербурге надежд. Сменивший его тонкий дипломат А. Коленкур придерживался той же точки зрения. Его предупреждениям не вняли. Однако Наполеон дал указание: он «очень далек от мысли о разделе Турецкой империи и считает эту меру пагубной». Коленкуру оставалось лицемерить и изображать в переговорах топтание на месте.

Политика Наполеона заключалась в том, чтобы манить Александра миражем раздела Турции, а самому, в качестве посредника в переговорах, этого раздела не допускать. По словам А.Ф. Миллера, Бонапарт, не скупясь на обещания, всячески оттягивал разрешение проблемы. Постоянным в его восточной политике было одно – раздувание разногласий между Россией, с одной стороны, Англией и Австрией – с другой [15]. В конце концов пелена заблуждений рассеялась. Планы территориальных приобретений конкретизировались и свелись к Дунайским княжествам, жители которых, по словам И.И. Михельсона, простирали руки к русскому скипетру.

Самым тяжелым для России обязательством в тильзитскую пору явилось участие в континентальной блокаде и выступление против Англии совместно с Бонапартом. Повода для разрыва дипломатических отношений искать не пришлось, его преподнесли сами британцы. В сентябре 1807 г. эскадра судов его величества ворвалась на рейд Копенгагена и захватила стоявшие там датские корабли. Многие сохранившие нейтралитет страны ужаснулись, но протестовать не посмел никто из опасения подвергнуться той же участи. Возвысил голос только

Александр I. В декларации о разрыве отношений с Великобританией он не скрывал своего негодования, начав с перечисления собственных обид: «Кровь российская проливалась в знаменитых сражениях», а Великобритания «угнетала на море торговлю подданных его величества» и вдруг, «внезапно воспрянув от бездействия, в коем она быть казалась, решилась на Севере Европы возжечь новую войну. Флот ее и войска явились на берега Дании, чтобы произвесть насилие. Нахальство британцев, коему равного во всей истории, во всех примерах обильной, найти трудно» [16. С. 217], переполнило чашу терпения самодержца, и он порвал с ними дипломатические отношения. За разрывом последовала война.

Тильзитский зигзаг во внешней политике России оставил Британию один на один с Наполеоном. Англичане уединились на своих островах и ждали изменения ситуации на континенте. Вдобавок ко всем неприятностям, война с Турцией продолжалась. Неудача экспедиции адмирала Дакуорта в Проливы в 1807 г. показала, что никаких шансов на успех у британского оружия нет. Следовало заняться поисками примирения. В январе 1809 г. был подписан Дарданелльский мирный договор. Ст. 11 акта впервые зафиксировала в международном порядке запрещение всем иностранным военным судам проходить в мирное время Босфор и Дарданеллы со ссылкой на древнее правило Османской империи. Произошло определенное ущемление суверенных прав Высокой Порты: если раньше, в порядке исключения из правила, она могла по своей воле такие корабли пропускать, теперь она лишилась этой возможности. Правило превратилось в обязательство. Что касается войны Британии с Россией, то редко когда состояние отношений между двумя странами *de jure* столь не соответствовало положению *de facto*. Негодование в душе царя постепенно угасало, никакого пыла к разрыванию военных действий он не проявлял, война вошла в историю под именем бездымной, но это все же не совсем так. Флот владычицы морей, случалось, обстреливал побережье, перехватывали русские купеческие суда.

Торговля полетела вниз, финансовые трудности нарастали, бумажный рубль стремительно обесценивался по сравнению с серебряным. Правда, британцы команды захваченных ими кораблей обычно высаживали на берег. Адмирал Д. Саудмарес порой снабжал российское портовое начальство ставшими редкостью колониальными товарами, в первую очередь кофе, добавляя к ним в просветительных целях газеты с сообщениями о крупных неприятностях французов в Испании.

Нечто похожее происходило и в других краях. Эскадра адмирала Д.Н. Сенявина, курсировавшая у Иберийского полуострова, еще в 1807 г. была заблокирована в устье реки Тахо. Командующий британскими судами адмирал Ч. Коттон выразил пожелание, чтобы российские парусники были ему переданы (а не сдались), да так, чтобы «менее всего были задеты чувства вашего превосходительства» (Сенявина). И корабли, под Андреевским флагом и со своими командами, приплыли к британским берегам. Экипажи высадились на сушу, матросы поселились в казармах, офицеры на частных квартирах, корабли сданы на хранение. После заключения союза с Англией флотский персонал и суда были возвращены на родину. А те из них, что пришли в ветхость, британское адмиралтейство приобрело по цене новых, раскаиваясь, видимо, за их небрежное содержание. Посол С.Р. Воронцов после разрыва отношений продолжал жить в Британии на правах частного лица, никому в голову не приходило его интернировать.

Форин оффис возглавлял тогда крупнейший государственный деятель Джордж Каннинг, который пользовался всякой оказией для того, чтобы выразить недоумение и огорчение сложившейся противоземной ситуацией. До поры до времени в Петербурге отмалчивались, но только до поры. Когда же рухнули надежды на дивиденды от союза с Наполеоном, а над ним самим нависли тучи, к поступающим из Лондона дружеским заверениям начали прислушиваться.

Но мир с Великобританией означал войну с Францией, которую Петербург стремился избежать до последней возможности. В британской политике утверждался курс на сохранение в неизблемости власти и влияния Османской империи на Балканах, воплощенный в доктрине *status quo*, антагонистичный российскому курсу на освобождение христианских народов региона. Просачивались слухи, что в Лондоне не считают отдельные территориальные попользования равнозначными разделу Турции и не столь им враждебны. Правда, слухи доходили неофициально и особого доверия не внушали [14. С. 169; 17. С. 119]. Однако, по мере того как союз с Францией испускал дух, сотрудничество с Англией обретало реальные черты.

На этом фоне следует рассматривать вяло текущую войну 1806–1812 гг.

Плоды французского посредничества в переговорах после Тильзита появились скоро. В захолустное валахское местечко Слободзея, где они велись, прибыл полковник Гильомино. Глава российской делегации сенатор С.А. Лашкарев не подозревал, что секретарь полковника знал русский язык, и, не таясь, вел разговоры со своими сотрудниками. Он подписал невыгодные условия, включая обязательство эвакуировать княжества без того, чтобы турки обязались не вводить в них свои войска. Оправдываясь, Лашкарев уверял, что в день подписания он пребывал как бы в обмороке.

Командующий Дунайской армией И.И. Михельсон лежал при смерти и скоро сошел в могилу, а сменивший его по старшинству генерал Мейендорф без раздумий утвердил соглашение. Ознакомившись с ним, в Петербурге ахнули: о поставших сербах забыли, военные трофеи обещали вернуть и, главное, обязались оставить Дунайские княжества. Последовало указание царя – под всякими благоприятными предложениями «длить совершенный вывод войск» [18. 1807. Кн. 3. Д. 29. Л. 241]. Поскольку турки не собирались покидать свои крепости на территории Молдавии и Валахии, заниматься поиском предлогов не пришлось. Формально перемирия не наступило, но перерыв в военных действиях продолжался.

Злой рок преследовал командующих Дунайской армией. На смену Мейендорфу пришел фельдмаршал А.А. Прозоровский. Он переправил войска через Дунай, овладел крепостями Исакча, Тулча и Бабадаг и вскоре умер. Возглавивший армию в 1809 г. князь П.И. Багратион успешно провел кампанию. Удалось захватить крепости Измаил, Брэилу и Мачин, отбить турецкое наступление на Бухарест. Но генерал докладывал императору: «Удостоверился я совершенно, что силами и способами, в распоряжении моем состоящими, я отнюдь не буду в состоянии принудить визиря к заключению мира в продолжении нынешней кампании» [19]. Осенью тиф и лихорадка начали косить солдат, и войска переправились на обжитый ими левый берег Дуная.

В 1808 г. состоялась новая встреча Наполеона и Александра, причем инициатором выступил корсиканец, а царь, известный своей страстью к путешествиям («Провел всю жизнь в дороге, и умер в Таганроге»), тянул и медлил. Первое приглашение он получил в феврале, но лишь в октябре его удалось заманить на свидание в Эрфурт. «Наступает эпоха великих перемен и великих событий», – вещал Бонапарт, и предлагал поход на Индию. Отклика в Петербурге идея не встретила.

Послу А. Коленкуру Бонапарт направил письмо с указанием вручить его копию Александру, в котором выражалась готовность к переговорам о разделе Османской империи. Такой способ информации имел веские причины: прямое обращение к Александру было чревато принятием на себя определенных обязательств, а косвенное, во внутренней переписке, являлось лишь размышлением вслух о намерениях, от которых можно было отказаться.

В Эрфурте Наполеон демонстрировал свое могущество. В город прибыла старая гвардия, парад следовал за парадом, корсиканца окружала толпа подобостра-

стных королей, герцогов и фюрстов. По вечерам публику услаждала своими спектаклями Comedie fransais, вызванная из Парижа.

Но ведь раньше в подобном пышном антураже нужды не ощущалось. Александр сознавал, что не все благополучно в наполеоновском царстве. Синдром Тильзита пропадал, что сказалось и на ходе, и на итогах Эрфуртского свидания. Наполеон предоставил царю «свободу рук» в Финляндии, согласился на вхождение в состав России Дунайских княжеств и предоставление Сербии автономных прав. Александр в общей форме обещал оказать Бонапарту содействие в войне против Австрии. Но само упоминание о подобной перспективе свидетельствовало, что позиции завоевателя в Центральной Европе не так уж прочны. Россия не была заинтересована в устранении одной из последних фигур на политической шахматной доске Европы. Поэтому самодержец избежал всякой конкретизации своих обязательств.

В 1808 г. старый лис Ш.М. Талейран, перестав руководить Министерством иностранных дел, совершил третье в своей жизни предательство: изменил Наполеону и взялся быть платным осведомителем самодержавия (те же самые услуги он подрядился оказывать и Габсбургам).

Российская осведомительная служба гнездилась под крышей посольства в Париже. Талейрана наделили несколькими именами – кузен Анри, Библиотекарь и даже Анна Ивановна. Передаточной инстанцией служил Танзор (К.В. Нессельроде). Царь именовался Луизой, а Наполеон, чтобы никто не догадался, получил чисто русское имя Терентий Петрович [9. С. 279–283; 20]. Впечатление у узкого круга посвященных об измене было ошеломляющим, уж раз такие фигуры бегут с корабля.

Тогда же прозвучали первые удары колокола, предвещавшие закат и падение завоевателя. В марте восстала Испания и с оружием в руках приступила к изгнанию французских оккупантов. В июле целый корпус наполеоновских войск сложил оружие перед повстанцами. В Португалии высадились британские полки под командованием Артура Уэлсли, будущего герцога Веллингтона, и с боями пробившись в Испанию.

Наполеон самолично во главе армии карателей огнем и мечом прошел по Иберийскому полуострову и посадил на трон в Мадриде своего брата Иосифа, но испанцев не покорил. В 1812 г., в связи с нашествием на Россию, его армия в Испании сильно поредела и была разбита гверильясами и солдатами Веллингтона. В августе они заняли Мадрид. В декабре 1813 г. остатки оккупантов покинули страну.

Посол в Париже граф П.А. Толстой в возможность союза с завоевателем вообще не верил, считал нашествие его орд на Россию неизбежным и призывал держать порох сухим. Он сознавал химерическую сущность выдвигавшихся корсиканцем время от времени проектов раздела Османской империи и не поддавался на соблазны. В декабре 1807 г. он отправил Александру I письмо, в котором изъяснялся с суровой прямолинейностью: «Надежда восстановить с сим правительством долговременный и основательный мир есть обман, коим ослепляются слабые умы, не чувствующие в себе никакой силы сопротивления, теряя тем самым время и самые способы приуготовить себя к обороне. Действия необузданной власти императора Наполеона, деятельность и искусство людей, его окружающих, необыкновенны: Гишпания и Португалия скоро падут под иго Франции, а потом восстановление Польши будет предметом его славолубия». Следует не мешкая готовиться к схватке, «ежели же не примутся нужные меры, то внезапно и с удивлением увидим мы французские армии на границах наших, и тогда последствия будут неисчислимы». Он предсказывал: прежде чем напасть на русского колосса, Наполеону необходима расчистка вокруг него, надо постараться полностью его изолировать, отделив от него Австрию [17. С. 217–219].

События развивались по схеме Толстого. В 1809 г. Габсбургская монархия подверглась четвертому в жизни одного поколения нашествию галлов. Австрийцы сражались стойко, битва под Ваграмом выдалась ожесточенная, а Шенбруннский мир принес монархии новые территориальные потери и превращение в младшего партнера завоевателя.

На повестку дня всплыл немаловажный с политической точки зрения брачный вопрос. Корсиканец перешагнул порог сорокалетия, пришла пора подумать об учреждении династии, о наследнике. Супруга, императрица Жозефина Богарнэ в браке с ним была бесплодна, возрастом она его превосходила, так что надежд на появление законного отпрыска – никаких. Марыся Валевская подарила Бонапарту сына, но ореола законности он не имел. Выбор невест был ограничен принцессами из двух домов – Романовых и Габсбургов. Все понимали – избранница принесет своей стране какие-то проблески мира, ведь не набросится же Наполеон немедленно на родственные владения. Жених устремил свои взоры в Петербург, сперва в качестве избранницы фигурировала великая княжна Екатерина, потом, и более основательно, Анна Павловна. Но та не хотела выходить замуж за недавнего гонителя веры Христовой, каковым провозглашали корсиканца православные священники в церквях в годы недавней войны. Императрица-мать Мария Федоровна ее поддержала. Хорошо еще, что официального сватовства не состоялось, и можно было замаять дело без скандала.

Поиски продолжались в Вене. Наполеон остановил свой выбор на юной эрцгерцогине Марии Луизе. Еще младенцем она была вывезена из Вены, к которой рвались полчища страшного Бонапарта. Ничего доброго не говорили и семейные предания. Ведь эрцгерцогине Марии Антонии, ставшей французской королевой под именем Антуанетты, пыльные якобинцы отрубили голову. Но долг есть долг, и брак с Наполеоном состоялся. На Баллпляц, где располагалось Министерство иностранных дел монархии, затеплилась надежда, что своего тестя, кайзера Франца, неугомонный корсиканец на какое-то время оставит в покое.

Россия осталась единственной непокоренной завоевателем державой на континенте. Очередь на расправу сводилась к ней. И вдобавок ко всем заботам, ее вляотекущей войне с Турцией, казалось, конца не будет. Османская империя была обессилена и обескровлена, внутренние трудности ее сотрясали, восставшие сербы держались стойко, аяны, правители отдельных областей, своевольничали. Балканы стали очагом кырджалийства, своего рода бандитизма в масштабе государства в дополнение к обычным разбойникам. Среди предводителей местных отрядов, фактически шаек, «прославился» видинский паша Пазванд-оглу, учинивший набеги даже на Валахию. И он же имел звание трехбунчужного паши, т.е. полного генерала на европейский лад.

И все же, несмотря на все внутренние неурядицы, вооруженные силы Османской империи численно значительно превосходили российские, ибо их основной костяк то сражался в Восточной Пруссии, то готовился к новому великому испытанию, вошедшему в историю под именем Отечественной войны 1812 года.

В октябре 1809 г. канцлер Н.П. Румянцев отправил в Дунайскую армию предполагаемые условия мира. Они предусматривали амнистию участникам сербского восстания и предоставление сербам «права полной свободы устроить собственное внутреннее правление по общему желанию народа». Турецкие войска «ни под каким предлогом» не должны были появляться в княжестве, а Порты – вмешиваться в его внутренние дела. Говорилось о «вольной навигации на морях и водах, Блистательной Порте принадлежащих», не только купеческих судов, но и кораблей под Андреевским флагом. Единственное ограничение в этом плане – одновременно через Босфор могли следовать три военных судна. Территориальные претензии ограничивались землями, жители которых, по словам генерала И.И. Михельсона, простирали руки к российскому скипетру, т.е. Молдавией и Валахией, которые

«вместе с Бессарабией присоединяются на вечные времена к империи Всероссийской, так что отныне впредь река Дунай пребудет границею между империей Всероссийской и Портою Оттоманскою. Последняя также должна была признать присоединение Грузии к России [18. 1809. Д. 8. Л. 15].

Турецкая сторона отказалась вступать в переговоры на предложенных основаниях, и рычаги давления на нее отсутствовали при нехватке военных сил и маневрировании французского «союзника». В 1810 г. очередной командующий Дунайской армией Н.М. Каменский овладел Пасарджиком, Силистрией, Джурджу, Шиштовым, Плевеном (Плевною) и, после длительной осады, Шумлой и Рушук-ком (Русе). Следуя традиции, Каменский поздней осенью отвел войска на зимние квартиры на левом берегу Дуная, а в следующем году (увы, опять по традиции) скончался. Надежды на заключение мира с Портой растаяли как снег под весенними лучами солнца. И не случайным представляется, что Александр I в марте 1811 г. назначил командующим Дунайской армией самого выдающегося полководца страны Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

А в Стамбул из Парижа поступали сведения о переброске войск к российской границе и бурных сценах, устраиваемых Бонапартом российскому послу: «Мы будем драться, – кричал он в раздражении» [21. С. 372]. Об уступке княжеств России не могло быть и речи, о чем Кутузов информировал императора: «Сии провинции служат магазейном Царьграда, и потому вся нация не допустит султана делать сию уступку». Полководец уже в июле 1811 г. стал готовить царя и канцлера к необходимости смягчения предъявляемых требований: «Султан не может согласиться на заключение договора, доколе двор наш настоять на оставлении за собой Молдавии и Валахии добивается», турки не сядут за стол переговоров, «естли мы настоять будем в требовании Дуная границею». Румянцев прислушался к его доводам, и в депеше от 7 (19) августа смягчил требования, авось можно будет «вразумить» противника на уступку одной провинции [18. 1811. Д. 14. Л. 181, 214, 318; 1811–1812. Д. 15. Л. 95]. Единственным убедительным аргументом для понуждения Порты к сговорчивости являлась решающая победа на поле боя, и Кутузов приступил к достижению цели. Подсчет имевшихся сил ничего утешительного не дал. Значительная часть войск была переброшена на север, на готовившуюся встречу наполеоновского нашествия. У Кутузова в распоряжении – четыре дивизии, 27 тысяч штыков, 13,7 тысяч сабель, 4,5 тысячи артиллеристов, у врага лишь под Шумлой 80 тысяч аскеров. Правда, размышлял полководец, «против турок успех зависит не от многолюдства, но от расторопности и бдительности командующего генерала».

И Кутузов, вписавший свое имя в историю военного искусства как вождь неторопливый и осторожный, мастер маневра, в кампании 1811 г. показал пример «расторопности». Двигаться к Шумле, где засел великий визирь Ахмед, было неразумно, следовало выманить пашу из крепости. И Кутузов стал распространять слухи о своей слабости и даже бедственном положении армии. На правом берегу Дуная он оставил засаду в Рушук-ке с окрестностями, а значительную часть армии перебросил на левый берег, надеясь своим скромным поведением «ободрить» визиря. Тот поддался на заманивание и атаковал всей силой своих войск (60 тысяч человек) двадцатитысячный русский отряд, но смять его оборону не смог. Турки ударились в бегство. Однако победитель не желал выглядеть таковым в глазах противника и от преследования отказался. Замысел Кутузова состоял в том, чтобы заманить врага на левый берег реки, отрезать его от баз снабжения и разгромить [18. 1811. Д. 1861. Л. 3–4; 22. С. 114]. Кутузов зашел столь далеко в «ободрении» турок, что взорвал рушукские укрепления, а гарнизон крепости переправил на левобережье Дуная. Ахмед паша искушения не выдержал и последовал за русскими. В Валахии Кутузов окружил визирскую армию редутами, а корпус генерала И.И. Маркова, форсировав Дунай, ударил по османам: «Весь [...] лагерь, орудия,

на берегу находящиеся, множество пленных, знамен и богатая добыча служат памятником отличной храбрости наших войск, в сей день оказанной». Пути отступления турецких войск были отрезаны, а сами они окружены под Слободзеей. Ахмед-паша бежал и 5 октября прислал в русский бивак парламентаря, прося перемирия и открытия переговоров. 30 сентября (12 октября) Румянцев направил в Дунайскую армию инструкцию: «Приобретения наши ограничить одною Молдавиею с Бессарабиею. Ежели турецкие министры будут крайне затруднены уступкою всего княжества, то довольствоваться присоединением границы по реке Серет, продолжа оную по Дунаю и до впадения его в Черное море». В Петербурге нервничали и торопили генерала: «Главное – не помешать настоящей негоциации достигнуть мира, что должно быть единственною и предпочтительною целию Вашею». Уполномоченным во главе с А.Я. Италинским, казалось, удалось достичь согласия с турками по смягченному варианту претензий. Однако в ноябре вместо ожидаемой санкции от султана последовала информация иного рода. Прибыло повеление падишаха: «У России нет причин желать увеличения территории, она и так обладает самой обширною, и пусть граница останется прежней» [18. 1811. Д. 1950. Л. 365, 379, 402; Д. 1960. Л. 428, 430; 1811–1812. Д. 1964. Л. 145; 6. Т. 6. С. 181–182]. Негоциация зашла в тупик. Кутузов получил указание – готовиться к началу военных действий. Начала не произошло, поскольку зимой тогда не воевали. Предусмотрительный командующий взял турецкую армию на левобережье Дуная «на сохранение до заключения мира», что грозило той пленением.

Кутузова можно считать генералом не только от инфантерии, но и от дипломатии, недаром он послужил уже посланником в Константинополе. И на посту командующего он в полной мере учитывал международную обстановку. Союз с Францией ожидаемых оптимистами дивидендов не принес и по сути был мертв. Нашествие наполеоновских орд на Россию стало неотвратимым. Отечественная дипломатия внимательнейшим образом следила за раскладом сил в Европе. Испанцы так и не покорились оккупантам, английские войска страну не покинули. По распространенному тогда мнению, власть марионеточного короля Иосифа Бонапарта распространялась только на дороги, по которым шагали колонны французских войск. А в селах их ждали гверильясы.

Габсбурги после поражения в 1809 г. присмирели. Брак принцессы Марии Луизы с Наполеоном служил залогом их послушания и готовности быть младшими партнерами кайзеровского зятя. Но император Франц понимал, что без опоры на Россию если не дни, то годы Австрии как великой державы сочтены.

Великобритания рвалась к союзу с Россией. До поры до времени в Петербурге делали вид, что не прислушиваются к раздающимся из Лондона призывам, но только до поры.

16 августа 1811 г. принц-регент Георг обратился к Александру I с письмом, используя в качестве передаточной инстанции представителя испанских повстанцев Зеа Бермудеса. В послании важно не только содержание, но и тональность. Выразив глубокое сожаление по поводу разрыва отношений между двумя странами, принц напомнил о «чувствах доброго расположения и приязни, которые не могут быть стерты временными или случайными препятствиями». И подписался: «Преданнейший Вам (от имени короля) Георг» (монарх к тому времени лишился рассудка). К письму был приложен меморандум Форин оффис с предложением услуг в деле примирения с Турцией [6. Т. 3. С. 397–398; 18. 1811. Д. 607. Л. 7–8]. В решающие дни британская дипломатия склоняла Высокую Порту к этому шагу. Правда, посланник в Стамбуле Листон не спешил расстаться с Лондоном, и Англию в турецкой столице представлял поверенный в делах Чарлз Стрэтфорд-Каннинг, будущий лютой враг России и один из инициаторов Крымской войны, но пока что юноша 25 лет. А на востоке возраст уважают, но чего не было, того не было.

До Кутузова доходили сведения двоякого рода. Турки, сообщал он, будут настаивать на исключении из договора всякого упоминания об Азии (конкретно – о вхождении Грузии в Россию). «Сии новые затруднения почитаю я единственно последствием внушений г-на Каннинга, рожденных от торгового корыстолюбия его правительства. И даже полагаю, что неожиданное предложение, сделанное нам Портою, отстранить совершенно статью об Азии нельзя ничему иному приписать, как внушениям поверенного в делах» [3. С. 195].

Но тот же Стрэтфорд-Каннинг в письме Галибу эфенди настойчиво высказывался в пользу мира и прислал своего сотрудника Р. Гордона для связи и содействия достижению договоренности на условиях согласия турок на границу по реке Прут и пригрозил им, в случае отказа, прорывом британского флота в Черноморские проливы [3. С. 199; 18. 1812. Д. 1982. Л. 64, 99, 118, 119; 23. С. 159]. Иначе вела себя габсбургская дипломатия. Обобранная по Шенбрунскому договору 1809 г., Австрия обратилась в младшего партнера Франции и следовала воле завоевателя. Вена опасалась утверждения российского колосса в низовьях Дуная, традиционно считавшихся зоной ее интересов. Отсюда – сотрудничество с Наполеоном, хотя корсиканец хотел и в Юго-Восточной Европе, как и повсюду, играть первую скрипку.

Переговоры с турками продолжали буксовать. Первый уполномоченный с их стороны Галиб эфенди был сторонником договоренности. В беседе с Кутузовым он дал понять, что стоит за границу по линии рек Прут и Дунай при оставлении у Турции крепостей Измаил и Килия. Он заметил, что опасность урегулированию грозит не только от иностранцев, но и от местных интриганов («разных персонажей в правительстве, пытающихся совлечь Турцию с пути ее интересов»).

Положение между войной и миром не могло продолжаться до бесконечности. Угроза неминуемого нашествия на Россию требовала, чтобы каждая пушка и каждый штык были поставлены на защиту Отечества. А тут увязли в балканской войне, отвлекая на участие в ней десятки тысяч солдат и офицеров. Кутузов грозил разгромом остатков неприятельской армии. На помощь ему пришел император своим рескриптом от 22 марта (3 апреля) 1812 г. Александр писал его сам, задумываясь над отдельными формулировками и перечеркивая карандашом уже написанное. «Великую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира. Убедительно взываю Вас любовью к своему Отечеству обратить все внимание и все усилия Ваши к достижению цели. Слава Вам будет вечная. Для единственно Вашего сведения сообщая Вам, что если бы было невозможно склонить турецких полномочных подписать трактат по нашим требованиям, то, убедаясь наперед верным образом, что податливость с Вашей стороны доставит достижение мира, можете Вы сделать необходимую уступку о границе в Азии. В самой крайности позволяю Вам заключить мир, положи Прут по впадении оного в Дунай границею» [24. С. 580, 893]. Последнюю уступку император обусловил заключением союза с Высокой Портой.

Рескрипт, можно сказать, разрубил гордиев узел русско-турецких противоречий. О степени его секретности можно судить по тому, что тем же 22-м марта 1812 г. помечены полученные Кутузовым от канцлера Н.П. Румянцева инструкции, кои предписывали ему держаться твердо и положить реку Серет границею (и между прочим, со ссылкой на волю императора). Идя на заключение мира, Кутузов брал на себя огромную ответственность, побудить турок на союз выходило за рамки возможного. «Что я ничего лучшего сделать не мог, то сему притчиною положение дел в Европе, – писал он в реляции императору. – Что я никаких не упустил стараний и способов, тому свидетель Бог». И заключение: «Но если со всем тем выгоднее все мною обещанное разорвать, приму я без роптания все, что касательно меня последовать может. Нещастие частного человека с пользою об-

щью ни в какой расчет не входит» [24. С. 850, 692]. Кутузов предоставлял государю право отказаться от договора, взвалив на него всю ответственность.

Разумеется, отказа не произошло. Ничего желаннее мира с Турцией в предвидении вторжения двенадцати языков не существовало.

Ст. 4 подписанного 16 (28) мая 1812 г. Бухарестского мирного договора гласила: постановлено, что «река Прут со входа ее в Молдавию до соединения ее с Дунаем и левый берег Дуная с сего соединения до устья Килийского и до моря будут составлять границу обеих империй, для коих устье сие будет общим». Акт предусматривал предоставление сербам автономии. В Азии Россия отказывалась от завоеваний, но не от земель, присоединившихся к ней добровольно (Грузии). Император Александр ратифицировал трактат в Вильно накануне вторжения вражеских орд (буквально). Реакция Наполеона не заставила себя ждать: он не знал доселе, какие болваны управляют Турцией [21. С. 372].

Завоевателю пришлось убедиться, что не только Османский султанат обманул его ожидания. Австрийская империя и Прусское королевство формально состояли с ним в союзе, вынужденном, заключенном после поражений, и, будучи в страхе, что без альянса им станет еще хуже, Габсбурги принесли еще в жертву принцессу. И в Вене, и в Берлине сознавали, что разгром России приведет их в состояние бесправных клиентов Бонапарта. Петербургу дали понять, что воевать с ним они будут символически. Кайзеру Францу зять предложил выставить армию в 50 тысяч человек и сражаться всерьез. Тот согласился предоставить тридцатитысячный отряд, а Меттерних устно, но в самой обязывающей форме заявил, что Австрия постарается избежать серьезных военных действий. Пруссия пошла было дальше. Генерал Г. Шарнхорст подписал в Петербурге конвенцию о союзе, не имея на то полномочий. Отчаянно трусивший король Фридрих-Вильгельм ее не утвердил, но дал обещания, сходные с австрийскими. Посетивший Стамбул секретарь шведского короля дал туркам заверение, что его страна – на стороне России. А принцем-регентом Швеции состоял бывший наполеоновский маршал Ж.Б. Бернадот, основатель и ныне царствующей в стране династии. Дания отказалась поддержать Наполеона. Отечественная дипломатия хлопотала не зря, международной изоляции России не получилось.

Наполеон привел в Россию полумиллионную армию, убрался оттуда в сопровождении 50-тысячного войска. Такой катастрофы с гениальным и непобедимым в мире не ожидали. Кутузов завоевал бессмертную славу в памяти народной. Он понимал, что обессилевший, истекший кровью неприятель не ринется из Москвы дальше на восток, а будет спасаться бегством из Первопрестольной. Но каким путем? Все говорило за то, что не прежней Смоленской дорогой, разграбленной и опустошенной во время вторжения, а более южной Калужской. Кутузов, однако, не позволил избрать сей путь. Он диктовал завоевателю, как бежать из России. Он отвел войска на юг к Тарутину, и они отбили все попытки французов прорвать их завесу. Бежать пришлось по старой Смоленской дороге, до границы дошли и ее пересекли жалкие остатки Великой армии.

Но 1812 год ознаменовался не только гибелью Великой армии. Тогда прозвучал похоронный звон по империи Наполеона. Ее падение стало фатально неизбежным и неотвратимым. Французы оплатили славу корсиканца миллионами своих сынов. Наполеон восстановил армию численно, но не качественно, это была армия не нюхавших порохов новобранцев. Летом 1813 г. К. Меттерних вел переговоры с завоевателем, добиваясь компромисса, как-никак Наполеон – зять кайзера Франца. Ознакомившись с новобранным войском, он воскликнул: «Сир! У Вас юнцы под знаменами!» С ними Бонапарт мог одержать хоть полдюжины частных побед, но решающую – никогда.

Российские войска, переступив границу, начали освободительный поход по Европе. Их встретили как избавителей от опостылевшего гнета. Народы стеной

поднялись против завоевателя. Командиры передовых отрядов, русского и прусского, генералы И.И. Дибич и Йорк, не имея приказов от своих правительств, заключили Таурогенское перемирие. Немцы не желали стрелять в русских.

Отречение Наполеона в 1814 г. было предрешено кампанией 1812 г. в России. Катастрофу Великой армии империя Наполеона не могла пережить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Бессарабии. Кишинэу, 2001.
2. *Stroia M.* România, marele puteri și Sud-Estul Europei (1800–1830). București, 2002. P. 13; *Istoria României.* București, 1998. P. 330.
3. Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997.
4. *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983.
5. *Correspondance Inedite et confidentielle de Napoleon Bonaparte.* Paris, 1919. V. 6.
6. Внешняя политика России в XIX и начале XX в. М., 1960. Т. 1; М., 1963. Т. 3; М., 1966. Т. 6.
7. Взгляд на политическое состояние Европы в начале 1806 года. СПб., 1806.
8. *Lettres Inedite de Madam la marquise Du Chastelet a M. le comte d'Argental.* Paris, 1806.
9. *Петров А.И.* Война России с Турцией 1806–1812 г. СПб., 1885.
10. *Driault E.* La politique orientale de Napoleon. Sebastiani et Gardane 1806–1808. Paris, 1904.
11. История Молдавской ССР. Кишинев, 1964. Т. 1.
12. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. М., 1996.
13. История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995.
14. *Миллер А.Ф.* Мустафа паша Байрактар. М.; Л., 1947.
15. Сборник Российского исторического общества. СПб., 1892. Т. 83. С. 742–745; СПб., 1893. Т. 88. С. 389.
16. *Вандаль Д.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи. СПб., 1900. Т. 1.
17. *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий. М., 1990.
18. Архив внешней политики Российской империи. Фонд Дипломатическая канцелярия Дунайской армии.
19. *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона. М., 2005. С. 162, 166; *Тарле Е.В.* Три экспедиции русского флота. М., 1956. С. 120; *România in relațiile Internationale.* Iași, 1980. P. 33.
20. *Гулия Г.Д.* К истории Восточного вопроса. Русско-турецкая война 1806–1812 годов и Англия. Сухуми, 1978. С. 5; *Тарле Е.В.* Талейран. М., 1953. С. 101–114.
21. История дипломатии. М., 1941. Т. 1.
22. *Жилин П.А.* Фельдмаршал М.И. Кутузов. М., 1978.
23. *Крейс С.С.* Политика Меттерниха. М., 2002.
24. Кутузов М.И. Сборник документов. М., 1952. Т. 3.

© 2012 г. В.Я. ГРОСУЛ

ГЕНЕЗИС БЕССАРАБСКОЙ АВТОНОМИИ В СОСТАВЕ РОССИИ (К 200-летию присоединения Бессарабии к России)

Статья посвящена прежде всего политико-административному устройству территории между Днестром и Прутом, после 1812 г. известной как Бессарабия. Кратко характеризуется положение дел в этом регионе во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг., управление им молдавским диваном, возглавлявшимся тогда русской администрацией. Особо исследуется деятельность учреждений с 1812 по 1818 г. в соответствии с временными правилами, и до введения Устава образования Бессарабской области – своеобразной конституции.

First of all, the article deals with political and administrative arrangements on the territory between the rivers Dniester and Prut, known after 1812 as Bessarabia. It describes the state of affairs in this area during the Russian-Turkish War of 1806–1812, and the policy of the Divan (ruler's council) of Moldova, headed by the Russian administration at that time. A special attention is paid to functioning of the local administrative bodies in the period from 1812 to 1818, and introduction the Statute of the Oblast of Bessarabia, which might be defined as a peculiar constitution of this territory.

Ключевые слова: автономия, И. Каподистрия, С. Стурдза, митрополит Гавриил, Молдавия, Бессарабия, политика

О бессарабской автономии в составе России имеется довольно значительная литература на разных языках. Но в ней, как правило, делается акцент на содержании Устава 1818 г. Мы же обратим внимание на положение в Пруто-Днестровском междуречье до принятия этого Устава, хронологически ограничив статью 1812–1818 гг. Прежде всего внимание привлекают принципы устройства этой новой области, присоединенной к России по Бухарестскому миру 1812 г., цели российского правительства и результаты первых нескольких лет нахождения этой провинции в составе Российской империи.

К началу русско-турецкой войны 1806–1812 гг. историческая Молдавия, т.е. страна, достигшая своих пределов в конце XIV–XV в., была поделена на четыре части. В 1775 г. в состав монархии Габсбургов была включена ее северо-западная часть – Буковина, можно сказать ядро молдавской государственности, с первыми ее столицами – Сирет, Бая, Сучава. Еще задолго до этого османские власти начали (с 1484 г.) отсекать от Молдавии один стратегически и экономически важный регион за другим. Непосредственно под юрисдикцией турецких властей находились рая по Дунаю и Черному морю, а также Хотинская рая на севере Пруто-Днестровского междуречья. В так называемом Буджаке были поселены ногайцы, подчинявшиеся крымскому хану. К середине XVIII в. по подсчетам молдавского историка П.Г. Дмитриева из 45 800 кв. км. междуречья в пределах Молдавского

Гросул Владислав Якимович – д-р ист. наук, главный сотрудник ИРИ РАН.

княжества находилось только 20 300 кв. км [1. Паж. 361]. Таким образом, больше половины земель от Прута до Днестра уже в состав Молдавского княжества не входила и турецкие власти в перспективе намечали соединение южных мусульманских районов с северными и превращение всего междуречья в турецкий пашалык.

Это намерение было пресечено русско-турецкими войнами и уже после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. и Айналы-Кавакской конвенции 1779 г. османской Порте пришлось уступить Молдавии часть центрального междуречья, получившего название Хотарничанский цинут. Однако и после этого большая часть этой территории в состав Молдавского княжества не входила. Итак, четыре части исторической Молдавии – австрийская, турецкая, ногайская и молдавская управлялись разными администрациями и по разным законам. Причем турецкая часть делилась на северную (Хотинская рая) и южную, между которыми также имелись некоторые отличия. По-существу, Пруто-Днестровское междуречье представляло собой чересполосицу, где турецкая часть сменялась молдавской, молдавская – татаро-ногайской, а затем снова турецкой зоной.

Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. русские войска постепенно заняли как земли княжества, так и территории, контролировавшиеся турками и ногайцами. Военные действия способствовали перемещению населения, известно переселение молдаван в разные направления, в том числе и в Добруджу, где молдаване как этноним фигурируют не только в середине XIX, но даже и в начале XX в. [2]. Во время этой войны из междуречья было окончательно выселено мусульманское население, и земли, ими занимавшиеся, поступили под управление молдавского Дивана, контролировавшего русской администрацией.

В литературе уже неоднократно приводился документ, хранящийся в Архиве внешней политики Российской империи, согласно которому 8 мая 1807 г. министр иностранных дел России А. Будберг сообщал главнокомандующему русской армией на Дунае Михельсону, что император Александр I одобрил его представление относительно рай Бендерской, Аккерманской и Килийской и «соизволяет, чтобы оные так же, как и Хотинская, отданы были в управление молдавского Дивана, а равным образом и вся часть Бессарабии, которая войсками нашими занимается[...]» [3. Л. 108–111 об.]. Действительно, после того как на территории междуречья были прекращены военные действия, весь этот регион стал контролироваться русскими войсками и русской администрацией, во главе которой последовательно стояли русские чиновники С. Лошкарев, С. Кушников, а затем В. Красно-Милашевич. Непосредственное же управление этими районами осуществлялось молдавским Диваном, назначавшим соответствующих исправников. Таким образом, молдавскому Дивану стали подчиняться и вновь созданные цинуты – Хотинский, Бендерский, а также Аккерманский и Томаровский, прежде называвшиеся Бессарабией или Буджаком [4. Р. 43], они стали приносить в казну княжества и определенные доходы [5. С. 89]. Русским военным властям было запрещено вмешиваться в дела гражданского управления.

Примечательно, что инициатором перевода под управление молдавского Дивана бывших рай и ногайских поселений стало российское Министерство иностранных дел, поддержанное самим императором. Тем самым произошла молдованизация этого края и ликвидация прежней чересполосицы, явно соответствовавшие тогдашним взглядам российского правительства. Что касается его внешнеполитических планов, то они хорошо изучены в литературе. Тогда Россия была не прочь присоединить как Молдавию, так и Валахию с сохранением их традиционного устройства и законов. 7 октября 1811 г., когда возобновились переговоры с турецкой стороной, М.И. Кутузов, представлявший Россию, писал турецкому представителю Ахмед-паше: «Мой государь постоянно выражал желание Дунай положить границу своей империи» [6. С. 653]. Собственно, еще 5 (17) января

1811 г. Александр I предписывал тогдашнему командующему молдавской армией Н.М. Каменскому: «Мир же заключить, довольствуясь иною границею, нежели Дунай, я не нахожу ни нужды ни приличия» [7. С. 10].

Однако война затягивалась, а опасность нападения на Россию армии Наполеона все возрастала и запросы российских официальных представителей на переговорах с Турцией становились все более и более скромными. Дело закончилось тем, что М.И. Кутузов, ведший переговоры с турецкой стороной до мая 1812 г., согласился на присоединение к России только одного Пруто-Днестровского междуречья. Историческая Молдавия, таким образом, с тех пор включала три части. Но именно это междуречье по территории стало наиболее значительным, обнимая, как уже указывалось, площадь в 45,8 тыс. кв. км, тогда как Молдавское княжество со столицей в Яссах имело площадь в 38 тыс. кв. км, а Буковина, главным городом которой стали Черновицы, только 10 тыс. кв. км. Забегая несколько вперед, отмечу, что к Бессарабии по Адрианопольскому миру 1829 г. была присоединена также дельта Дуная, и ее площадь стала еще более значительной.

Вокруг оценки присоединения Бессарабии к России ведутся давние дискуссии, как правило, весьма политизированные. Я не ставлю перед собой задачу продолжить эти дискуссии, но отмечу, что некоторые современные молдавские авторы пишут: «Аннексия Бессарабии была большой трагедией для жителей этой провинции» и среди негативных последствий подчеркивают разлучение братьев и сестер [8. Р. 10]. В этом отношении продолжается традиция румынской литературы межвоенного периода [9. Р. 1]. В действительности никакого железного занавеса по Пруту не было и молдаване спокойно переселялись в Россию и обратно многие десятилетия после 1812 г., о чем сообщается в отчетах известного III отделения. Но как-то забывают о том, что была упразднена известная бессарабская чересполосица и положен конец турецко-татарским набегам и чрезвычайно отяготительной дани турецкому султану, причем не только в денежной форме. Вообще все междуречье было избавлено от возможного превращения в пашалык. Оторвавшись формально от запрутских молдаван, молдаване центральной части Пруто-Днестровского междуречья соединились с молдаванами северной и южной его частей, а также с заднестровскими молдаванами, поскольку до войны 1806–1812 гг. в состав Молдавского княжества Бендеры, Каушаны, Липканы, Бричаны и многие другие населенные пункты не входили. Создалась, таким образом, новая историческая общность под названием Бессарабия. Более того, последовал период молдавского культурного возрождения в Бессарабии: увеличилось число молдавских школ прежде всего при монастырях и церквях [9. Р. 78, 93, 144, 159; 10], открылись кишиневская семинария и первая в истории края типография, печатавшая и молдавские книги, и т.д., и т.п.

Пруто-Днестровское междуречье в 1812 г. еще не имело своего главного города и лишь несколько позднее, не без дискуссий, им стал город Кишинев, хотя некоторые русские чиновники считали, что пальму первенства следует отдать Бендерам. Видный русский дипломат Ф.П. Пален даже составил специальную «Записку о преимуществе города Бендер перед Кишиневом» [11. Д. 14. Л. 114–117]. Однако митрополит Гавриил Бэнулеску-Бодони, переехавший в новую провинцию уже в конце сентября 1812 г. [12] и устроивший в Кишиневе центр своей епархии, привел более весомые доказательства в пользу Кишинева, указывая прежде всего на центральное его положение в крае.

Вообще, в устройстве Бессарабской области митрополиту Гавриилу принадлежит весьма заметная роль, что уже давно отмечено в литературе [13. С. 150–154]. По молдавским обычаям митрополит занимал по своему положению второе место после господаря, а при отсутствии последнего даже первое, т.е. митрополит ведал не только церковными, но и светскими делами. Так оно получилось и при образовании новой области. Среди представителей местного боярства не было фигуры

более крупной и авторитетной, нежели митрополит Гавриил. Он стал основателем новой митрополии с центром в Кишиневе и способствовал ликвидации церковной раздробленности в междуречье. До этого Северные ее приходы подчинялись Рэдэуцкому епископу, центральные – Хушскому, а приходы южной части, управлявшиеся турками и ногайцами, подчинялись Проиловской епархии, не входившей в Молдавскую митрополию и напрямую связанную с Константинопольским патриархом.

После создания новой митрополии в Кишиневе все эти три части составили в церковном плане единое целое и, кроме того, ей подчинили приходы по левому берегу Днестра, южнее р. Ягорлык, в том числе и г. Тирасполь и даже Одессу. Церковная унификация способствовала и территориальному единству. Таким образом, создается новая административная единица, над характером управления которой задумались сразу после подписания Бухарестского мира 1812 г. Тем более, что в 1812–1830 гг. Бессарабия находилась между двумя таможенными и, тем самым, сформировался бессарабский внутренний рынок.

Изначально новые власти не собирались превращать эту провинцию в губернию, предполагая учесть местные особенности и состав населения. Было решено предоставить ей значительную автономию, которая привлекла внимание многих исследователей. Наиболее крупными работами по этой теме являются монографии А. Накко, А. Болдура и Я. Гросула, написанные в разное время и с разных позиций [14–16]. Ей посвящен и ряд других исследовательских работ [17–20].

Причины создания бессарабской автономии, ее особенности, последующая ее ликвидация нашли отражение в этих работах, где был также мобилизован значительный источниковый материал. Однако и сегодня можно сказать, что имеется немало источников по этой теме, которые необходимо привлечь и, самое главное, автономия не изучена в контексте истории молдавской государственности и других автономий тогдашнего времени в составе России.

Во время войны молдованизация Пруто-Днестровского междуречья заметно усилилась и на всю ее территорию были распространены как молдавские законы и обычаи, так и деятельность молдавской церкви. Эта сторона в предыдущих исследованиях как-то уходила на задний план или вообще не отмечалась. Во время войны и вскоре после нее местные бояре захватили 120 тыс. десятин земли. Это не считая того, что правительство России раздало им и русским помещикам – прежде всего крупным военным деятелям и видным чиновникам – значительные участки, нередко в несколько и более тысяч десятин (всего в течение 20 лет после заключения мира дворянам было пожаловано на юге Бессарабии 300 тыс. десятин земли). Если к началу XIX в. казенный земельный фонд был сведен к минимуму, то вскоре после 1812 г. только в Бессарабии он составил 1,5 млн десятин [21].

Выселение мусульманского населения имело чрезвычайно важное значение для жителей Центральной, да и Северной Бессарабии в плане их ограждения от беспокойных соседей. А. Накко, выходец из среды молдавских бояр, основательно изучавший историю края, говоря о жизни в молдавской части Бессарабии, писал: «Здесь жители находились еще в худшем сравнительно положении, нежели запрутские братья их, так как они имели соседями своими с севера турок, от которых избавились в начале войны, а с юга татар, кочевавших еще в буджакских степях. Соседство дикой азиатской орды делало жизнь этих жителей почти невыносимой, подвергая их, сверх внутренних насилий и грабежей, еще внешним нападениям разбойничьих шаек, угонявших скот и уводивших людей в неволю» [22. С. 14]. Действительно, в XVIII в. известно около десяти крупных турецко-татарских набегов на Молдавию, а что касается мелких, то они имели место ежегодно, особенно после сбора урожая.

После Бухарестского мира, когда в состав России вошла только Бессарабия, встал вопрос об ее административном устройстве. Кстати, Бессарабия была из-

бавлена от фанариотского господства на 10 лет раньше, чем Запрутская Молдова, и это, конечно, имело для края позитивное значение. Задача ее управления была поставлена перед новым командующим русской армией адмиралом П. Чичаговым, который пришел на смену М.И. Кутузову. В скором наступлении Наполеона на Россию не было никакого сомнения, и этот фактор необходимо постоянно учитывать при оценке деятельности Чичагова. Прежде всего он способствовал отправке части русских войск навстречу Наполеону, а затем сам принял участие в непосредственных сражениях с французской армией.

При устройстве Бессарабии Чичагов должен был руководствоваться несколькими основными принципами. Как каждое крупное государство Россия проводила политику централизации и унификации. Но, включая в свой состав многочисленные народы и народности, она не могла не учитывать и местные особенности, не могла не стремиться к получению поддержки этих народов, особенно пограничных с теми странами, с которыми Россия вела многочисленные войны. Она, стремясь к укреплению своего могущества, полагалась не только на силу оружия, но и на определенные дипломатические приемы, например, на свой внешнеполитический конституционализм, получивший изначально применение на греческих Ионических островах и проводившийся вплоть до начала XX в., завершившись реформами на греческом острове Крит (см. [23]).

Но кроме внешнеполитического имел место и внутривосточный конституционализм. Он нашел отражение в Финляндии, Польше и других регионах России, особенно во время правления Александра I [24. С. 166]. Бессарабия рассматривалась как южная Финляндия, тем более, что при ее устройстве использовался финский опыт, опыт северной провинции, вошедшей в состав России всего лишь за три года до нее¹. Ф. Вигель, хорошо знавший положение Бессарабии и одно время бывший ее вице-губернатором, еще в 1823 г. подчеркивал, что Бессарабия «имеет единство прав с Королевством Польши и Великим Финским герцогством, которые имеют свое собственное политическое управление» [25. С. 7].

Адмирал Чичагов осуществлял лишь общее руководство новой областью. 23 июля 1812 г., еще находясь в Бухаресте, он подписал документ под названием «Образование временного правления в Бессарабии» [20. С. 128; 26. Р. 184]. Тем не менее в литературе первый официальный нормативный акт, касающийся новой российской провинции, датируют 2 августа 1812 г., когда он вошел в силу [27. Р. 7]. Положение же об ее устройстве было поручено составить графу И. Каподистрия, уже имевшему опыт преобразований на Ионических островах и неплохо знавшему положение в Дунайских княжествах. Он имел знакомых среди молдавских бояр и особенно был близок к С. Стурдзе и его детям Александру и Роксандре [28. С. 16, 18, 36]. Эту близость, конечно, нужно иметь в виду, изучая те предложения, которые были выработаны русским дипломатом греческого происхождения.

Проект «Временных правил» управления Бессарабской областью был подготовлен Каподистрией в самые кратчайшие сроки и уже в июле 1812 г., т.е. через два месяца после подписания Бухарестского мира, был переслан Чичаговым в Петербург [17. С. 197–198]. Война с Наполеоном была в разгаре, еще не миновала угроза самому Петербургу, а в столицу России доставляется проект устройства новой окраины. Хотя мир с Турцией был заключен, новая война с ней не исключалась и внимание к проекту И. Каподистрии проявили чрезвычайное. Не случайно он был вскоре поддержан, и уже 1 февраля 1813 г. Сенат постановил учредить Временное правительство Бессарабии по гражданскому управлению. Это прави-

¹ Любопытно, что еще 6 марта 1812 г. митрополит Гавриил Бэнулеску-Бодони переслал Александру I проект П.Х. Безака, в котором шла речь о создании в Дунайских княжествах особой комиссии, «подобно той, которая существовала в Финляндии», и перечислялись основные принципы административного строительства в крае [20. С. 129].

тельство должно было руководствоваться проектом Каподистрии, подписанным Александром I.

Именно в этих «Временных правилах» 1813 г. официально применен термин «Бессарабская область», а Пруто-Днестровское междуречье получило статус не обычной русской губернии, а области с очень заметными, можно сказать, существенными особенностями. Практически сохранялась на среднем и нижнем уровнях старая, т.е. молдавская, система управления. Область делилась на систему цинут (уездов). В ее состав входили 17 городов и 693 сельских населенных пункта. В 1816 г. насчитывалось девять цинутов. Каждый цинут, как и прежде в Молдавском княжестве, состоял из околов, своеобразных волостей, но более крупных по размеру. В околы входил ряд сел, также управлявшихся по прежним молдавским традициям. Цинуты возглавлялись исправниками из числа молдавских бояр, причем назначались они на один год в соответствии с молдавскими традициями.

Таким образом, на нижнем и среднем уровнях никаких существенных перемен не произошло. Заметные изменения произошли на верхнем уровне управления. По «Временным правилам» сохранялось деление властей на военную и гражданскую, введенное во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Верховную власть представлял командующий русской армией на Дунае. Гражданскими делами должен был ведать специальный гражданский губернатор. Что касается военного начальника, то ему подчинялись находившиеся на территории области воинские части и крепости. Ему было запрещено вмешиваться в дела гражданского управления, он должен был лишь оказывать в случае необходимости помощь гражданскому губернатору, в том числе и с применением военной силы.

«Временными правилами» предусматривалось также создание бессарабского областного правительства, состоявшего из молдавских бояр и русских чиновников. Председателем этого областного правительства являлся гражданский губернатор, ведавший всеми делами внутреннего управления области. Само правительство состояло из Общего собрания и двух департаментов, в свою очередь делившихся на три экспедиции. Уже само название – правительство – говорило о многом, ведь на уровне обычной русской губернии о такой структуре управления не могло идти и речи.

Общее собрание состояло из советников департаментов и, проходя под председательством губернатора, занималось обсуждением и решением дел, поступавших из департаментов, а также выдвигавшихся непосредственно самим губернатором. Департаменты, в свою очередь, состояли из экспедиций. Например, в рамках первого департамента имелись три экспедиции – гражданских и судебных дел, уголовных и следственных, городской и земской полиции.

Из трех экспедиций состоял и второй департамент. Это были экспедиции статистики, финансов и торговли. «Временные правила» особо оговаривали привилегии молдавских чиновников из бояр. Соотношение советников из числа молдавских и русских чиновников предусматривалось в пропорции 7:5, т.е. давало преимущество молдавским боярам. Что касается ведения гражданских и уголовных судебных дел, то они должны были решаться в соответствии с местными законами и обычаями. Полицейские же дела предписывалось вести по законам Российской империи. В Кишиневе и Хотине учреждались непосредственно подчиненные гражданскому губернатору полицмейстерства, призванные работать на основе общероссийских законов. В тех же городах, где имелись крепости (кроме Хотина), местная полиция находилась в подчинении комендантов этих крепостей (см. [29]).

Еще одна особенность центрального управления области заключалась в том, что ни одна из экспедиций не имела права принимать решения по тем или иным делам, подготавливая лишь соответствующие материалы и проекты. Решения принимались каждым департаментом большинством голосов. К особенностям

«Временных правил» следует отнести и то, что дела в областном правительстве велись параллельно на двух языках – русском и молдавском, и в связи с этим каждый департамент состоял из двух канцелярий. Тяжебные дела предписывалось вести на молдавском языке. «Временные правила» также освобождали жителей края от всех государственных податей на три года [30. С. 108–115], что должно было послужить компенсацией за невзгоды войны с ее постоянными и военными поставками.

Таково основное содержание «Временных правил» 1813 г., первых основных законов Бессарабии, можно сказать, своеобразной бессарабской конституции, хотя и носившей временный характер. Но они в основном действовали более пяти лет, до апреля 1818 г., когда Александр I подписал новый бессарабский статут под названием «Устав образования Бессарабской области». Правда, заметные изменения во «Временные правила» были внесены в 1816 г., но они не затронули их суть.

Говоря о юридической стороне устройства бессарабской автономии, необходимо учитывать и ряд других документов, особое место среди которых занимают специальные инструкции, направленные адмиралом П. Чичаговым первому бессарабскому гражданскому губернатору С. Стурдзе. В них обращают на себя внимание как установки внешнеполитического характера, так и рекомендации внутреннего порядка, причем как собственно политического свойства, так и экономического. Бессарабия в соответствии с этими инструкциями должна была стать примером для балканских народов – молдаван, валахов, греков, болгар, сербов и других, ориентировавшихся, или, как там указывалось, «привязанных к России». Этим же народам надлежало помочь и в переселении их в Бессарабию, которая опять-таки, говоря словами инструкции, требовала «увеличения населения».

Инструкция Чичагова предписывала проведение специальных мер по усилению привязанности местного населения к России с тем, чтобы «возбудить в жителях этой области любовь к родине и правительству». Здесь же предписывалось развитие школьного дела, торговли, а также использование ресурсов Бессарабии для обеспечения войск продовольствием. Чичагов нацеливал губернатора на проведение взвешенной политики в распределении должностей и соблюдение строгой законности по отношению к местным жителям.

В сочетании с «Временными правилами» инструкции Чичагова составили важнейшую правовую основу формировавшейся бессарабской автономии, которая по сути была молдавской. Кроме нижнего и среднего звена администрации верхнее звено также сохраняло значительные, хотя и меньшие, элементы молдавской государственности. Не случайно в литературе отмечается, что областное правительство несколько напоминало молдавский Диван [16. С. 151]. Если к этому добавить, что подавляющее число церковных приходов возглавлялись молдавскими священниками, отправлявшими службу на молдавском языке, а бессарабскую церковь возглавлял авторитетный митрополит Гавриил – последовательный поборник бессарабской автономии, то можно с полным основанием говорить о том, что изначально молдавские элементы в системе бессарабской администрации были достаточно значительными и, более того, преобладающими. Даже в 1819 г. в составе администрации Бессарабии числилось 124 чиновника, из которых молдаване составляли – 53,2%, русские – 30,6% и прочие – 16,1% [31. С. 266].

Не следует забывать и о конкретном историческом контексте – 1812 г., когда шла война с Наполеоном, в которой приняли участие и многие молдаване [32], и не исключалось возобновление военных действий с Турцией. В этих условиях поддержка местного населения выходила на первый план, и не в интересах российского правительства было ухудшать его положение. Не случайно, среди прочего, местные жители на 50 лет освобождались от рекрутской повинности.

Однако между юридическими установками и реальным фактическим положением всегда есть отличия. Имелись они и в Бессарабии. Конечно, «Временные правила» продемонстрировали стремление к наведению некоторого порядка. В учреждениях вводилась отчетность, налаживался определенный контроль за деятельностью чиновников, заметна тенденция к ограничению их произвола [16. С. 151]. Все-таки в России административная и судебная системы уже подвергались заметной модернизации, приблизившись к тогдашним европейским образцам. Здесь же, в Бессарабии, ощущалось влияние османского господства и его порождения – фанариотской системы. В течение времени действия «Временных правил» и некоторого периода после Бессарабия находилась по сути в двойном подчинении у военных властей и Министерства иностранных дел, конкретно, в подчинении у Каподистрии. Так продолжалось до 1822 г., когда он ушел в фактическую отставку и переехал в Швейцарию. 16 июля 1822 г. Каподистрия довел до сведения генерала И.Н. Инзова, что управление Бессарабией окончательно передается из Министерства иностранных дел в Министерство внутренних дел [11. Д. 9. Л. 9].

Главное среднее звено – исправники, в подавляющем большинстве – молдаване, пользовались почти неограниченной властью. Еще А. Накко отмечал крайний произвол чиновников местного аппарата, не считавшихся ни с какими законами и рассматривавших «вверенную им власть совершенно абсолютной» [4. С. 9]. Несмотря на то что местные жители были освобождены от налогов на три года, исправники продолжали их собирать и чудовищно обогащаться. За год своего исправничества они делали огромные состояния, тогда как народ испытывал заметные лишения.

Под стать им были и их подчиненные. В волостях (околах) имелись своеобразные чиновники – околаши, рекрутировавшиеся из местных бояр. В свою очередь околы состояли из примарий. В селах они управлялись «капитанами де мазыль», а в городах – «капитанами де тырг». Старосты также назначались исправниками из среды бояр второго или третьего разрядов или даже из мазылов – особой категории населения, находившихся по своему положению между боярами и свободными крестьянами. Это была традиционная система местного управления, складывавшаяся на протяжении многих лет. Взаимоотношения должны были строиться в соответствии с обычным правом, и в случае возникновения спорных проблем их решение осуществлялось в устной форме и на молдавском языке. И хотя фанариотское господство было в Бессарабии упразднено, влияние фанариотской традиции продолжало сказываться.

Получив власть всего лишь на несколько лет, фанариотские господа стремились прежде всего к возмещению своих затрат, которые они понесли при покупке своего поста, и к получению дополнительной прибыли. Подобное положение наблюдалось и в системе исправничества, на что обратил внимание приехавший несколькими годами позднее генерал П.Д. Киселев, назвавший исправников грабителями, платившими за свое место от 20 до 390 тыс. рублей [33. С. 31–33].

Эта система предполагала прежде всего быстрое обогащение за счет местного населения. Произвол был характерной особенностью такого управления. Кроме того, в области действовала система откупов, приводившая к возникновению монополистов и быстрому обогащению. К этим особенностям местной жизни необходимо добавить и своеобразие момента. Россия была поначалу отвлечена на борьбу с Наполеоном и после того, как он взял Москву, в Бессарабии стали настоятельно распространяться слухи о том, что скоро возвратятся турки и татары и вернут свои порядки, как это было после предыдущих русско-турецких войн. Эти слухи стали одной из причин массового переселения молдавских крестьян в Запрутскую Молдову, куда их усиленно приглашали бояре, имевшие там свои имения. Группа этих бояр обратилась к Порте с просьбой присоединить

Бессарабию к княжеству. Циркулировали и более долговременные слухи о том, что якобы будет иметь место закрепощение бессарабских крестьян. Слухи также совершенно безосновательные, поскольку даже молдавские села по левому берегу Днестра запрещено было переводить в состояние крепостных. Часть из них включалась в разряд государственных, а во владельческих селах помещики строили свои отношения с крестьянами, перешедшими из Молдавии, на тех же основаниях, что и прежде. Выехавший в Бессарабию П. Свиньин предложил для пресечения распространения слухов опубликовать официальное извещение о том, что местные крестьяне останутся вольными хлебопашцами [11. Д. 1. Л. 15–17].

Но слухи сыграли свою роль, и тысячи молдавских крестьян начали переселяться за Прут [17. С. 203; 34. С. 140]. Дело приняло столь значительный оборот, что им заинтересовался сам император Александр I, который в рескрипте митрополиту Гавриилу писал: «Я хочу, чтобы сия плодородная страна оживилась новою жизнию, и ожидаю того от усердия моего уполномоченного, и от единодушного содействия всех жителей Бессарабии» (цит. по [35. С. 281–282]).

Однако лишь в 1817 г. наместник Бессарабии генерал-лейтенант Бахметьев получил возможность доложить центральному правительству об улучшении положения в Бессарабии, прекращении бегства крестьян за Прут и, более того, о намерении жителей Молдавского княжества переселиться в Бессарабию [16. С. 167]. Мощный поток переселенцев из княжества в Бессарабию последовал уже в 1821 г., после введения туда турецких войск. И с тех пор число переселяющихся из Молдовы молдаван постепенно превысило количество переезжающих туда, о чем свидетельствуют официальные данные III отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Даже после объединения Молдовы и Валахии это отделение фиксировало миграцию молдаван. Так, в 1867 г. в Россию прибыли 5329 молдаван, а выехали – 105. В следующем, 1868 г., прибыли 9369, а покинули – 118 [36]. Но переселялись и другие народности. Перемещение мусульманского населения, занимавшего территорию величиной в половину Пруто-Днестровского междуречья, привело к заметному опустению региона. Поэтому вопрос заселения края, особенно сразу после 1812 г., был одним из важнейших. Миграция началась еще во время войны 1806–1812 гг. Переселялись русские старообрядцы, болгары, гагаузы, и вскоре возникли проблемы их взаимоотношений с местными, пока еще по существу, молдавскими властями. Кушников, председательствовавший тогда в Диванах княжеств, изъяс колонистов из-под управления молдавских исправников и руководство ими поручил специальным русским комиссарам, которые занимались их устройством на местах. П.И. Багратион в то время, когда был главнокомандующим русской армии, отдал распоряжение освободить переселенцев от несения налогов и повинностей. И у главнокомандующего армией на Дунае М.И. Кутузова задунайские переселенцы «испрашивали особого управления, чтобы не быть в подчинении своекорыстных местных исправников» [37. С. 11]. Кутузов гарантировал им свою поддержку, но с его отбытием обещания эти забылись. Дело дошло даже до того, что молдавские помещики предприняли попытку превратить болгар и гагаузов в феодально зависимых крестьян [34. С. 53]. Колонисты обратились за содействием к российским властям, которые предприняли соответствующие меры, закончившиеся изданием специального «Указа об устройстве колонистов» 1819 г. На особом положении оказались и колонисты-немцы, переселившиеся в Бессарабию с 1814 г. Таким образом, образовалась своеобразная автономия в автономии. Поэтому по мере увеличения числа переселенцев проблема местного и областного управления все более обострялась.

Бессарабия находилась на одном из важнейших направлений внешней политики России – балканском и нуждалась в основательном укреплении своих границ на случай новых войн с Турцией и, возможно, с Австрией. Поэтому ее заселение

носило еще и стратегический характер. И в этом было одно из важнейших ее отличий от Финляндии. Финляндия сохранила поэтому свою автономию до 1917 г., тогда как Бессарабия потеряла ее в 1828 г.

Собственно проблемы управления областью возникли с самого начала установления автономии. Первый гражданский губернатор, молдаванин по национальности, С. Стурдза, поддерживаемый митрополитом Гавриилом, всячески отстаивал автономные права области. На его стороне была довольно сильная группировка бояр и представителей духовенства. Но с самого начала в области имелась и другая группировка, ориентированная на генерала Гартинга – военачальника области. Вторая группировка ратовала за сужение автономии и даже ее упразднение и введение общеимперских законов, т.е. превращения Бессарабии в обычную губернию. Уже 17 июня 1813 г. царским указом губернатор С. Стурдза был снят с должности по старости и недостаточной распорядительности, а новым губернатором области назначен генерал Гартинг. Таким образом, он сосредоточил в своих руках как военную, так и гражданскую власть. Казалось, что автономия Бессарабии обречена, тем более, что Гартинг с самого начала предложил путь дальнейшей централизации и унификации. Однако и оппозиция не дремала. Даже лишившись поддержки губернатора, она продолжила борьбу. В 1814 г. оппозиция через митрополита Гавриила обратилась с рядом прошений к императору, в Комитет министров и в Государственный совет. Ее представители просили сохранить законы области, их права и привилегии, уравнивать молдавских бояр в правах с российским дворянством, придать митрополиту функции их председателя и первого судьи и «дать гражданского правителя сей области из природных молдаван». Кроме всего прочего, они настаивали на пересмотре «Временных правил» 1813 г. по причине того, что последние «не соображены обстоятельно с силой правил и обычаев земли» [19. С. 157–158].

Сторонники автономии требовали еще большего усиления молдавских начал в управлении областью, а Гартинг и его группа отстаивали прямо противоположные принципы. Борьба продолжалась. В связи с этим 21 февраля 1815 г. в Петербурге был создан специальный комитет по составлению новых правил для управления Бессарабской областью. Эти правила, вновь подготовленные И. Каподистрией, предполагали создание в Бессарабии наместничества. Гартинг был уволен в начале 1816 г., бессарабским губернатором стал грек Калагеоргий, знавший молдавский язык. Наместником Бессарабии император назначил в том же году генерал-лейтенанта Бахметева. Автономные права области в несколько урезанном виде в основном сохранялись.

В рескрипте, направленном Бахметеву 21 мая 1816 г., в котором сообщалось о его назначении наместником, Александр I подчеркивал необходимость в будущем иметь в «Бессарабии особое областное образование, согласное с коренными ее законами, и ее нравом и обычаями, достаточное к обеспечению прав и преимуществ, принадлежащие каждому сословию жителей» [11. Д. 2 (1816 г.). Л. 1–5]. Интересно, что император направил также и специальное письмо митрополиту Гавриилу, где подчеркивал свое намерение установить в Бессарабии такую гражданскую администрацию, которая бы соответствовала местным «правам, обычаям и законам» [35. С. 289].

Учреждение наместничества не привело к упразднению бессарабской автономии, сохранившей по-прежнему свой молдавский характер, что предполагалось сохранить и при последующей реорганизации управления областью, работа над которой велась в 1816–1818 гг. и в чем активное участие принимал созданный в июне 1816 г. временный комитет. В комитет входили 10 членов из числа молдавских бояр и двое – Крупенский и Юшневский – назначенные от правительства. Председателем комитета являлся гражданский губернатор Калагеоргий, находившийся в непосредственном подчинении у Бахметева [38. Р. 78–79].

Уже такой состав временного комитета свидетельствовал о намерении правительства сохранить автономные начала области. Так оно и произошло при введении специальным рескриптом Александра I 29 апреля 1818 г., во время посещения им Бессарабии, в действие Устава образования Бессарабской области.

Но, как можно было заметить, и до этого Устава – новой своеобразной бессарабской конституции более пяти лет в области сохранялись довольно значительные элементы молдавской государственности. Не случайно о них вспомнили и в 1905, а затем в 1917 г., когда встал вопрос о создании Молдавской республики [39. С. 14, 103].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Кишинэу, 1970. Вол. 1.
2. Analele Dobrogei. Serie nouă. Anul V. № 2. Constanța, 1999. P. 110; *Леонтьев К.Н.* Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты 1865–1872. М., 1989. С. 190; *Троцкий Л., Раковский Х.* Очерки политической Румынии. М., 1922. С. 95.
3. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. Д. 1885.
4. *Gosu A.* Rusia la Dunărea de jos. Pacea de la București (mai 1812) // Studii și materiale de istorie modernă. București, 1996. Vol. X.
5. Кутузов в Дунайских княжествах. Сб. док. Кишинев, 1948.
6. *Кутузов М.И.* Сборник документов. М., 1952. Т. III. 1808–1812.
7. Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1962. Т. 6. 1811–1812 гг.
8. *Colesnic Iu. Scarlat Sturdza // Colesnic Iu.* Basarabia necunoscută. Chișinău, 1997.
9. *Ciobanu St.* Cultura românească în Basarabia sub stăpanirea rusă. Chișinău, 1923.
10. *Mihailovici P.* Niparituri romanesti în Basarabia dela 1812 la 1918. București, 1940.
11. Российский государственный архив в Санкт-Петербурге. Ф. 1308. Оп. 1.
12. *Melinte V., Cernenchi E.* Unele aspecte din istoria creării instituțiilor autoadministrării locale în Chișinău (1812–1918) // Revista de istorie a Moldovei. Chișinău, 2009. № 4 (80). P. 215; *Игумен Ириней (Тафуня).* Митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони) основатель Кишиневско-Хотинской епархии. Ново-Нямец, 2009.
13. *Батошников П.Н.* Бессарабия. Историческое описание. СПб., 1892.
14. *Накко А.* Очерк гражданского устройства Бессарабской области с 1812 по 1828 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1900.
15. *Boldur A.* Autonomia Basarabiei sub stăpanirea rusească în 1812–1828. Studii. Chișinău, 1929.
16. *Гросул Я.С.* Автономия Бессарабии в составе России (1812–1828 гг.) // *Гросул Я.С.* Труды по истории Молдавии. Кишинев, 1982.
17. *Кассо Л.А.* Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913.
18. *Сурилов А.В.* Общественное устройство и управление Бессарабией первой половины XIX в. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1953; *Федоров Г.К.* Государственно-административное устройство и местное право Бессарабии (1812–1917). Кишинев, 1977; *Halippa P.* Autonomia Basarabiei de la începutul secolului trecut // Viața Basarabiei. București, 1940. № 9–10.
19. *Анциупов И.А., Жуков В.И.* Реформы в управлении Бессарабией с 1812 по 1828 г. // Ученые записки Кишиневского госуниверситета. Кишинев, 1957. Т. 26.
20. *Морозан В.В.* Формирование и деятельность административных органов управления в Бессарабской области в начале XIX в. // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2005. № 1 (28). С. 125–134; № 2 (29). С. 152–161.
21. *Гросул В.Я., Будак И.Г.* Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812–1861). Кишинев, 1967.
22. *Накко А.* Очерк гражданского управления в Бессарабии, Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806–1812 г. Одесса, 1879. Т. XI. Записки Одесского общества истории и древностей российских.
23. *Гросул В.Я.* Российский конституционализм за пределами России // Отечественная история. 1996. № 2.
24. *Чарторыйский А.* Русский двор в конце XVIII и в начале XIX столетия. 1795–1803. М., 2007.
25. *Вигель Ф.Ф.* Замечания на нынешнее состояние Бессарабии. СПб., 1823.
26. *Jarcutchi I., Mischevca V.* Pacea de la Bucuresti. Chișinău, 1993.
27. *Barcaru S.* Considerații privind instituțiile administrației locale din Basarabia reflectate în actele legislative rusești din anii 1812–1837 // Revista de istorie a Moldovei. Chișinău, 2009. № 4 (80).
28. *Арш Г.Л.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. М., 1976.
29. *Захария С.К.* Влияние российского законодательства на судоустройство и судопроизводство Бессарабии 1812–1869 гг. Автореф. дис. ... д-р ист. наук. Кишинев, 2003.
30. Записки Бессарабского статистического комитета. Кишинев, 1868. Т. III.

31. *Гросул В.Я.* Молдавия // Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. М., 2008.
32. *Цвиркун В.* Участие молдаван в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. // *Țvircun V. Vitralii.* Витражи. Chișinău, 2006.
33. *Заблоцкий-Десятовский А.М.* Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 1.
34. *Гросул Я.С.* Крестьяне Бессарабии (1812–1861 гг.). Кишинев, 1956.
35. *Стадницкий А.* Гавриил Банулеско-Бодони, экзарх молдо-влахийский (1808–1812 гг.) и митрополит Кишиневский (1813–1821). Кишинев, 1894.
36. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 223. Д. 32 (1867 г.). Л. 224; Д. 33 (1868 г.). Л. 281.
37. *Мецгерюк И.И.* Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812–1820 гг. Кишинев, 1957.
38. *Postarencu D.* Comitetul provizoriu regional al Basarabiei // Revista de istorie a Moldovei. Chișinău, 2009. № 4 (80).
39. *Афтенюк С.Я.* Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971.

© 2012 г.

И.С. ДОСТЯН

ПОЛИТИКА РОССИИ В БАЛКАНСКОМ ВОПРОСЕ: НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье прослеживается развитие отечественной историографии по вопросу балканской политики России в конце XVIII – начале XIX в.; анализируются новейшие труды по данной тематике (В.Н. Виноградова и И.И. Лещиловской). Автор статьи указывает на некоторые спорные проблемы и обосновывает свою точку зрения.

The present article follows the evolution of attitudes to the Balkan policy of Russia in the late eighteenth – early nineteenth centuries in the Russian historiography. The author analyses the recent works on the problem written by Vladilen Vinogradov and Inna Leshchilovskaya, highlights some disputable issues and defends her own point of view.

Ключевые слова: историография, Россия, Балканы, Османская империя, русско-турецкие войны.

Политика России в отношении балканских народов, общественных и культурных связей с ними – одна из важных проблем, исследуемых нашими историками-балканистами. По этим проблемам, в частности, охватывающим период XVIII–XIX вв., накоплен обширный материал источников, они рассматривались во многих коллективных и обобщающих трудах, в авторских монографиях и научных статьях. Взгляды ученых по данной тематике менялись, как в связи с расширением круга источников и углублением их анализа, так и в результате идеологических перемен, происходивших в стране.

В советской историографии начало изучению этих проблем было положено М.Н. Покровским, который, как известно, полностью исходил, согласно марксистской идеологии, из тезиса об агрессивном характере политики России в Восточном вопросе и конкретно в Балканском регионе. В его трудах, изданных в 20–30-е годы XX в., беспощадно критиковалась внешняя политика России, игнорировалась ее объективно-прогрессивная роль в борьбе балканских народов за независимость, а причины Первой мировой войны усматривались в ее стремлении овладеть Константинополем [1].

Примерно с середины 1930-х годов усилился контроль коммунистического режима над исторической наукой, «школа Покровского», в том числе ее взгляды на политику России в Восточном вопросе, стали подвергаться беспощадной критике [2. С. 210–390]. Она была во многом справедливой, но, в силу совершенно определенной заданности, достаточно односторонней и тенденциозной [3. С. 155–156].

В годы Великой Отечественной войны и после нее наступил новый этап в изучении политики России в Восточном вопросе и на Балканах. Использовалось все больше источников, углублялся их анализ. Авторы капитальных трудов, затраги-

Достян Ирина Степановна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

вавших данную тематику, – Е.В. Тарле в «Крымской войне» [4. С. 63], А.В. Фадеев в монографии «Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в.» – не отрицали в принципе экспансионистского характера внешней политики России. Вместе с тем А.В. Фадеев признавал, что в отдельных случаях эта политика имела объективно положительные последствия, в частности, для поработанных Османской империей народов [5. С. 368–369].

Аналогичных взглядов придерживались другие исследователи, сосредоточившиеся на фактологическом изложении истории.

В настоящее время наметился новый взгляд на характер российской политики на Балканах – конкретно в XVIII и начале XIX в.: ее экспансионистская направленность отвергается, доказываются, что планы решения Балканского вопроса и способы их осуществления, возникавшие в правительственных кругах России, особенно в эпоху правления Екатерины II, определили контуры политической перестройки Балканского региона в XIX ст.

Эта концепция сформулирована в недавних исследованиях наших наиболее квалифицированных балканистов. Имеются в виду разделы В.Н. Виноградова в коллективном труде «История Балкан. Век восемнадцатый» [6], монография И.И. Лещиловской «Сербский народ и Россия в XVIII в.» [7] и ряд научных статей этих авторов.

В изданной в 2010 г. обширной монографии В.Н. Виноградова «Двуглавый российский орел на Балканах. 1698–1914» подводится итог прежним исследованиям автора [8]. Заявленная в заглавии тема рассматривается на широком фоне общих проблем внешней политики России и международных отношений в Европе на протяжении более двух веков. Книга написана прекрасным литературным языком, содержит яркие характеристики событий, правителей, дипломатов, общественных деятелей.

Но со взглядами названных авторов по данным проблемам мне хотелось бы поспорить.

Присущее каждому набирающему силу государству в эпоху Средневековья и Нового времени стремление к территориальному расширению доказывать не приходится. Для России начала XVIII в. главной задачей было продвижение на Запад, и она успешно осуществлялась Петром I. Но уже тогда осознавалась необходимость расширения государства на юг, хотя это не было непосредственной задачей ближайших лет. Предотвратить нежелательную войну с Турцией русской дипломатии в 1710 г. не удалось, и в начале 1711 г. немногочисленное войско двинулось в Молдавию. Ставка делалась на помощь балканских народов, на их восстания.

Использование в войнах с Османской империей освободительного движения угнетенного мусульманами населения Балкан не было новым. К этому прибегали и Венеция, и Австрия, в частности, во время войны «Священной лиги» в конце XVII в. Но тогда Габсбурги, обещая освободить христианские народы от «агарянского ига», решительно пресекали попытки основания в Балканском регионе самостоятельных государств. В отличие от них Петр I в Манифесте о начале войны, в обращениях к сербам, болгарам, грекам обещал им не только освобождение от турецкой власти, но и создание самостоятельных государств под покровительством России.

В работах В.Н. Виноградова и И.И. Лещиловской подробно изложены события, связанные с Прутским походом, обращения Петра I к балканским христианам с призывом помогать русским войскам, подниматься на борьбу за освобождение от «варваров», «гонителей христовой веры и православной церкви». Целью войны провозглашалось изгнание «Магомета наследницы» из Европы [6. С. 56]. Виноградов учитывает, что при этом невероятно преувеличивались размеры освободительного движения и уменьшались трудности, ожидавшие русскую армию, и признает, что задача изгнания турок из Европы не соответствовала сложившейся

ситуации, силам и возможностям России, поглощенной войной со Швецией, даже если бы балканцы поддержали ее единодушно. Но он считает, что весной 1711 г. в начале Прутского похода «наметились контуры стратегической линии России на юго-востоке Европы на многие десятилетия вперед». Они заключались в отказе от территориальных приобретений во владениях Порты, создании на Балканах независимых государств, находящихся под покровительством России. Такая концепция обосновывается обращениями к молдаванам и валахам, черногорцам и другим балканским христианам. «В сей войне никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных земель и городов и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем», – заявлялось в одном из них. «Позволим под нашу протекцию избрать себе начальников от народа своего и возвратим и подтвердим их права и привилегии древние, не желая себе от них никакой прибыли, но держа их яко под протекцию нашей», – говорилось в другом подобном обращении [8. С. 29–30].

Покровительственная система, очевидно, была выдвинута как модель будущих отношений России со всем христианским миром – с полным основанием интерпретирует В.Н.Виноградов содержание данных документов. Еще на Карловацком конгрессе в 1698 г. русский уполномоченный попытался выдвинуть одним из условий мира с Турцией право на защиту православных церквей, монастырей и «розных народов людем», предоставление им «свободы и вольности», освобождение от лишних податей [9. С. 207]. Это было практически осуществлено в 1774 г. при заключении Кючук-Кайнарджийского мира.

Но можно ли утверждать, что набравшее силу русское государство во времена правления Петра I не стремилось к территориальной экспансии? Главным было продвижение на Запад, к Балтийскому морю, и эта задача успешно осуществлялась. Расширение границы на Юге, начатое в конце XVII в., было утрачено из-за неудачи Прутского похода. Но эта задача не могла отпасть, просто для ее решения еще не наступило время.

Поэтому заявления об отказе от каких-либо завоеваний (они делались и в начале последующих русско-турецких войн) не могут служить доказательством отсутствия таких целей и характеризовать реальный курс внешней политики Петра I. Ведь необходимо учитывать назначение приведенных документов: война с Турцией, начавшаяся в самое неподходящее для России время, делала необходимым любыми средствами убедить балканские народы поднимать восстания, помогать русским войскам. В Петербурге было хорошо известно, что создание самостоятельных государств под русским покровительством – идея, с которой представители балканских народов не раз обращались к России. А Георгий Бранкович, выдававший себя за потомка сербских правителей, во время войны «Священной лиги» против Турции в конце XVII в. попытался практически добиться создания независимого христианского государства, что было решительно пресечено Габсбургами, старавшимися овладеть среднедунайским бассейном, а затем и побережьем Адриатики.

Завлекая балканцев перспективой освобождения от власти султана, не менее важно было уменьшить подозрения государств-соперников, прежде всего Австрии, в стремлении России к территориальной экспансии, всячески отрицать такого рода намерения.

Утверждения, что в правительственных кругах России в начале XVIII в. уже мелась программа политической перестройки Юго-Восточной Европы путем создания там независимых государств при отказе от каких-либо территориальных приобретений, как представляется, требуют более убедительных доказательств.

И.И. Лещиловская придерживается той же концепции, что и В.Н. Виноградов, относительно задач политики России в Балканском вопросе в начале XVIII в.,

основываясь на приведенных выше документах. Она пишет, что послания Петра I балканским народам содержали «намётки нового направления» этой политики, определения ее союзников и «в самых общих чертах программу действий»: «выступление русской армии против неприятеля, движение в глубь турецких владений, освобождение объединенными усилиями России и подвластных Турции народов от власти султана христиан и восстановление их государственности» [7. С. 43].

Программа решения Балканского вопроса Петра I, считают указанные авторы, начала осуществляться на практике спустя ряд десятилетий Екатериной II, и она исключала задачу территориальной экспансии в Балканском регионе и Восточном Средиземноморье.

Эпоха Екатерины II богата событиями, касающимися Османской империи и находившихся под ее властью христианских народов. Это две русско-турецкие войны – 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг., присоединение Крыма (1783 г.), провозглашение принципа покровительства России православным подданным Порты в международном договоре и так называемый Греческий проект – виртуальная программа решения Восточного вопроса.

Характеризуя политику Екатерины II на Балканах в целом, В.Н. Виноградов учитывает, что завоевания считались в это время нормой международного права, с их помощью создавались все великие империи. Но Екатерина II, по его утверждению, в вопросе о территориальных приобретениях занимала «особую позицию». Доказательством этого служит инструкция российским послам и дипломатам, которая фактически повторяла заявления Петра I в 1711 г.: «Намеренья нашего никогда не было, да и нет в этом нужды, чтобы стараться о расширении империи нашей. Она и без того пространством своим составляет нарочитую часть земного круга». Таким заявлениям В.Н. Виноградов полностью доверяет и считает, что они «являются постулатом российской внешней политики. Не завоевания ради завоеваний, а обусловленные государственными интересами территориальные приращения. Движение на юг рассматривалось как возвращение на дедовские земли» [6. С. 115].

Заверения в отсутствии у России стремления расширить свои границы, в частности, за счет балканских земель, делались накануне и в ходе русско-турецких войн неоднократно. Что касается «интересов государства», то этот довод служил обоснованием территориальной экспансии не только России, но и других европейских правительств. Какие бы идеологические аргументы не пускать в ход, невозможно отрицать, что увеличение территории России практически успешно осуществлялось в эпоху правления Екатерины II. Вспомним хотя бы разделы Речи Посполитой, установление протектората над Восточной Грузией или присоединение Крыма, облегчавшее продвижение в Балканский регион.

В монографиях Е.И. Дружининой и Г.С. Гросул подробно освещена роль в политике России Дунайских княжеств во время войны 1768–1774 гг. с Османской империей. В окружении императрицы (в частности, у Г.А. Потемкина) уже в это время возникла идея о присоединении их к России. После занятия княжеств русскими войсками этот вопрос приобрел практическое значение и рассматривался в Петербурге неоднократно, обсуждался в ходе мирных переговоров с Портой. Возможность присоединения Молдавии и Валахии к России отвергалась, так как это задевало интересы европейских держав и особенно Австрии. Но оставалось требование о предоставлении независимости Дунайским княжествам, хотя эта задача пока не имела для России такого значения как признание Турцией независимости Крыма, что и было достигнуто по Кючук-Кайнарджийскому миру [10–11].

После объявления Портой войны России в 1787 г. правительство Екатерины II выдвинуло задачу объединения Молдавии и Валахии в одно государство и признания его независимости, что позволило бы создать «пространную барьеру меж-

ду обеих империй». Требование о признании Турцией независимости Дунайских княжеств было согласовано с союзной Австрией и стало одним из главных требований при переговорах о мире. Ввиду осложнившейся международной обстановки достигнуть этого не удалось, но привилегии княжеств были подтверждены и расширены, что позволило в дальнейшем более активно отстаивать в Константинополе их интересы [11. С. 91–99].

Может быть, все эти факты дают основание полагать, что задачи «территориальных приращений» за счет Балканского региона – конкретно в отношении Дунайских княжеств – уже назревали в последней трети XVIII в., но были скрытыми и осторожными, так как учитывались реальные возможности их осуществления.

В идеологическом аспекте политика России в эпоху Екатерины II была более агрессивной. Задача кардинального решения Восточного вопроса фактически открыто выдвигалась в так называемом Греческом проекте, предложенном императрицей в 1782 г. в переписке с Иосифом II. Его цели и содержание издавна привлекали внимание историков и вызывали дискуссии.

Проект содержал задачу «восстановления древней Греческой монархии» под скипетром представителя династии Романовых и зависимого от России буферного государства Дакии в составе Молдавии и Валахии, а также раздела некоторых владений Османской империи между Австрией – ей передавалась часть сербских земель – и Францией, которая получала Египет. Обнаруженные недавно новые документы о возникновении и содержании «Греческого проекта» позволяют заключить, что задуманный Екатериной II и ее сподвижниками – А.А. Безбородко и Г.А. Потемкиным – план государственных преобразований на Балканах и Ближнем Востоке формулировал выгодное для России решение Восточного вопроса, если не в ближайшем будущем, то хотя бы в отдаленной перспективе. Надежду на осуществление этих замыслов императрица не оставляла до конца своих дней [12].

К таким заключениям присоединяется В.Н. Виноградов. Анализируя содержание «Греческого проекта», он пишет: «В обстановке эйфории и ажиотажа, порожденных внешнеполитическими триумфами, три выдающихся ума воспарили над делами земными в геополитические выси, ибо на почве реалий условий для воплощения в жизнь “Греческого проекта” не существовало. Но они создали по-своему стройную конструкцию послеосманской Юго-Восточной Европы. При всем своем несовершенстве, при очевидном пренебрежении этнической конфигурацией на Балканах, при явном благоволении к грекам в ущерб славянам документ содержал основополагающую идею отказа от прямых завоеваний и создания или возрождения здесь государств христианских народов под покровительственной дланью самодержавия. В этом смысле проект послужил отправной точкой комбинаций по территориально-государственному переустройству Балкан, коими богат XIX в.» [6. С. 143].

Аналогичная характеристика «Греческого проекта» и его места в политике России на Балканах содержится в последнем труде В.Н. Виноградова. Он пишет: «В нем прослеживаются два постулата: воссоздание на Балканах государственности населявших их христианских народов и отказ России от территориального расширения в регионе [...] И тут “Греческий проект” родился не на пустом месте. Мысли об этом встречаются у Петра I в его обращениях к балканским христианам перед Прутским походом, в размышлениях Екатерины II о территориальной насыщенности России [...]» [8. С. 29–30].

«“Греческий проект” представлял в самом общем виде перспективный план глобального переустройства Балкан, без определения способов и сроков его реализации», – считает И.И. Лещиловская. В «конструктивной части» он не был «беспочвенной иллюзией императрицы», так как «заклучал в себе реалистическое зерно

в форме создания в перспективе греческой и румынской государственности». Но он не отвечал чаяниям славянских народов, и в этом проявлялся «имперский стиль мышления Екатерины Великой» [7. С. 101].

Идея создания в Юго-Восточной Европе христианских государств на месте исламской империи, конечно, совпадала с дальнейшим общественно-политическим развитием Балкан. Но по своему конкретному содержанию этот процесс не имел ничего общего с «Греческим проектом»: возродить Византийскую империю в XVIII–XIX вв. было уже нереально. Будущие государства в Балканском регионе создавались на основе национальной общности, и предпосылки для этого складывались уже в эпоху Екатерины II.

Эллинофильство, тогда особенно процветавшее при дворе, подкреплялось внешнеполитическими задачами. Но наряду с этим в культурных кругах дворянства распространялись и представления о славянстве как этнической общности. Расширению знаний российской общественности о зарубежных славянах способствовали труды В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова, имевшие большое научное значение. Из южнославянских народов во второй половине XVIII в. достаточно тесные общественные и культурные связи поддерживались с австрийскими сербами, публиковались произведения сербских авторов. Обо всем этом пишет И.И. Лещиловская. Большой материал по данной тематике собран и исследован также Ю.В. Костяшовым [13].

Поэтому есть основание предположить, что политические замыслы, сформулированные в «Греческом проекте», не только свидетельствовали об агрессивной направленности политики Екатерины II в Восточном вопросе, но и отставали от идеологических запросов своего времени.

Подводя итоги анализу официальной политики России в отношении сербов, а фактически и всех балканских народов в XVIII в., И.И. Лещиловская выдвигает следующую точку зрения. Программу Петра I по решению балканской проблемы путем создания на месте турецких владений независимых христианских государств, находящихся под покровительством России, развила Екатерина II. Ее программа, по мнению И.И. Лещиловской, отличалась «государственной проницательностью», «предвосхищала историческую перспективу», «реалистично ориентирована» в отношении выбора союзников – поработенных Османской империей балканских народов, методов ее решения путем всенародного восстания при военной поддержке России. Именно по такому пути пошло развитие Балкан в XIX в. и осуществлялась российская политика в этом регионе [7. С. 111].

Неоспорим факт – он признается всеми: Россия сыграла решающую положительную роль в освобождении балканских народов от турецкой власти, в политической перестройке Юго-Восточной Европы, что происходило при непосредственном участии самих балканцев. Но путь развития отношений с ними был сложным, изменчивым, не лишенным недовольства с обеих сторон. Ни Петру I, ни Екатерине II не удалось поднять эти народы на всеобщее восстание. В 1711 г. восстали черногорцы, за что каратели с огнем и мечом прошли по стране, разрушили Цетинский монастырь. В начале войны 1768–1774 гг. Екатерина II настойчиво призывала подданных султана восстать, чтобы «низвергнуть с себя и попать несносное иго злосчастных агарян и восстановить былую вольность». При этом, как пишет И.И. Лещиловская, императрица «в порыве чувств» даже выдвигала «заманчивую идею овладения колыбелью православия – Константинополем» [7. С. 79]. По этому призыву в 1770 г. восстали греки-майноты и жестоко поплатились, что неблагоприятно отразилось на дальнейших русско-греческих контактах.

Идея «всенародного восстания» балканских христиан фактически исчерпала себя в начале XIX в. Когда в 1804 г. восстали сербы Белградского пашалыка, их не поддержали греки, в 1820-х годах к грекам не присоединились сербы. Может

быть, это свидетельствует о том, что «государственной проницательностью» и «даром предвиденья» Екатерина II не обладала?

Общественно-политическое развитие Юго-Восточной Европы пошло не по тому пути, который рисовался в XVIII в. правительственными кругами Петербурга, и причины этого многообразны. Среди них – чрезвычайно сложная, дробная демография этого региона, различия в уровне развития входивших в него народов, между которыми неуклонно нарастали противоречия, иногда возникала вражда. Балканские народы были союзниками России в войнах с Турцией, но единомыслия и согласия между ними не было.

Это наглядно проявилось, например, во время Первого сербского восстания. Еще в 1804 г. идеолог сербских повстанцев новосадский митрополит Стефан Стратимирович, противодействуя эллинофильским тенденциям политики Екатерины II, в «Мемуаре», направленном Александру I, выдвигал идею основания «Славно-сербского царства» во главе с представителем династии Романовых или их свойственниками – немецких князей. А в дальнейшем, когда падет пришедшая в упадок Османская империя, к России будут присоединены Болгария, Фракия и «каналы» из Черного в Средиземное море. Стратимирович доказывал, что именно сербы, а не греки, будут удобными соседями и верными союзниками России в ее противоборстве с османами [14. С. 238–256].

Но грекофобских настроений среди руководителей сербских повстанцев в Петербурге не замечали, и русским представителем в Белград в 1807 г. был назначен грек К.К. Родофиникин, отношения которого с Карагеоргием и его окружением не сложились и стали даже враждебными. Возник скандал, приведший к появлению легенды о «фанариотском заговоре» против сербов, что усилило борьбу между руководителями восстания [15. С. 25–29]. Среди причин, которые определили осторожную и достаточно сдержанную позицию сербского князя Милоша Обреновича в отношении восставших греков в 1820-е годы, были недружественные отношения с греками-фанариотами, с духовенством Константинопольской патриархии.

Великая французская революция и начало наполеоновских войн коренным образом изменили общественно-политическую обстановку в Европе и открыли новый этап освободительного движения народов Балканского региона. Восстания теперь начинались не во время русско-турецких войн, не по призывам Петербурга и даже в самое неподходящее для него время. Замыслы политического переустройства Балканского региона и Восточного Средиземноморья в первой трети XIX в. возникали неоднократно. Проекты и предложения такого рода выдвигались царским правительством, общественными деятелями как балканских народов, так и России во время Первого сербского восстания, в ходе греческой революции. По содержанию ни один из них не имел ничего общего с «Греческим проектом», ибо все они основывались на государственном объединении по национальному принципу, хотя последний часто определялся произвольно. Существовали и идеи о создании федерации равноправных членов этого сообщества.

В политическом аспекте эллинофильство быстро угасало в 1830-е годы, когда освобожденная от турецкого господства Греция оказалась в сфере влияния западных держав, а в просвещенных кругах России на первый план выдвинулись идеи славянофильства и панславизма.

В период наполеоновских войн задачи политики России в Восточном вопросе чрезвычайно усложнились. В первые годы XIX в., отстаивая свои интересы на Балканах, правительство Александра I должно было предпринимать меры для защиты этого региона от посягательств Франции. Поддерживая до конца 1806 г. союзнические отношения с Портой, Петербург учитывал в перспективе возможность раздела владений Османской империи и приобретение в частности

Дунайских княжеств, население которых видело свое спасение в присоединении к России. В случае же войны с Турцией, союз с которой был очень зыбким, эта задача встала бы непосредственно [12. С. 132–144].

В 1807–1808 гг. раздел Османской империи, как известно, стал предметом обсуждения в ходе русско-французских переговоров в Тильзите и Эрфурте, не приведших к практическим результатам. Но во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. приобретение Дунайских княжеств, занятых русскими войсками, стало одной из главных задач. Осуществить полностью это не удалось, но благодаря мудрости и дипломатическому таланту М.И. Кутузова был подписан Бухарестский мирный договор, по которому часть Молдавского княжества – Бессарабия – была включена в состав России, получен необходимый для экономических и политических интересов государства выход в Дунайский бассейн. Позднее, по условиям Адрианопольского мира 1829 г., русско-турецкая граница была несколько отодвинута, что создавало удобства для судоходства. Этим фактически ограничилась территориальная экспансия России в Юго-Восточной Европе.

В иностранной историографии издавна существует тенденция преувеличивать агрессивную направленность политики российского самодержавия. В.Н. Виноградов старается опровергнуть такого рода враждебные России представления о внешней политике Петербурга, в частности в период наполеоновских войн. «Распространяемые по сей день в зарубежной историографии утверждения насчет имманентно присущей ему агрессивности относятся к разряду мифотворчества», – пишет он, подводя итоги подробному изложению политики царского правительства в начале XIX в. [8. С. 209].

По-видимому, задача опровергнуть такие концепции заставила ученого поверить и заявлению Александра I в начале войны 1806–1812 гг. об отсутствии каких-либо намерений «относительно завоевания принадлежавших Турции владений», считать, что эта война «велась Россией в защиту прежних, уже обретенных позиций в регионе и объективно – ради расширения прав христианских народов».

Но подтверждают ли такую концепцию неопровержимые исторические факты: переговоры в Тильзите и Эрфурте, упорное стремление во время войны с Турцией добиться приобретения Дунайских княжеств?

Россия, как и другие великие европейские державы, использовала все возможности для реализации своих интересов в резко менявшейся международной обстановке в ходе наполеоновских войн, которая заставляла приспособляться, менять позицию, но она не отказывалась от задачи получения выхода в Дунайский бассейн.

После Адрианопольского мира для правительства Николая I эта задача окончательно отпала, но стало необходимым поддерживать и расширять свое политическое преобладание среди южнославянских народов, молдаван и валахов. Достигнуть этого в противоборстве с западными державами общественно-экономически отсталой России, как известно, не удалось. В результате поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. признанное в международных договорах право покровительства православным балканским народам было утеряно.

Это, однако, не означало, что снизилась роль России в деле национального освобождения народов Юго-Восточной Европы и создания там независимых государств. Такая задача была в основном достигнута в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Политика России на Балканах во многом влияла на историю Юго-Восточной Европы, поэтому ее изучение является одной из важных проблем современной балканистики, неизменно вызывающей споры. Продолжение ее разработки важно и необходимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны России в XIX столетии. М., 1923; *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.:Л., 1933. Вып. 1.
2. Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939–1940. Вып. II. Ч. 2.
3. *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2004.
4. *Тарле Е.В.* Крымская война // *Тарле Е.В.* Собр. соч. М., 1959. Т. VIII.
5. *Фадеев А.В.* Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1959.
6. История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.
7. *Лециловская И.И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006.
8. *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010.
9. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1868. Т. IX.
10. *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир (Его подготовка и заключение). М., 1955.
11. *Гросул Г.С.* Дунайские княжества в политике России. 1774–1806. Кишинев, 1975.
12. *Елисеева С.И.* Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М., 2000; *Елисеева С.И.* «Балканская тема» во внешнеполитических проектах Г.А. Потемкина // Век Екатерины II. Россия и Балканы. М., 1997; *Стегний П.В.* Еще раз о Греческом проекте Екатерины II // Новая и новейшая история. 2002. № 4.
13. *Костяшов Ю.В.* Сербь в австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1997.
14. Записка Стефана Стратимировича (публикация О. Бодянского) // Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1868. Кн. 1.
15. *Белов М.В.* Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Нижний Новгород, 1999.

© 2012 г. И.В. КРЮЧКОВ

ВЕНГРИЯ И БАЛКАНЫ В 1911–1912 ГОДАХ ПО ДОНЕСЕНИЯМ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛЬСТВА РОССИИ В БУДАПЕШТЕ

В статье рассматривается отношение венгерской общественности к развитию балканского кризиса накануне и во время Первой балканской войны. В качестве источника информации проблемы выступают донесения Генерального консульства России в Будапеште. Российские дипломаты отслеживали влияние кризиса на Венгрию и австро-венгерские отношения. К началу 1913 г. консульство вполне допускало возможность войны Австро-Венгрии с Сербией.

The article considers the attitude of the Hungarian society towards the development of the Balkan crisis before and during the First Balkan War. The main source compose the reports of the Russian General Consulate in Budapest. Russian diplomats were highlighting the influence of the crisis on Hungary and her relations with Austria. By the early 1913, the Consulate did not exclude the opportunity of a war between Austria-Hungary and Serbia.

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, аннексия, генеральное консульство, триализм, кризис, пресса.

После бурных событий на Балканском полуострове, связанных с младотурецкой революцией и аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1908), 1911 г. выглядел примером относительной стабильности и порядка на Балканах, но это впечатление было иллюзорным. Балканские государства активно вооружались, не скрывая своего желания вытеснить Османскую империю из Европы. Россия в этой ситуации стремилась упрочить свои позиции, пошатнувшиеся на Балканах после неудачной попытки поддержать Сербию в 1908–1909 гг. Санкт-Петербург стремился создать Балканский союз, который, по мнению российских дипломатов должен был действовать с постоянной оглядкой на Россию. Однако степень зависимости балканских государств от Санкт-Петербурга в Вене сильно преувеличивали, их строптивостью позже не меньше была удивлена и сама Россия [1. С. 405]. Российские националисты требовали сатисфакции, постоянно критикуя «нерешительность» МИДа и правительства в целом. Даже некоторые либеральные издания страны сочувствовали политике «решительных действий». «Русская мысль» в декабре 1912 г. писала: «Война Австро-Венгрии с Сербией в настоящий момент легко может превратиться в войну Австро-Венгрии с Россией, ибо Россия не может и не должна отдать Сербию во власть Австро-Венгрии» [2. С. 159]. Эти действия России вызывали большую тревогу в Вене и в других европейских столицах.

Крючков Игорь Владимирович – д-р ист. наук, профессор Ставропольского государственного университета.

В данных условиях российский истеблишмент постоянно требовал от дипломатических миссий в империи Габсбургов полной информации о реакции австро-венгерских политиков и общественности на события, происходившие на Балканском полуострове. Дипломаты стремились скрупулезно собирать все факты, реконструируя некий общий фон восприятия балканской действительности в Австрии и Венгрии.

В первых донесениях дипломатов проскальзывал некоторый оптимизм. Генеральное консульство в Будапеште в январе 1911 г. сообщало о ратификации подавляющим числом голосов венгерским парламентом торгового соглашения с Сербией, которое несколько лет «лежало под сукном», став предметом дипломатического торга. Генеральный консул М.Г. Приклонский в депеше отмечал раздражение венгерской общественности по поводу задержки с ратификацией торгового соглашения с Сербией, полагавшей, что это было выгодно только Австрии и венгерским аграриям, всегда воспринимавших экспорт сербской сельскохозяйственной продукции в Австро-Венгрию как большую опасность своим экономическим интересам [З. Д. 584. Л. 3]. Приклонский приводил высказывания венгерских газет и политиков о том, что причина ситуации с ратификацией торгового соглашения с Сербией в закупках вооружений Сербией не в Австрии у концерна «Шкода», а во Франции [З. Д. 584. Л. 2].

Ратификация сербо-венгерского соглашения открывала путь для общей нормализации взаимоотношений империи Габсбургов с Сербией, но возможность реализации этого компромисса зависела от многих обстоятельств, и, прежде всего от позиции правящих элит обоих государств и дальнейшего поворота событий на Балканском полуострове. Консул не давал прогнозов развития отношений Вены/Будапешта и Белграда в будущем, понимая всю нестабильность ситуации на Балканах.

В апреле 1911 г. в Будапеште должна была состояться встреча сербского короля Петра и австрийского императора Франца-Иосифа. Данное событие вызвало большой резонанс в Венгрии. Венгерская общественность не раз поднимала вопрос о посещении Будапешта политиками «второго ранга» [З. Д. 584. Л. 48]. Но на этот раз глава иностранного государства оказывался не проездом в столице Венгрии, а посещал Будапешт с официальным визитом. Кроме поднятия дипломатического статуса Будапешта, эта встреча имела большое значение для нормализации двухсторонних отношений между Сербией и империей Габсбургов. Практически все ведущие газеты, отражая интерес венгерской общественности к данному событию, откликнулись публикацией материалов, посвященных истории и перспективам развития двухсторонних связей с Сербией. Большинство материалов было в целом выдержано в благоприятном для Сербии тоне. Газета «Pesti Naplo» по этому поводу писала: «С Сербией, нашей ближайшей соседкой, мы должны жить в хороших политических и экономических отношениях [...] Мы там все потеряли. Италия завладела экономикой страны [...] Отношения [...] надо вернуть, и визит короля хороший способ для этого» [З. Д. 584. Л. 48]. Газета, конечно, преувеличила степень зависимости Сербии от Италии, но благожелательный характер публикации обращал на себя внимание.

Эта тенденция проявлялась и в материалах других периодических изданий страны. «Budapesti Hirlap» отмечала традиционные исторические связи Венгрии и Сербии, подчеркивая большую роль, которую Венгрия сыграла в борьбе сербов за свою независимость и в развитии сербской культуры на территории Венгрии. Издание подчеркивало, что европеизированная Сербия будет надежным партнером Австро-Венгрии при возможном ее вступлении в состав Тройственного союза [З. Д. 584. Л. 49]. Социал-демократическая «Polgar» в нормализации отношений империи Габсбургов и Сербии, которое она всячески приветствовала, видела проявление новой тенденции в политике Дунайской империи, направленной на укреп-

ление позиций на Балканах, об этом же свидетельствовали отставка ненавистного сербам австро-венгерского посла в Белграде Форгача, нормализация отношений с Болгарией, либерализация политики по отношению к немадьярским народам в Венгрии. Визит короля Петра должен был стать достойным продолжением этого курса. Националистическая пресса заняла нейтральную позицию, в целом приветствуя визит Петра в Будапешт из-за соображений дипломатического престижа венгерской столицы.

Однако, в конце апреля 1911 г. выяснилось, что визит сербского короля в Дунайскую империю не состоится, официально было объявлено, что это связано с болезнью Франца Иосифа. Данное событие вызвало бурную реакцию в венгерском обществе, отражением жаркой полемики стали публикации в периодических изданиях страны. «*Budapesti Hirlap*» по данному поводу писала: «Это посещение (визит Петра. – *И.К.*) должно было оказать благотворное воздействие, как в Сербии, так и у нас. Оно должно было рассеять и уничтожить те недружелюбные чувства, которые существовали со времени аннексии» [3. Д. 584. Л. 58]. Орган партии И. Тисы газета «*Az Ujsag*», отражая доминирующие оценки события венгерской общественностью, всю вину за срыв визита короля Петра возлагала на сербских националистов во главе с Н. Пашичем, не заинтересованных в полной нормализации отношений между Австро-Венгрией и Сербией и развернувших бурную деятельность против намерений своего короля. Кстати, и в Вене, и в Будапеште общественность абсолютно была уверена в том, что именно сербская сторона сорвала визит, а Францу Иосифу пришлось своими ссылками на болезнь выводить из неудобной ситуации Петра. «*Az Ujsag*» отмечала: «В Белграде не оценили великодушия Франца-Иосифа, который хотел укрепить положение короля Петра и открыть ему Европейские дворы. Заблуждаются сербские политики, думая, что столь грубый поступок будет одобрен в Петербурге. Мы, однако, не возлагаем ответственность на сербскую нацию за грехи и страдания, которыми радикальная партия [...] награждает эту страну. Мы хотим иметь своим соседом крепкую, культурную и экономически развитую Сербию, с которой Австро-Венгрия будет сохранять добрые отношения. Мы хотим, чтобы здоровая Сербская нация освободила себя от тех политиков, которые могут для своего отечества лишь подготовить катастрофу» [3. Д. 584. Л. 58–59]. Консул отправлял в МИД России подробные отчеты о публикациях ведущих венгерских газет по данному поводу, сопровождая их своими комментариями и соображениями.

Приклонский подчеркивал, что в Австро-Венгрии, в том числе в Будапеште действительно с надеждами ждали этот визит сербского короля, возлагая на него большие ожидания в деле нормализации отношений между соседними государствами. Поэтому консул, подверг резкой критике утверждения ряда сербских и российских газет о том, что визит Петра в Австро-Венгрию был сорван из-за интриг венгерских политиков, называя эти доводы необоснованными и искажающими истинное положение дел [3. Д. 584. Л. 59].

В то же время консул обращал внимание и на попытки некоторых сербских политиков скрасить негативный осадок, оставшийся после срыва визита короля Сербии в Австро-Венгрию. В 1911 г. умер министр торговли Венгрии Штрономи. По этому случаю сербское правительство выразило сочувствие правительству Венгрии, на что обратил внимание Приклонский [3. Д. 584. Л. 59].

Начало итало-турецкой войны породили в Венгрии надежды на возможность налаживания сотрудничества с Османской империей после острого кризиса, вызванного оккупацией Боснии и Герцеговины. Показателем данной тенденции стало создание в стране «Общества помощи турецким погорельцам» во главе с графом Каратшоньи [3. Д. 584. Л. 110–111].

Последствия аннексии Боснии и Герцеговины продолжали будоражить венгерское общество. Надежды Будапешта на возможность быстрого присоединения

Боснии и Герцеговины к Венгрии себя не оправдали. Это вызывало раздражение и разочарование со стороны многих венгерских политиков и интеллектуалов. В Будапеште, Сегеде, Дебрецене и других городах страны постоянно проводились лекции и публиковались материалы, где речь шла об историческом праве королевства св. Стефана на Боснию и Герцеговину. Приклонский отмечал, что главным аргументом венгров является тот факт, что в XIV в. венгерский король Людвиг Анжуйский короновался и как король Боснии [3. Д. 584. Л. 9].

В январе 1912 г. в венгерской прессе вновь разгорелась дискуссия об итогах и последствиях оккупации Боснии и Герцеговины, интерес к данному событию подогревался смертью в феврале А. Эренталя. Венгерская общественность на это событие, по мнению консула, откликнулось довольно вяло, бывшему министру иностранных дел не могли простить того, что он не довел «боснийский вопрос» до конца, т.е. не присоединил Боснию и Герцеговину к Венгрии [3. Д. 585. Л. 18]. «Pesti Naplo» оценивая первые итоги аннексии провинций, отмечала, что это событие имело довольно печальные последствия, включая испорченные отношения с Россией, Сербией и другими государствами, растрату почти 230 млн крон и сложную для империи Габсбургов политико-правовую проблему о статусе Боснии и Герцеговины.

С этой позицией полностью солидаризировалась «Vilag». Приклонский считал это издание органом масонских кругов Венгрии [3. Д. 585. Л. 11]. Газета ставила риторический вопрос, что Венгрия получила от аннексии Боснии и Герцеговины? И ответ получался не утешительным: дорогостоящие дредноуты, колоссальные расходы: «Двор действительно ведет империалистическую балканскую политику, но не в интересах Венгрии, а в интересах триализма» [3. Д. 585. Л. 11]. Последнее положение особенно беспокоило венгерскую общественность. В Венгрии опасались, что затягивание решения вопроса о статусе Боснии и Герцеговины в составе империи Габсбургов связано с тем, что многие политические круги Австрии стремились реализовать доктрину триализма в противовес росту политической мощи Венгрии и ее прав, зафиксированных дуалистическим соглашением 1867 г. Олицетворением этих кругов стала «Бельведерская партия» во главе с наследником престола эрцгерцогом Францем Фердинандом, не скрывавшим своих антивенгерских настроений и несколько раз заявлявшего о возможности реализации на практике доктрины триализма [4. С. 19; 1. С. 416–418]. Триализм был чреват не только разделением Дунайской империи на три части, что непременно вело к падению политического веса Венгрии в составе империи Габсбургов, но и угрозой территориальной целостности Венгрии, она теряла Хорватию и Славонию и вместе с ними выход к Адриатическому морю. В России многие так же видели во Франце Фердинанде инициатора примирения династии со славянами в противовес Будапешту [5. С. 379].

Со сторонниками немедленного присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии была не согласна «Budapesti Hirlap»: «Исполнить национальные венгерские требования (присоединить Боснию и Герцеговину к Венгрии. – *И.К.*), это значит подлить в Боснии масло в огонь. Положение там более серьезное: и внешняя политика грозит войной, и напряженное состояние на Балканах должно лишь усилить сепаратистские стремления Боснии. Поэтому правительство должно отложить исполнение национальных требований до более удобного времени» [3. Д. 585. Л. 12]. С данной позицией было солидарно еще несколько изданий, в том числе клерикальная газета «Alkotnany».

Однако это не мешало «Budapesti Hirlap» в июне обрушиться с резкой критикой на позицию Австрии в боснийском вопросе. Издание вновь подчеркивало историческое право Венгрии на Боснию и Герцеговину, и необоснованность австрийских претензий на провинции. Газета была не согласна и с планом совместного управления Веной и Будапештом Боснией и Герцеговиной, ибо это нарушало принцип

исторического права Венгрии [З. Д. 585. Л. 56]. Более непримиримую позицию в данном вопросе заняла, поддерживающая И. Тису «Az Ujsag». Она призывала к бойкоту отношений с Австрией и увязке всех общих дел с четким определением статуса Боснии и Герцеговины, что в представлении издания означало только одно – передачу Боснии и Герцеговины Венгрии [З. Д. 585. Л. 56]. Приклонский полагал, анализируя эти и другие материалы, что австро-венгерский спор из-за статуса Боснии и Герцеговины далек от своего решения и что он не раз послужит основой для обострения взаимоотношений двух половин дуалистической империи [З. Д. 585. Л. 57].

Санкт-Петербург очень беспокоила позиция Австро-Венгрии в случае войны Балканского союза с Османской империей. Генеральное консульство в Будапеште, как и другие дипломатические представительства России в империи Габсбургов получили задание собирать любые сведения, касающиеся военно-стратегического положения Австро-Венгрии. В конце августа – начале сентября на территории Венгрии состоялись военные маневры, которые стали объектом пристального внимания консульства. Секретарь консульства князь Г.Д. Маврокордато, который являлся хорошим знатоком Венгрии, доносил в МИД, что маневры показали значительное отставание Австро-Венгрии от других государств в деле развития военно-воздушных сил: из 17 самолетов, принимавших участие в маневрах в воздух смогли подняться меньше половины. Большие сомнения секретаря вызывало состояние санитарной службы армии Австро-Венгрии, которая явно не справлялась со своими функциями даже на маневрах, не говоря уже о реальной боевой ситуации [З. Д. 585. Л. 114].

Вторым событием, привлечшим внимание консульства в Будапеште, стало увеличение военных расходов Венгрии в бюджете 1913 г., в том числе на создание двух новых пулеметных рот, конного артиллерийского дивизиона и строительство новых казарм [З. Д. 585. Л. 119–120]. По мнению Маврокордато, это не свидетельствовало о начале в Венгрии «гонки вооружений».

Открытие Черногорией, Сербией, Грецией и Болгарией боевых действий против Османской империи не стало большой неожиданностью для венгерской общественности, хотя до последнего момента теплилась надежда на возможность решения конфликта мирным путем. Пресса и ведущие политики страны заявляли о необходимости сдержанного подхода в условиях начала на Балканах новой войны. К тому же на некоторое время сводки с театра боевых действий на второй план отодвинули внутривенгерские дела. Практически сразу произошел обвал на будапештской бирже, что вызвало панику среди представителей деловой элиты страны и широких слоев населения, хотя война сулила большие прибыли оборонным предприятиям Венгрии. Генеральное консульство в данной связи приводило пример завода Манфреда Вайса, заваленного военными заказами со стороны воюющих сторон. Завод вынужден был отказать Болгарии в поставке 20 млн патронов, приняв заказ только на 10 млн, остальная часть болгарского заказа была размещена на предприятиях Австрии и Германии [З. Д. 585. Л. 121]. Показателем экономической нестабильности в Венгрии стал рост цен на хлеб и ряд других товаров широкого потребления.

В ноябре-декабре из Будапешта в МИД России приходили сообщения о дальнейшем нарастании экономического кризиса в Венгрии, в частности об исчезновении из оборота золотых монет в 10 крон, об изъятии населением средств из сберегательных касс. Все это, по мнению консула, привело Венгрию на грань финансового краха и проблематичности размещения новых займов венгерским правительством из-за недоверия к нему иностранных инвесторов [З. Д. 585. Л. 188].

Следовательно, затягивание войны негативно сказывалось на состоянии дел в народном хозяйстве Венгрии. Нестабильность в финансовой сфере, спад производства, рост цен сильно били по положению широких слоев населения. Разрыв

традиционных внешнеэкономических связей также отрицательно влиял на экономику Австрии, которая зависела от импорта сельскохозяйственной продукции из стран Балканского полуострова и экспорта своих промышленных товаров в данный регион. Венгрия, отстававшая в развитии от Австрии, в меньшей степени зависела от состояния дел на мировых рынках. Однако быстро развивающаяся венгерская промышленность постепенно завоевывала собственное место в экспорте на Балканы и Ближний Восток. Пожалуй, впервые венгерские промышленники в условиях международного катаклизма заявили о своих интересах, так как Балканские войны привели к резкому сокращению экспорта венгерских промышленных товаров в регион, где развернулись боевые действия. Приклонский, анализируя ситуацию, связанную с разрывом экономических связей между Венгрией и Сербией, пришел к выводу, что от этого в большей степени пострадала Венгрия и, прежде всего ее промышленность [3. Д. 585. Л. 134]. Поэтому неслучайно, что представители промышленных ассоциаций Венгрии выступали за быстрее завершение конфликта и нормализацию взаимоотношений Австро-Венгрии с народами Балканского полуострова.

Первоначально венгерская общественность была уверена в победе Османской империи, кстати, эта точка зрения доминировала и в других европейских государствах. Венгерские эксперты сомневались в боевых качествах армий балканских стран, особенно Сербии [3. Д. 585. Л. 132]. Мадыарская часть населения Венгрии не скрывала симпатий к Турции. Практически сразу возникла идея направить мадыарских волонтеров в турецкую армию. По мере разворачивания боевых действий настроения венгерской общественности быстро менялись. Поражение турецкой армии стало полной неожиданностью и породило страх перед будущей победой Балканского союза. Для анализа доминирующих настроений в венгерском обществе генеральное консульство вновь обращается к материалам периодической печати Венгрии, направляя подробный отчет по данному поводу в Санкт-Петербург.

В Австро-Венгрии никто не сомневался, что за действиями Балканского союза стояла Россия, оказывавшая ему финансовую, военную и политическую поддержку. Таким образом, Россия стремилась упрочить свои позиции на Балканах, пошатнувшиеся после поражения в Русско-японской войне и особенно после аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. По этому поводу, отражая господствующие оценки в Дунайской империи, действий России, газета «Polgar» писала: «Россия хочет оккупировать нас славянской петлей, которую потом затянет» [3. Д. 585. Л. 132]. Выход из создавшейся ситуации виделся в оказании немедленной помощи Османской империи, что нашло отражение на страницах «Pesti Hirlap» и других изданий Венгрии и Австрии.

Генеральное консульство в октябре-ноябре 1912 г. внимательно отслеживало ситуации внутри Венгрии. Россию особенно интересовала возможность вступления в войну Австро-Венгрии. В донесении от 4 ноября Маврокордато докладывал о передвижении австро-венгерской армии по территории Венгрии, в том числе Трансильвании, к театру боевых действий, включая Боснию [3. Д. 585. Л. 133]. Приклонский сообщал о доукомплектовании 5-го и 6-го корпусов австро-венгерской армии и начале мобилизационных мероприятий на флоте империи Габсбургов [3. Д. 585. Л. 140]. Все это вызывало большую тревогу среди дипломатического корпуса России, работавшего в Австро-Венгрии и в МИДе России. В конце ноября информация о мобилизационных мероприятиях армии Австро-Венгрии значительно увеличилась. В донесениях консула шла речь о получении офицерами запаса и врачами уведомлений о возможной мобилизации, о перемещении 3-го и 4-го корпусов из Будапешта к границам Сербии, о пополнении состава корпусов, об отправлении из Земплина к границе 40-ка вагонов с патронами и т.д. В депеше от 24 ноября Приклонский даже допускал возможность начала войны,

правда согласно его донесению, Австро-Венгрия хотела отсрочить начало боевых действий до весны 1913 г. [3. Д. 585. Л. 156]. О военных приготовлениях Австро-Венгрии мог свидетельствовать факт закупок военным ведомством империи продовольствия, в частности в одном из донесений консульства шла речь о приобретении на территории Венгрии 800 вагонов муки и 3 тыс. волов [3. Д. 585. Л. 175].

Большой переполох среди российских дипломатов вызвала информация о появлении на территории Венгрии германских офицеров, в частности в районе Кашшау (совр. Кошице. – *И.К.*) [3. Д. 585. Л. 156]. Это могло свидетельствовать о прямой поддержке Берлином решительных действий Австро-Венгрии на Балканах, включая оказание вооруженной помощи. Однако через несколько дней данная информация не подтвердилась [3. Д. 585. Л. 160].

В самой России в это время происходила острая дискуссия о стратегии поведения в условиях Первой балканской войны, и, прежде всего по отношению к Австро-Венгрии. В начале ноября военный министр В.А. Сухомлинов затеял авантюру с проведением «частичной мобилизации». Против данного мероприятия решительно выступили председатель совета министров В.Н. Коковцов и министр иностранных дел С.Д. Сазонов. Коковцов на совещании у императора прямо заявил, что проведение «частичной мобилизации» означает неизбежность войны с Австро-Венгрией и Германией [6. С. 183]. Это было равносильно катастрофе в условиях неготовности армии к войне, поэтому он призывал сохранить мир любыми путями [3. Д. 585. Л. 182, 185]. Националистические круги, в том числе в Совете министров (главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин, министр путей сообщения С.В. Рухлов, министр юстиции И.Г. Щегловитов) были недовольны таким поведением премьера. Во время бесконечных «славянских обедов» националисты клеймили русских министров «продавшимися немецкому влиянию».

Проявлением напряженности в Венгрии стала захлестнувшая страну шпиономания. Венгерская пресса постоянно сообщала об арестах в различных регионах страны российских шпионов [3. Д. 585. Л. 177, 182]. Само консульство никак не комментировало эти факты, ограничиваясь только констатацией событий и представлением в МИД списка венгерских подданных арестованных по подозрению в шпионаже.

Как уже отмечалось, война вызвала живой отклик среди общественности Венгрии. Однако в первых донесениях консульства речь шла о реакции мадьярской части населения Венгрии, при этом из поля зрения выпала позиция национальных меньшинств Транслайтании, а она явно отличалась от позиции правящей элиты. Сербь Венгрии не скрывали своей радости по поводу успехов сербской армии [3. Д. 585. Л. 133]. На взгляд Маврокордато общим последствием войны стало улучшение отношения к южнославянским солдатам и офицерам в австро-венгерской армии. Таким образом, правящие круги Дунайской империи стремились заручиться лояльностью южных славян – подданных Австрии и Венгрии в случае вмешательства империи Габсбургов в балканский конфликт. Маврокордато даже писал о «заискивании» [3. Д. 585. Л. 133].

Война постепенно шла к завершению и по мере ослабления сопротивления Турции в Венгрии активно начали обсуждать проблему возможных территориальных преобразований на Балканах. Приклонский первоначально обратил внимание лишь на реакцию венгерской оппозиции, которая в целом лояльно относилась к продвижению Сербии к Адриатическому морю в Албании, что по ее мнению, должно было отвлечь внимание Белграда от Боснии и Герцеговины и сербских районов самой Венгрии. Оппозиция была против территориального расширения Румынии и Австро-Венгрии, полагая, что от этого выиграет только Австрия, а по интересам Венгрии будет нанесен новый удар [3. Д. 585. Л. 138].

Следует подчеркнуть, что эти опасения венгерской оппозиции были небезосновательными. Сильная Румыния могла стать центром притяжения для румын Венгрии, в том числе Трансильвании, а дальнейшее увеличение численности славянского населения империи Габсбургов, включая Венгрию, за счет присоединения новых славянских регионов Балкан меняло этнический состав империи не в пользу титульных народов (австро-немцев и венгров). В Венгрии всегда трепетно относились к этническому составу населения. В 1910 г. по итогам последней довоенной переписи населения венгры (мадьяры) составили больше половины жителей страны, но это было шаткое преимущество [7. Р. 5; 8. Р. 344].

В конце ноября ситуация на Балканах существенно обострилась. Сербский бросок к Адриатическому морю вызвал бурную реакцию со стороны Австро-Венгрии и Италии. Оба государства поставили задачу любыми способами не допустить Сербию к морю. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Л. Берхгольд, выступая перед австрийской и венгерской делегациями, заявил о решительной поддержке Веной проекта по созданию независимого албанского государства. Эта позиция Вены вызвала возмущение в Сербии, мечтавшей о выходе к Адриатическому морю, вновь Сербия и Австро-Венгрия оказались на грани войны [9. С. 6]. Данные события вызывали тревогу в Санкт-Петербурге, большая война с Австро-Венгрией не входила в планы России, но, с другой стороны, новое дипломатическое поражение Сербии могло привести к дальнейшему падению престижа России на Балканах. При всех своих симпатиях к сербам Сазонов понимал, что Россия не могла себе позволить вмешаться в войну из-за сербских притязаний на часть побережья Адриатического моря, поэтому он взял курс на принуждение сербов к компромиссу с Австро-Венгрией [10. С. 96–97].

В данных условиях МИД России затребовал новую информацию о возможности вступления империи Габсбургов в войну. В депеше от 20 ноября 1912 г. Приклонский четко дал понять, что Венгрия не хочет войны, за исключением малочисленного круга политиков, приближенных к императорскому двору и, особенно к «Бельведерской клике» [3. Д. 585. Л. 145]. Консул основывался на нескольких аргументах. Первый – это миролюбивый тон высказываний подавляющего числа венгерских газет, выступавших против войны с Россией и даже с Сербией. Второй – это позиция хорватов, тяготеющих к Австрии, в случае начала войны которые могли воспользоваться ситуацией и ослабить свою связь с Венгрией или вообще присоединиться к Австрии. Третий – это позиция сербов Венгрии, на лояльность которых нельзя было положиться в случае войны Австро-Венгрии с Сербией. В этой связи весьма характерной была позиция газеты «А Нар», утверждавшей, что Австро-Венгрия не должна вступать в войну, даже если на это пойдет Германия, так как в империи Габсбургов проживало более 25 млн славян и они, скорее всего, не пойдут воевать против Сербии и России, поэтому издание призывало любыми путями сохранить мир [3. Д. 585. Л. 179]. Четвертый – в случае войны к противникам империи Габсбургов могла присоединиться Румыния, что непременно дестабилизировало бы ситуацию в Трансильвании и в других регионах Венгрии, где румыны составляли большинство населения [3. Д. 585. Л. 145]. В этой связи «Budapesti Hírlap» в качестве примера привела слова профессора бухарестского университета Йорги о том, что общественное мнение Румынии мечтает о присоединении Трансильвании к Румынии [3. Д. 585. Л. 155]. Отсюда, по мнению Генерального консульства в Будапеште, именно позиция венгров заставляла «венских ястребов» смягчить свой воинственный тон.

Данный вывод подтверждался заявлениями венгерской прессы. По мнению «Budapesti Hírlap» от конфликта Австро-Венгрии с Сербией выиграет только Россия, выступив в последний момент в качестве миротворца, тем самым, укрепив свои позиции на Балканах и в Европе, поэтому монархия Габсбургов не должна была ввязываться в войну с Сербией [3. Д. 585. Л. 154]. «Pesti Naplo» разделяя

эту позицию, подчеркивала, что и сама Россия настроена миролюбиво, не желая крупного конфликта в Европе. На взгляд газеты, война с Россией из-за какой-то гавани на Адриатики, да еще зимой, являлась откровенной глупостью. Венгерская общественность была убеждена, что российское миролюбие подкреплялась тем, что в 1912 г. страна еще не оправилась полностью от последствий поражения в Русско-японской войне и Первой русской революции [3. Д. 585. Л. 155].

В депеше от 3 декабря 1912 г. Приклонский попытался дать собственный анализ ситуации, сложившейся в Венгрии во время Первой балканской войны. Он полагал, что быстрая победа Сербии и ее союзников над Османской империей ошеломила политиков и общественность Австро-Венгрии, вызвав в первое время, состояние ступора. В этой ситуации Вена и Будапешт не знали как себя вести в сложившейся ситуации. Венгрия боялась, что в условиях победы Сербия в союзе с Хорватией может создать альянс, неважно в какой форме и не обязательно в виде единого государства, и этот альянс отрежет Венгрии выход к Адриатическому морю, отняв Фиуме, что наносило колоссальный удар по экономическим и военно-стратегическим позициям Венгрии на Балканах [3. Д. 585. Л. 164]. Одновременно Венгрия опасалась войны с Сербией. Кроме ранее приводимых аргументов, Приклонский выделил еще один: – в условиях победоносной войны Венгрия окажется в подчиненном положении по отношению к Австрии [3. Д. 585. Л. 164].

Но, по мнению консула, в Венгрии были и политические силы (правда, в меньшинстве), выступавшие за немедленную широкомасштабную войну с Сербией и Россией. На их взгляд, Россия пока в полной мере не преодолела потрясения 1904–1907 гг., а через два-три года она восстановит свой потенциал и будет уже представлять собой мощного противника, на сторону которого в любой момент может перейти Румыния [3. Д. 585. Л. 165]. В 1912 г. союз Германии, Австро-Венгрии и Румынии, в представлениях «венгерских ястребов» была значительно сильнее союза России, Сербии и Франции. Правда при этом венгерские шовинисты рассчитывали и на поддержку ряда балканских государств, включая Болгарию и Грецию [3. Д. 585. Л. 179].

В оценке действий России в венгерской прессе на рубеже 1912–1913 гг. не было полного единства. С одной стороны, «Budapesti Hírlap» писала: «Вся Европа должна соединиться в требовании, чтобы самодержавная власть в России, которая и является источником политики, угрожающей миру Европы, была сломлена возможно скорее» [3. Д. 585. Л. 183]. Газета предлагала свой перечень политических акций, которые, по ее мнению, должны были в конечном итоге сокрушить российское самодержавие, включая подготовку нового польского восстания и поддержку антиправительственных партий. «Pester Lloyd» предлагал создать широкую анти-российскую коалицию, в том числе и на Дальнем Востоке с включением Японии и Китая [3. Д. 585. Л. 187]. Это давало основание некоторым венгерским политикам делать утверждение, что слабая Россия в случае войны с Сербией займет нейтралитет.

Но, с другой стороны, на взгляд консула, в Венгрии очень боялись войны с Россией, опасаясь экономического и финансового краха, подозревая в ненадежности союзников (Италия, Румыния, Германия), допуская неблагоприятный ход боевых действий [3. Д. 585. Л. 187]. «Партию мира» в Венгрии укрепили отставки представителей высшего командования Австро-Венгрии генералов Ауффенберга и Шемуа, и их замена генералами Гетцендорфом и Кробатинисом. После этого венгерская пресса поменяла акценты в оценке перспектив войны с Россией и Сербией, отмечая рост миролюбивых настроений в России, рассказывая о посещении послом Австро-Венгрии в Белграде госпиталя, где проходили лечение раненые сербские солдаты и т.д. Все чаще звучали призывы о возможности компромисса с Сербией [3. Д. 585. Л. 184].

Однако рост напряженности на Балканском полуострове в начале 1913 г. привел к обеспокоенности Приклонского, и если в октябре-ноябре 1912 г. он был абсолютно убежден в том, что Австро-Венгрия не нападет на Сербию, то в конце 1912 – начале 1913 гг., уже не знал, какая из альтернатив «война – мир» победит в Вене и Будапеште, допуская и возможность начала войны между империей Габсбургов и Сербией [З. Д. 585. Л. 187].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003.
2. *Струве П.* Балканский кризис и исторические задачи России // Русская мысль. 1912. № 12.
3. АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 584.
4. *Писарев Ю.А.* Образование югославского государства. М., 1975.
5. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1911. № 7.
6. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991.
7. *Borsody S.* The New Central Europe. New York, 1993.
8. *The Hungarians: A divided nation / Ed. Borsody S.* New Haven, 1988.
9. *Искендеров П.А.* Албанский вопрос: от войн Балканских к Первой мировой войне // Славяноведение. 2006. № 1.
10. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991.

© 2012 г. Д.А. КОРОТКОВА

БЕЛОРУССКИЙ АСПЕКТ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В 1920 году

В статье описываются позиция советского руководства и его контакты с белорусскими представителями в период Московских переговоров с Литвой и Рижской мирной конференции.

The article describes the position of the Soviet government and its contacts with the Belorussian representatives during the negotiations with Lithuania in Moscow and at the Riga peace conference.

Ключевые слова: белорусское движение, А.А. Иоффе, Г.В. Чичерин, Рижский мир, советско-литовские переговоры

В начале XX в. белорусское национальное движение было представлено, главным образом, культурно-просветительским течением общественной жизни Северо-Западного края. Первая мировая война дала толчок политическому развитию движения. На оккупированных Германией белорусских землях (Гродненская, часть Виленской и Минской губерний) его активисты строили планы белорусско-литовского объединения, апеллируя к истории Великого княжества Литовского. Позже, однако, разногласия между белорусскими и литовскими националистами заставили отказаться от идеи федеративного государства. На территории, оставшейся под контролем России, белорусские активисты работали в основном в беженских комитетах и обществах помощи населению, перемещавшемуся вглубь России перед наступлением немецкой армии [1. С. 54].

Большинство белорусских политических групп, действовавших на территории России, стремились создать краевое представительство. В этот период многие белорусские деятели склонялись к идее автономии Белоруссии в составе России, преобразованной в федерацию. Созыв Всебелорусского съезда, представлявшего все политические силы Белоруссии, должен был, по мысли его организаторов, определить пути дальнейшего развития края [2. С. 108–109].

Однако съезд, едва начав работу, 17 декабря 1917 г. был распущен местными большевистскими руководителями. Они сочли деятельность съезда угрозой для своей власти, так как избранный на съезде Совет должен был принять на себя «все функции ответственного управления краем» [1. С. 56]. Разгон съезда вызвал радикализацию и поляризацию взглядов лидеров белорусского движения.

В этот период в национально-освободительном движении Белоруссии большую роль играл внешнеполитический фактор, что объясняется не только особым геополитическим положением Белоруссии, ставшей театром боевых действий, но и незавершенностью процесса формирования белорусской нации. Значительная

Короткова Дарья Александровна – аспирантка исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

часть белорусского общества даже в момент наибольшего национального подъема продолжала ощущать себя неразрывно связанной с Россией, что обусловило весьма низкую популярность идей белорусского национализма [2. С. 97].

В связи с немецким наступлением в феврале 1918 г. структуры Западного фронта эвакуировались в Смоленск. Исполком Совета Всебелорусского съезда, преобразованный в Раду, и правительство (Народный секретариат), созданное с разрешения германских оккупационных властей и не обладавшее влиянием на ситуацию в крае, провозгласили 9 марта 1918 г. образование Белорусской народной республики (БНР), а 25 марта и ее независимость. Дальнейшая деятельность активистов белорусского движения, вплоть до марта 1921 г., была направлена на признание независимости БНР в этнических границах, а правительства БНР – единственным легитимным правительством на ее территории. Слабость движения заставляла белорусских политиков искать поддержку у иностранных государств, в том числе, оккупировавших территорию Белоруссии. Зачастую смена оккупационного режима означала смену политической ориентации белорусских националистов, что не способствовало росту популярности их идей.

После ухода немцев из Белоруссии в конце 1918 г. советское руководство сочло наиболее приемлемым создать на белорусской территории советскую республику, которая и была провозглашена 30 декабря 1918 г. на VI Конференции РКП(б) Северо-Западной области. В ее состав должны были войти Минская, Гродненская, Могилевская, Витебская и Смоленская губернии. Но уже 16 января 1919 г. было принято решение об образовании объединенной Литовско-Белорусской советской республики и присоединении Могилевской, Витебской и Смоленской губерний к РСФСР [1. С. 58].

В марте 1919 г. по распоряжению маршала Фоша германская армия была выведена из Западной Белоруссии, и ее место заняли польские легионы. На территории Белоруссии начались столкновения польских войск с Красной армией. Заняв Западную Белоруссию, поляки ввели там собственную военную и гражданскую администрацию [3. С. 53]. Значительная часть белорусских политиков стала ориентироваться на сотрудничество с польскими властями, обещавшими поддержку белорусскому национальному движению в рамках федеративной концепции Пилсудского.

С осени 1919 г. активизировалась деятельность коммунистического подполья и связанного с ним партизанского движения (к тому времени была оккупирована большая часть белорусской территории). Общие интересы, заключавшиеся в необходимости изгнания поляков, подталкивали коммунистические организации края к сотрудничеству с другими партиями и движениями. Наиболее тесные отношения сложились между коммунистами Литвы и Белоруссии и частью белорусских эсеров (Белорусская партия социалистов-революционеров, БПСР). В декабре 1919 г. по инициативе ЦК объединенной Коммунистической партии большевиков Литвы и Белоруссии (КП(б) ЛиБ) в Смоленске состоялись переговоры с представителями БПСР, итогом которых стало соглашение о совместной борьбе за восстановление белорусской государственности. От белорусских эсеров соглашение подписали П. Бодунова, И. Мамонько, А. Трофимов, М. Осветимский, Ф. Шантыр [4. С. 204].

В то же время произошло размежевание среди антибольшевистски настроенных белорусских деятелей. 12 декабря 1919 г. в Вильно состоялась сессия Рады БНР, созванная с согласия Ю. Пилсудского. Неожиданно для польских властей ряд членов Рады – белорусские эсеры осудили польскую политику и приняли решение об отмене объявленного ими плебисцита о присоединении к Польше оккупированных белорусских территорий. Глава правительства БНР Антон Луцкевич и его сторонники покинули заседание Рады и создали Верховную (Наивысшую) раду БНР (ее председателем был избран Иван Серета).

В свою очередь, их политические оппоненты, в основном эсеры, создали Народную раду БНР во главе с Петром Кречевским и новое правительство БНР во главе с Вацлавом Ластовским. Они стали организационным центром «третьей силы» в белорусском движении, которая видела будущее Белоруссии вне союзов с Польшей и РСФСР. Ластовский считал возможным осуществить идею объединения белорусских земель в рамках независимого белорусского государства главным образом при поддержке со стороны ведущих держав Запада и новых независимых государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи (особенно прибалтийских), поэтому прежде всего делал упор на развитии связей с этими странами и старался сохранять дистанцию в отношениях с Польшей и Россией [4. С. 209].

Сторонники Ластовского отмежевались от пропольской политики правительства А. Луцкевича, что вызвало репрессии со стороны оккупационных властей. БПСР вынуждена была перейти на нелегальное положение. Члены правительства Ластовского и эсеро́вской Рады БНР переехали в Ригу, а в конце 1920 г. – в Ковно [5. С. 22].

Деятельность эсеров беспокоила руководство КП(б) ЛиБ. Разногласия между белорусскими коммунистами и эсерами подтолкнули последних к попытке установить прямые контакты с руководством РКП(б). 6 апреля 1920 г. в Москву выехала делегация БПСР во главе с членом ЦК БПСР П. Бодуновой, а 8 апреля начались переговоры с представителями ЦК РКП(б) И.В. Сталиным и Н.Н. Крестинским. Бодунова выразила желание тесно сотрудничать с российскими коммунистами. От имени БПСР она выдвинула следующие требования: признать правительство Ластовского; вернуть в состав Советской Белоруссии Витебскую, Гомельскую и части Смоленской и Черниговской губерний с преимущественно белорусским населением; организовать белорусские «красные» войска и сконцентрировать их на территории Советской Белоруссии; способствовать национальной культурно-просветительской работе в Советской Белоруссии; освободить всех членов БПСР, арестованных органами советской власти; оказать материальную помощь всем организациям БПСР на оккупированной поляками территории Белоруссии [4. С. 205].

Сотрудничество с «мелкобуржуазными» партиями на бывших окраинах Российской империи имело большое значение для борьбы с поляками, но, по мнению руководства РСФСР, белорусские эсеры просили слишком много. Было решено запросить ЦК КП(б) ЛиБ по поводу сотрудничества с БПСР. В ответе В. Кнорина от 28 апреля 1920 г. на этот запрос сообщалось о нецелесообразности дальнейшего сотрудничества. Он критиковал белорусских эсеров за «национализм» и в то же время утверждал, что белорусского национального движения не существует, а ЦК КП(б) ЛиБ поддерживает фикцию такого движения только в связи с требованиями «международного положения» [4. С. 205].

Другого мнения придерживался глава Реввоенсовета Западного фронта И. Уншлихт. Он доводил до сведения ЦК РКП(б), что партизанское движение, руководимое белорусскими эсерами, «принимает активное участие в организации действий повстанцев в местностях, занятых неприятелем», хотя считал целесообразным расставить на его ключевых постах коммунистов.

Ознакомившись с позицией руководителей КП(б) ЛиБ и Западного фронта, ЦК РКП(б) решил выполнить отдельные требования представителей БПСР (освободить арестованных белорусских эсеров, разрешить вести работу в Витебской, Гомельской и Смоленской губерниях). 29 апреля 1920 г. ЦК КП(б) ЛиБ по распоряжению ЦК РКП(б) ввел своих представителей Б. Тышкевича и В. Шаранговича в Белорусский повстанческий комитет, который белорусские эсеры создали для руководства партизанским движением в марте 1920 г. Им было обещано вернуться к вопросу о создании Белорусского государства при изменении положения на фронте [4. С. 205].

Ластовский не отказался от попыток добиться признания своих требований российским советским руководством, которое в целом не отвергало идею белорусской самобытности и, хотя и в ограниченной форме, политической самостоятельности. 23 апреля 1920 г. уполномоченный Военно-дипломатической миссии БНР в Латвии и Эстонии А. Маркевич передал в советское полпредство в Эстонии предложение начать переговоры при условии признания РСФСР «независимой Белорусской народной республики в ее этнографических и исторических границах до начала переговоров» [б. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 36]. Советский представитель в Эстонии И.Э. Гуковский по поручению НКВД в ответ указал, что «наше отношение к белорусскому правительству выяснится по мере того, как с развитием борьбы в Белоруссии станет ясно действительная сила тех или других элементов, и теперь заранее нам невозможно сказать, в какой степени мы будем иметь возможность рассматривать белорусское правительство, как выразителя белорусских масс». Этот уклончивый ответ не удовлетворил белорусов. «Их представитель в Ревеле усиленно добивается от Гуковского начатия с нами переговоров и в частности разрешения на приезд в Москву», – сообщал Георгий Васильевич Чичерин, народный комиссар по иностранным делам, в записке в Политбюро ЦК РКП(б) от 24 мая 1920 г. [б. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 37].

Тем временем положение как на фронте, так и на международной арене способствовало тому, что польская политика в отношении белорусских националистов стала более благожелательной. В мае 1920 г. польское правительство подписало соглашение о сотрудничестве с белорусской Наивысшей радой (группа А. Луцкевича). Сближение позиций части белорусских националистов с польскими властями встревожило НКВД. В той же записке в Политбюро ЦК РКП(б) 24 мая 1920 г. Чичерин высказал следующие соображения: «Нам надо быть крайне осторожными по отношению к белорусскому так называемому правительству, так как оно имеет возможность в европейском масштабе создавать нам дипломатические неприятности. Мы считаем поэтому своевременным исполнить, наконец, желание ожидающего в Ревеле белорусского представителя и дать ему возможность приехать в Москву, что поведет к переговорам, несомненно, затяжным по своему характеру. Необходимо было бы с целью привлечения белорусов на нашу сторону и с целью воспрепятствования польскому правительству перетянуть их на свою сторону путем подачек, разрешить белорусскому представителю в Ревеле приехать к нам для переговоров, причем установить краткий срок и поставить его в условия, делающие его приезд безопасным. Нужно, однако, нечто большее: нужно начать действительную политику предоставления белорусам возможности национального развития, т.е. создания сети белорусских школ и признания белорусских обществ. Ввиду крупных задач, предстоящих нам по отношению к Белоруссии, мы считаем в высшей степени своевременным и желательным восстановить при Наркомнаце белорусский комиссариат» [б. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 37–37об.].

Белорусский вопрос поднимался в мае 1920 г. в связи с советско-литовской мирной конференцией в Москве. 31 марта 1920 г. литовское правительство выразило желание и готовность заключить мирный договор с РСФСР при условии признания независимости Литвы в ее этнических границах со столицей в Вильно [4. С. 236]. Переговоры начались 7 мая 1920 г. Поскольку Россия и Литва не вели военных действий друг с другом, советские дипломаты рассчитывали на скорое заключение договора. Обе стороны были заинтересованы в нем: Литве нужно было признание России, России – союзник против Польши на Западном фронте. Однако переговоры оказались непростыми.

Литовская делегация настаивала на том, чтобы, прежде чем обсуждать статьи будущего мирного договора, Россия отдельным актом признала независимость Литовской республики. Российская делегация отвергла это требование, сославшись, во-первых, на Декрет о мире, признававший право народов на самоопреде-

ление, а во-вторых, на сам факт ведения переговоров с Литвой, что уже означало признание ее суверенитета. По мнению российских дипломатов, вопрос о независимости Литвы должен был бы найти отражение в мирном договоре, в виде специальной статьи. Согласившись, хотя и не сразу, с этим предложением, литовская делегация огласила свое предложение о границах Литовской республики.

По этому проекту в состав Литвы включались Ковенская, Виленская, Сувалкская, Гродненская губернии (обязательно с Бельском и Белостоком), Новогрудский уезд Минской, а также части Илукстского и Гробинского уездов Курляндской губернии [7. Ф. 04. Оп. 21. П. 180а. Д. 200. Л. 72]. Российская делегация сочла эти территориальные требования необоснованно завышенными [8. С. 124]. Советские дипломаты настаивали на разграничении по этническому признаку, опираясь при этом на карту и пояснительные записки, составленные экспертами Российской академии наук¹ [9. Ф. 135. Оп. 474. Д. 42]. Литовцы в своих притязаниях оперировали главным образом историческими аргументами, требуя присоединения территорий, когда-то литовских, но затем потерявших свой литовский национальный характер [7. Оп. 151. Оп. 3. П. 3. Д. 16. Л. 8–10]. В ответе на литовские территориальные требования российская делегация указала границы этнической Литвы, захватывавшие лишь Ковенскую, части Виленской и Сувалкской губерний и северный участок Гродненской. Вместе с тем, считаясь с экономическими, культурными и административными интересами Литвы, Россия соглашалась на включение в состав Литвы г. Вильно и окружающих его уездов Виленской губ. [7. Ф. 151. Оп. 3. П. 2. Д. 7. Л. 3].

На третьем пленарном заседании конференции 9 мая 1920 г. от имени западно-белорусского населения (т.е. населения бывших Виленской и Гродненской губерний) выступил член литовской делегации, министр по белорусским делам литовского правительства (сменивший в апреле 1920 г. на этом посту Иосифа Воронко [4. С. 212]) Доминик Семашко. Он мотивировал литовские требования интересами белорусского населения Гродненщины и Виленщины. Декларируя одновременно и поддержку независимости БНР, фактически Семашко требовал раздела белорусских территорий. Он заявил следующее: «Естественное право независимости, право человечества [...] в глазах Российской делегации не принадлежит Белоруссии [...] Беларусь и Литва всегда жили между собой в полном согласии. Литовское правительство никогда не отречется от того, что если будет Белорусское независимое государство и если интересы Литвы и Белоруссии этого потребуют, оно вступит даже в федеративную связь с этим государством» [10. Л. 10]. Высказывания Семашко сводились к утверждению, что Гродненская губерния, население которой имеет смешанный характер, экономически и культурно, тем не менее, составляет единое целое с Литвой и потому должна быть присоединена к этому государству. В качестве аргументов приводились проведенные там выборы в Тарибу, а также решения белорусских организаций Гродненщины и Виленщины об объединении с Литвой [7. Ф. 04. Оп. 27. П. 180а. Д. 200. Л. 78].

Глава российской делегации Адольф Абрамович Иоффе не согласился с утверждением литовской стороны о том, что белорусы Гродненской губернии уже «самоопределились в сторону Литвы», поскольку не было плебисцита (которого и не могло быть, так как спорные территории были оккупированы польскими войсками) [6. Ф. 159. Оп. 2. Д. 9. Л. 70].

В его выступлении говорилось: «Если я не говорил до сего времени о Белоруссии, то [...] ввиду того фактического положения, при котором громадная масса белорусского населения неоднократно заявляла свою волю остаться в пределах

¹ Использовались данные не только переписи 1897 г., но и исследования российских (Е.Ф. Карский), польских (Розвадовский, Чиньский, Гринберг) [7. Ф. 151. Оп. 3. П. 3. Д. 16. Л. 25] и литовских (проф. Вольтер, Явнис) ученых, причем статьи последних, были выпущены соответственно в 1902 и 1916 г. [7. Ф. 151. Оп. 3. П. 3. Д. 16. Л. 9].

России, а другие части говорили то о создании Литовско-Белорусского государства, то о создании самостоятельного Белорусского государства. Мы не имеем поэтому до сего времени оснований считать самоопределение белорусского народа совершившимся. Мы не имеем оснований считать, что как раз те группы, которые быть может действительно представляет здесь уважаемый член литовской делег[ации], г. Семашко, выражают действительную волю всего белорусского народа». Иоффе настаивал на сохранении за Россией роли арбитра в решении территориального вопроса и отвергал возможность передачи белорусских земель Польше или Литве вопреки воле населения: «Я хотел бы еще подчеркнуть, что уважаемый член Делегации – г. Розенбаум, в своей речи нам доказывал, что если бы по отношению Гродненской губ. спор шел между Россией и Литвой, то разрешение его и предложения, делаемые тогда Литовской Делегацией, были бы иными, но в действительности спор идет между Литвой и Польшей. Мне думается, что это не так [...], хотя вопрос о самоопределении белорусского народа не разрешен, он не может быть так разрешен, что территория, населенная в большинстве своем не польским народом, должна отойти к Польше. Я должен заявить, что Россия этого не допустит и что оперировать таким материалом и такими соображениями поэтому не приходится. Я хотел бы только добавить, что поскольку я знаю, Польша претендует только на два уезда Гродненской губ.: Белостокский и Бельский» [6. Ф. 159. Оп. 2. Д. 9. Л. 83].

На Третьем заседании смешанной российско-литовской комиссии по вопросу о границах 13 мая 1920 г. С. Розенбаум при обсуждении вопроса о воле населения спорных областей в комиссии заявил, что, строго говоря, ни он, ни Д. Семашко не являются представителями еврейского и белорусского населения спорных территорий, а имеют «мандаты от литовской делегации, а не от белорусского или еврейского населения. Мы имеем право говорить не от имени белорусов и евреев, а за евреев и белорусов, так как досконально знаем все нужды и чаяния этих национальностей. Мы не столько поверенные, сколько свидетели, сведущие лица» [7. Ф. 04. Оп. 27. П. 180а. Д. 200. Л. 74].

В конце мая 1920 г. переговоры фактически зашли в тупик из-за разногласий по территориальному вопросу. Иоффе говорил даже о возможности полного разрыва с литовцами, если они продолжат настаивать на своих требованиях [6. Ф. 159. Оп. 2. Д. 9. Л. 182]. Чичерин выступил категорически против прекращения переговоров. Он указывал, что для Советской России в тот момент было очень важно создать впечатление сближения с Литвой. Чичерин говорил и о возможности территориальных уступок ради военного выступления Литвы против Польши и в целом разрыва «окраинного кордона»: «Часть окраинных государств становятся в позитиву наших друзей, у Польши отнимается позиция окраинного представителя, уничтожается противоположение нам всех окраинных государств. Эта видимость литовской дружбы имеет для нас настолько крупное значение, что вполне стоит потратить немножко более дипломатических маневров товарища Иоффе, чтобы этого достигнуть» [6. Ф. 159. Оп. 2. Д. 9. Л. 182] (письмо Чичерина Ленину от 22 мая 1920 г.). 25 мая 1920 г. большая часть литовской делегации, включая председателя Ф. Нарушевича и членов делегации Д. Семашко и С. Розенбаума, выехала в Ковно для консультаций с правительством [7. Ф. 151. Оп. 3. П. 2. Д. 4. Л. 18]. Заседания смешанной комиссии по вопросу о границах, в которую от Литвы входили теперь оставшиеся в Москве П. Климас, В. Рачкаускас и И. Волокайтис [7. Ф. 04. Оп. 27. П. 2. Д. 4. Л. 31], в июне 1920 г. продолжились [7. Ф. 04. Оп. 27. П. 2. Д. 7. Л. 5].

Начавшееся наступление советских войск и освобождение территории Белоруссии от поляков создали условия для возобновления процесса советского белорусского национально-государственного строительства, остановленного в самом его начале в 1919 г. Уже в мае 1920 г. по инициативе белорусского коммуниста

Александра Червякова, члена РВС Западного фронта, начали регулярно собираться заседания инициативных групп коммунистов-белорусов, где рассматривался вопрос о восстановлении советской власти и самоопределении Белоруссии. А.Червяков и его единомышленники (Д. Жилунович, И. Клишевский, Г. Богданович и др.) настаивали на создании ревкома Белоруссии в качестве «автономного организма Советской России». В записке, направленной в ЦК КП(б) ЛиБ 22 мая 1920 г., Червяков обосновывал свою точку зрения как принципами компартии (самоопределение народов), так и международной обстановкой (необходимостью парализовать претензии Литвы на Гродно и Виленскую губернию, противопоставляя им суверенитет над этой территорией Советской Белоруссии [4. С. 258]).

Руководящие работники ЦК РКП(б) ЛиБ (В. Кнорин, М. Калманович, Р. Пикель, И. Рейнгольд) считали, что Белоруссия должна остаться в составе РСФСР на правах относительно самостоятельной административно-экономической единицы, а белорусы должны получить культурно-национальную автономию в рамках Минской губернии.

25 мая 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б), рассматривая этот вопрос, решило ограничиться Минским губревкомом (возглавил его Червяков, в состав вошли Кнорин и Хатаевич). Бюро ЦК КП(б) ЛиБ получило статус областного бюро РКП(б) [4. С. 259].

Ластовский продолжал попытки повлиять на советско-литовские переговоры. В мае 1920 г. он потребовал от Семашко гарантий того, что белорусы получают автономию в составе Литвы и на спорных территориях будет проведен плебисцит об их будущей государственной принадлежности. Не получив таких гарантий, правительство и Рада БНР выступили против включения белорусских территорий в состав Литвы [4. С. 272].

24 июня 1920 г. в Москву выехал член БПСР А. Маркевич, а через некоторое время и еще один представитель правительства БНР Василий Захарко [4. С. 272]. Последний передал Чичерину меморандум, в котором содержалось требование признать независимость БНР и способствовать возрождению белорусского народа в политическом, экономическом и национально-культурном отношении. Однако, поскольку на тот момент группе Ластовского нечего было предложить в ответ советскому руководству, миссия Захарко результатов не дала [4. С. 273].

Заседания советско-литовской мирной конференции возобновились 22 июня 1920 г., после возвращения в Москву председателя литовской делегации Ф. Нарушевича и члена делегации С. Розенбаума [7. Ф. 04. Оп. 27. П. 180а. Д. 201. Л. 37]. На первом после перерыва пленарном заседании А. Иоффе огласил полученное к тому времени заявление Центральной белорусской рады Гродненщины и Виленщины от 6 мая 1920 г. (эта организация была единственной, признаваемой польскими властями в качестве белорусского национального представительства оккупированных Польшей территорий [11. S. 99]) о том, что Семашко не имеет никаких полномочий ни от каких белорусских организаций на то, чтобы представлять интересы этого населения на переговорах [10. Л. 5].

Советская делегация предложила решать вопрос о границах с учетом того, что Гродненская и Виленская губ. были оккупированы польскими войсками [7. Ф. 04. Оп. 27. П. 180а. Д. 201. Л. 32], а среди самих белорусов не было единства мнений относительно их будущего. Поскольку одновременно существовали четыре течения, «в том числе авторитетное и многочисленное незалежническое течение, и столь же многочисленное и авторитетное пророссийское», то логичнее, по мнению советских дипломатов, было бы оставить спорные территории в ведении «единственной законной и естественной» наследницы Российской империи, которой они прежде принадлежали, т.е. Советской России [7. Ф. 04. Оп. 27. П. 180а. Д. 201. Л. 32]. Аргументировалась эта точка зрения еще и тем, что Россия является не националистическим государством, а федерацией, в отличие от Литвы, ко-

торая «выказывает явно империалистические замашки» [7. Ф. 04. Оп. 27. П. 180а. Д. 201. Л. 32об.]. Гродненская губерния, по словам Иоффе, скорее пожелала бы присоединиться ко всей Белоруссии, потому надо дождаться ее самоопределения [7. Ф. 04. Оп. 27. П. 180а. Д. 200. Л. 114]. В связи с неопределенностью белорусского вопроса советские дипломаты снова заявили о невозможности удовлетворить все территориальные требования Литвы.

Тем временем появилась реальная опасность польско-литовского сближения. 4 июля 1920 г. министр иностранных дел Польши Е. Сапега заявил, что польское правительство готово *de facto* признать независимость Литвы и установить с ней добрососедские отношения [8. С. 126].

В начале июля 1920 г. советские дипломаты согласились передать в состав Литвы Ошмяны, Лиду и Гродно. Литовская делегация предложение приняла [4. С. 239]. Такое решение территориального вопроса должно было устранить опасность польско-литовского сближения. 12 июля 1920 г. был подписан советско-литовский мирный договор, содержащий согласие на передачу Литве не только Вильно, но и значительной части западнобелорусских земель.

22 июля 1920 г. правительство Ластовского направило протест против подписания этого договора правительствам Советской России, Литвы и мирной конференции в Париже. В нем, в частности, заявлялось о готовности белорусского народа «бороться с этой вопиющей несправедливостью всеми доступными ему средствами» и высказывалось требование «немедленного пересмотра условий названного мирного договора и признания согласно волеизъявления Белорусского Народа (таким волеизъявлением группа Ластовского считала выборы делегатов на Всебелорусский съезд в декабре 1917 г. – *Д.К.*) его суверенности и политической независимости в этнографических пределах» [6. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 38].

5 июня 1920 г. Красная армия начала успешное наступление на Юго-Западном фронте. К середине июля 1920 г. польская армия была отброшена на линию р. Збруч. Поражение польских войск на Украине изменило баланс сил и в Белоруссии. В начале июля начал наступление Западный фронт.

11 июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон направил ноту Г.В. Чичерину, в которой предложил советским войскам приостановить наступление в 50-ти км к востоку от линии, определенной Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. как граница этнически польских земель (с этого момента эта условная линия границы получила название «линия Керзона»). Кроме того, Англия заявила о готовности стать посредницей в польско-советском конфликте.

17 июля 1920 г. правительство РСФСР сообщило правительству Великобритании, что оно отказывается от предложения о посредничестве и желает получить прямое обращение от Польши с просьбой о перемирии и заключении мира. Руководство РСФСР также выразило готовность обсудить с поляками вопрос о границах и даже установить «более выгодную для польского народа территориальную границу» по сравнению с линией Керзона [4. С. 259].

В изменившихся обстоятельствах вопрос о восстановлении белорусской советской государственности, уже самостоятельной, поскольку РСФСР признала литовское правительство, снова встал на повестку дня. 30 июля 1920 г. был создан Временный революционный комитет (ВРК) Белорусской республики, его председателем избран А. Червяков, заместителем – В. Кнорин. В состав комитета вошли И. Клишевский, И. Адамович, В. Игнатовский (от Белорусской коммунистической организации (БКО), которая откололась от БПСР в начале 1920 г. [4. С. 205]), А. Вайнштейн (от Бунда). От БПСР должен был войти в состав ВРК А. Трофимов [4. С. 261].

31 июля была принята Декларация о провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ). Подписали ее Кнорин, Червяков, Смилга (от ЦК КП(б) ЛиБ), Криницкий (от ЦБ профсоюзов), Игнатовский (от БКО),

Вайнштейн (от Бунда). Согласно Декларации до созыва Всебелорусского съезда Советов власть переходила к ВРК ССРБ; провозглашалось равенство в отношениях ССРБ и РСФСР, сохранение единого военного командования войсками всех советских республик. Границы республики описывались следующим образом: на западе ею должна была стать линия Керзона, на востоке и юге граница должна быть определена решениями уездных и губернских съездов Советов «в полном согласии с правительствами РСФСР и УССР». В состав Советской Белоруссии должны были войти 11 уездов Минской и Гродненской губерний [4. С. 262].

Процесс повторного провозглашения ССРБ сопровождался обострением политического противостояния между белорусскими коммунистами и белорусскими эсерами. Руководители БПСР потребовали зафиксировать в тексте Декларации о независимости ССРБ положение о созыве Всебелорусского рабочего конгресса для решения вопроса о государственном строе Белоруссии, формировании коалиционного правительства из представителей коммунистов и левых партий национально-демократического толка (прежде всего БПСР), создании белорусской армии, полной независимости ССРБ от РСФСР, расширении территории республики до ее этнических границ, провозглашения белорусского языка государственным. После отказа ЦК КП(б) ЛиБ удовлетворить эти требования ЦК БПСР отозвал своих представителей из ВРК и отказался подписывать Декларацию о независимости ССРБ. Фамилия А. Трофимова из текста была вычеркнута [4. С. 263]. 12 августа 1920 г. ВРК был признан в качестве высшей власти в Белоруссии командованием Западного фронта, что вызвало усиление антисоветской риторики руководства Рады БНР и правительства Ластовского. Отношение к ССРБ и в целом к советской политике в белорусском вопросе спровоцировало разногласия среди его сторонников в Риге.

Военные неудачи вынудили польское руководство начать мирные переговоры с РСФСР. Переговоры начались в освобожденном от поляков Минске 17 августа. Но к тому времени форсированный марш Красной армии был остановлен на подступах к Варшаве и польские войска перешли в контрнаступление. Мирные переговоры были прерваны.

16 сентября 1920 г. в Москву из Риги прибыла делегация белорусских эсеров во главе с А. Маркевичем для беседы с Чичериным. Маркевич сообщил о том, что левые элементы «устранены из белорусского правительства (Ластовского. – Д.К.) и высланы из Латвии, в Риге почти никого не осталось, он один из высланных». Эта группа, со слов Маркевича, хотела попытаться восстановить союз с белорусскими коммунистами, для чего намеревалась ехать в Минск. Он объяснял разрыв БПСР с компартией во время подписания Декларации о независимости Белоруссии неясностью формулировок последней (не было указания на «конкретное государственное тело», т.е. Белорусскую республику). Маркевич считал еще возможным организовать правительство Белоруссии, стоящее на советской платформе, но по принципу представительства партий. Он выдвинул следующие предложения: создание независимой Белорусской советской республики, которая затем вступит в федеративную связь с Советской Россией и участие Белоруссии в рижских переговорах в качестве четвертого субъекта.

Маркевич заявил, что даже поправившее правительство Ластовского не пойдет на союз с Польшей, так как помнит «о судьбе Луцкевича, которым пожертвовали сами поляки, ибо он как полонофил оказался без почвы» [6. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 6].

В беседе с Маркевичем Чичерин не дал определенного ответа на его предложения, сообщив лишь, что все контакты с Маркевичем и его сторонниками будут вестись через члена ЦК КП(б) ЛиБ И. Смилгу, который осуществлял связь между КП(б) ЛиБ и РКП(б) [6. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 6]. Позже Чичерин сообщил Иоффе, что очень ждет приезда В. Игнатовского, представителя белорусского

Ревкома, чтобы уточнить степень влияния БПСР в самой Белоруссии и понять, стоит ли в принципе вести с ними дальнейшие переговоры, а также возможно ли противопоставить их польским притязаниям [6. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 6]. Видимо, результаты этих консультаций для БПСР не были обнадеживающими, так как план Маркевича по примирению с белорусскими коммунистами результатов не дал.

Таким образом, в сентябре 1920 г. Ластовский искал опоры в литовских правительственных кругах, в дальнейшем официально став их союзником, другие же белорусские эсеры ориентировались на Советскую Белоруссию, все еще надеясь получить представительство в белорусском советском правительстве [12. С. 64–67]. Сближала их враждебность к Польше.

21 сентября 1920 г. мирные переговоры были возобновлены в Риге в неблагоприятных для советской стороны условиях: продолжавшие наступление польские войска к концу месяца вновь заняли всю Западную Белоруссию и продвигались далее на восток. В первой декаде сентября они оказались уже в районе Минска. 23 сентября А. Иоффе, возглавившему российскую делегацию на рижских переговорах, была направлена от имени пленума ЦК телеграмма, составленная Лениным, с директивой получить «реальную гарантию действительного мира в 10-дневный срок». Линией максимально возможных уступок была названа линия по реке Щара, рекам Ясельда и Стырь и далее по государственной границе между Россией и Восточной Галицией. Сдвиг этой линии далее на восток, по словам Ленина, лишил бы Советскую Россию таких важных железнодорожных узлов, как Барановичи, Сарны, Лунинец и Ровно [13. С. 224]. 24 сентября Иоффе огласил заявление ВЦИК, согласно которому предлагалось урегулировать международные отношения в западной части владений бывшей Российской империи на основе признания Россией и Польшей независимости Украины, Литвы, Белоруссии и имеющихся у них форм государственной власти. При этом вторая часть заявления была более прагматичной и мерой допустимых уступок объявляла признание границы «значительно восточнее» линии Керзона, в том числе оставление за Польшей Восточной Галиции и Гродненской губ. Крайним сроком действия этих предложений было названо – 5 октября [13. С. 224–225]. Это заявление было признано польской стороной приемлемой основой переговоров.

Однако уже 28 сентября А. Иоффе, дабы «спровоцировать поляков на конкретное обсуждение» вопросов о границе, представил готовый проект прелиминарного договора, в котором снова ставились условия, которые заявлением ВЦИК предполагалось пока оставить в стороне, а именно: признание независимости Украины, Литвы и Белоруссии; граница, согласно этому проекту, в Белоруссии должна была пройти «от устья реки Свислочь через Брест-Литовск». Сделано это было, по словам Иоффе, из опасения, что поляки, получив предложение с крайними для советской стороны уступками, потребовали бы границы 1772 г. [13. С. 229].

Проект вызвал в польской делегации замешательство. Тогда Иоффе предложил ее главе Я. Домбскому согласовать самые спорные вопросы на закрытых совещаниях глав делегаций. На первом же таком совещании Иоффе напрямую заявил Домбскому, что, если Польша желает создать буферные государства – Белоруссию и Украину, то Россия их уже создала, и они для России приемлемы только в существующем виде, т.е. в виде советских республик. Он настаивал на том, что речь в договоре может идти только о границе Польши не непосредственно с Россией, но с Украиной и Белоруссией. Домбский согласился с этой формулировкой при условии, что Россия снимет требование о плебисците по поводу принадлежности Восточной Галиции [13. С. 229].

Вопрос белорусского представительства на переговорах представляется спорным. А. Иоффе располагал мандатом, выданным 16 сентября 1920 г. ВРК Белоруссии его председателю А. Червякову на заключение мира с Польшей [13. С. 224].

18 сентября Червяков и Клишевский выехали в Ригу по приглашению Чичерина. Однако польская делегация категорически отказалась признать их полномочия, охарактеризовав их как «московских чиновников, а не реальных представителей белорусского народа» [4. С. 265]. По другой версии, сам Червяков отказался брать на себя ответственность за подписание договора, не обеспечивавшего территориальной целостности Белоруссии, и потому передал мандат на ведение переговоров и подписание мира от имени БССР российско-украинской делегации [13. С. 229].

6 октября 1920 г. Д. Мануильский, член российской мирной делегации, сообщил Чичерину о приезде неофициальной делегации представителей Восточной Галиции и ее планах совместно с литовцами и белорусами (сторонниками Ластовского) выступить в прессе с протестами «против аннексионистских планов Польши». По мнению советского дипломата, подобная демонстрация «была бы в высшей степени полезна, тем более, что мы с внешней стороны с этими группами не связаны» [6. Ф. 159. Оп. 2. Д. 38. Л. 7]. Галицийская делегация, также как и делегация БНР, не была допущена на переговоры. Эти группы выступили с совместным протестом против раздела территории Украины и Белоруссии только 8 ноября 1920 г., когда прелиминарный мир был уже подписан [14. Л. 73].

12 октября 1920 г. в Риге делегаты Польши, РСФСР и Украинской ССР подписали договор о перемирии и прелиминарных условиях мира. Польша обязалась признать независимость Белоруссии и Украины и подтвердила, что уважает их государственный суверенитет. Стороны, подписавшие договор, согласились не вмешиваться во внутренние дела друг друга, не создавать и не поддерживать организаций, «ставящих своей целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной», а также не поддерживать «чужих военных действий против другой стороны». Согласно ст. 1 договора, Польша получила западную часть Белоруссии с Белостоком, Гродно, Брестом, Новогрудком. Граница прошла примерно в 30 км западнее Минска [15. С. 245–256]. В составе БССР осталось, таким образом, шесть уездов бывшей Минской губернии.

Главным итогом прелиминариев для Советской России явилось прекращение боевых действий на западной границе (что означало остановку польского наступления и связанного с ним риска дальнейших территориальных потерь в Белоруссии и на Украине) и, следовательно, возможность в кратчайшее время закончить войну. Важным итогом также стало признание Польшей советских республик Белоруссии и Украины.

9 октября 1920 г. генерал Л. Желиговский, командир 1-й Литовско-Белорусской дивизии, с негласной санкции Ю. Пилсудского занял Вильно, образовав формально независимую Срединную Литву. Советская Россия поддержала в этом конфликте ковенское литовское правительство.

Советская сторона заняла по отношению к правительству Ластовского, которое вело непримиримую антипольскую пропаганду, выжидательную позицию: «Они борются против поляков, поэтому не следует им противодействовать в данный момент, но опасно было бы активно им содействовать, ибо это могло бы быть использовано позже», – телеграфировал Чичерин советскому представителю в Ковно А.Е. Аксельроду 6 ноября 1920 г. [7. Ф. 151. Оп. 3. Д. 2111. Л. 4].

В польско-литовском конфликте из-за Вильно белорусские политики увидели для себя возможность получить реальную поддержку литовских властей. Дипломатический представитель РСФСР в Литве Аксельрод сообщал Чичерину 22 ноября 1920 г., что литовские власти разрешили формировать белорусские части на своей территории, обещали помощь в агитации и вербовке партизан на польской стороне границы. Было открыто дипломатическое представительство Белорусской народной республики. Ковенское правительство, со своей стороны, рассчитывало получить голоса белорусов Виленской губернии на предпола-

гавшемся плебисците, который Антанта предложила провести для разрешения польско-литовского спора [6. Ф. 159. Оп. 2. Д. 9. Л. 14]).

В декабре 1920 г. польско-советские мирные переговоры в Риге были продолжены, однако вопрос границ более не обсуждался.

Заключение прелиминарного мира 12 октября 1920 г., отдававшего Польше значительную часть белорусских территорий, привело к появлению тревоживших советское руководство настроений среди белорусского населения. После подписания прелиминариев на уездных съездах депутатов принимались резолюции с требованиями возвращения оккупированных Польшей и Литвой территорий. Обсуждался руководством Советской Белоруссии и вопрос о посылке официального делегата в Ригу. Этот вопрос белорусские коммунисты намеревались поставить на II Белорусском Съезде Советов, который открылся 13 декабря 1920 г. Чичерин считал нецелесообразным вводить белорусскую делегацию на рижские переговоры, поскольку «в случае появления непосредственно Белорусской делегации в Риге она там опрокинет все наши дипломатические комбинации» [6. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 45].

В связи с этим он писал Л.Б. Каменеву следующее: «Пока я могу телеграфировать только одно, что определение международных отношений Белорусского советского правительства возможно будет только тогда, когда оно окончательно сконструировано и оформится [...] Нужно ли Белоруссии выступить как четвертому государству, это нужно решить. Мы обязались признать ее самостоятельность, но пока, в данный момент, она в государственном отношении еще не оформилась. Есть поэтому возможность оттянуть ее отдельное дипломатическое выступление» [6. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 41]. Он считал необходимым «ограничиться имеющейся комбинацией, т.е. мандатом от Белоруссии Правительству РСФСР, который был подтвержден Белорусским Съездом Советов, без непосредственного мандата от Белоруссии делегации в Риге» [6. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 45].

Несмотря на опасения НКИД, установка на скорейшее подписание мирного договора получила одобрение делегатов съезда белорусских Советов. Выступивший с докладом по данному вопросу и.о. председателя ЦИК БССР (с 18 декабря 1920 г. председатель СНК БССР) А. Червяков заметил, что отказ от ратификации договора приведет к затягиванию войны с Польшей, а также выразил надежду, что после скорой победы коммунистической революции в Польше условия мирного договора будут пересмотрены. Аргументы руководителя БССР были признаны присутствующими достаточно убедительными. Съезд единодушно ратифицировал прелиминарный договор, поручив российской делегации вести переговоры об установлении границ, заключении мира и связанных с этим договоров, политических и экономических, об обмене военнопленными и др. [4. С. 281].

Однако вопрос о строительстве национальной государственности Советской Белоруссии и взаимоотношениях республики с РСФСР был весьма актуальным. Червяков сообщал в конце 1920 г. в НКИД РСФСР о росте «самостийного» течения. Чичерин писал в политбюро ЦК РКП (б) 30 декабря 1920 г., что, «когда белорусы обращаются в наши учреждения, им отвечают, что ничего не могут для них сделать потому, что они другое государство [...] Тов. Червяков находит вполне целесообразным применить к Белоруссии ту же систему, которая имеется у нас по отношению к Украине. Мы должны пойти навстречу самостийному течению в Белоруссии, так как иначе другие им овладеют (подчеркнуто в оригинале. – Д.К.)» [6. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 45].

После II Белорусского съезда Советов СНК БССР декларировал, что самоопределение белорусского народа состоялось, и только он является его единственным легитимным правительством.

НКИД потребовал от полномочного представителя РСФСР в Литве Аксельрода оказать давление на литовское правительство, чтобы оно убедило Ластовского

отказаться от претензий на власть в Белоруссии и признать БССР. В шифровке советскому представителю в Ковно Аксельроду от 18 января 1921 г. Чичерин так охарактеризовал позицию РСФСР: «Удивляюсь, почему до сих пор не удалось [добиться] от Литвы формального заверения относительно линии Ластовского. Ведь если притязания Ластовского распространяются на Советскую Белоруссию, то Литва резко нарушает договор, давая ему убежище и помогая ему, и заверение о дезинтересации Ластовского в Советской Белоруссии необходимо для того, чтобы поведение Литвы не противоречило договору с нами. Кроме того, необходимо обещание Литвы не участвовать во враждебных коалициях и действиях против нас. Ссылки литовцев, будто бы договор с ними мы признаем несуществующим, неверны, ибо если мы заявили, что не вмешиваемся в отношения Литвы с Польшей, это значит, что по договору мы уступили Вильню Литве, но мы не обязаны защищать Вильню силой оружия в пользу Литвы, и раз Литва от нас получила территорию, то защищать последнюю есть дело Литвы, а не наше. Таково положение, но фактически мы оказываем Литве дипломатическое содействие, и такую дипломатическую помощь будем оказывать и впредь. Надо требовать у Литвы формальную ноту о Ластовском. В таком случае мы могли бы заявить, что наше обязательство прелиминариев мы не рассматриваем как дезинтересацию с нашей стороны в литовско-польских делах» [7. Ф. 151. Оп. 3. Д. 2111. Л. 13].

В конце февраля 1921 г. через литовское правительство были получены официальные заверения Ластовского о том, что его правительство не претендует на власть на территории БССР. Кроме того, Литва обещала признать Советскую Белоруссию как единственное законное представительство белорусского народа.

Таким образом, белорусский вопрос не был ключевым для советской дипломатии. Ее отношение к этой проблеме в 1920 г. зависело от ряда причин: ситуации на фронтах, взаимоотношений с Литвой и Польшей, в которых белорусские территории то служили театром военных действий, то являлись предметом переговоров. Поскольку влияние белорусского национального движения, как на настроения населения края, так и на боевые действия на Западном фронте было минимальным, то и значение этого фактора учитывалось в весьма слабой степени. Тем не менее, игнорировать его советские дипломаты не могли как по идеологическим, так и внешнеполитическим (попытки Польши создать буферные государства на территории бывших западных окраин Российской империи, что угрожало интересам Советской России и потому требовало пристального внимания к возможным партнерам Польши по таким проектам) соображениям. Территориальный спор Советской России с Польшей был разрешен военным путем. Мир, заключенный по итогам войны с Польшей 18 марта 1921 г., носил сугубо компромиссный характер. Для белорусского национального движения это означало как потери, так и приобретения. С одной стороны, впервые была официально признана белорусская государственность. Однако ее форма – советская республика в тесном союзе с Советской Россией – и значительные территориальные потери означали для белорусских националистов провал их политических планов. Кроме того, этот договор в полной мере не удовлетворил ни одну из договаривавшихся сторон, сохранив в их политическом арсенале взаимные обвинения в несправедливости, прежде всего с точки зрения местного населения, территориальных постановлений Рижского мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Михутина И.В.* К вопросу о провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссии // Славяноведение. 2008. № 4.
2. *Рудовіч С.* Час выбару. Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мінск, 2000.
3. *Турук Ф.* Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921.

4. *Ціхаміраў А.В.* Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003.
5. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Гомель, 1993. Ч. 2. У истоков политического противостояния. Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь.
6. Российский государственный архив социально-политической истории.
7. Архив внешней политики Российской Федерации.
8. *Навицкас К.* Литва и Антанта (1918–1920). Вильнюс, 1970.
9. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 135. Оп. 474. Д. 42.
10. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 325. Оп. 1. Д. 97.
11. Sylwester Wojewódzki przed sądem marszałkowskim. Warszawa, 1997.
12. *Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І.* На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). Мінск, 1999.
13. *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994.
14. *Лазько Р.Р., Кротаў А.М., Мязга М.М.* Беларусь у еўрапейскай палітыцы, 1918–1925 гг. Нарысы. Гомель, 2003.
15. Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3.

© 2012 г. Н.Н. СТАНКОВ

«СТО ДНЕЙ» КАНЦЛЕРСТВА Г. ШТРЕЗЕМАНА И ЧЕХОСЛОВАКИЯ

(13 августа – 30 ноября 1923 года)

В статье на основе архивных и опубликованных документов рассматривается реакция Чехословакии на политический кризис в Германии в 1923 г. Анализируются изменения в германо-чехословацких отношениях, которые произошли в период канцлерства Г. Штреземана.

Basing on the archival, as well as published documents, the author of the article shows Czechoslovakia's reaction to the political crisis in Germany in 1923. The article deals with how relations between Germany and Czechoslovakia changed during the rule of German Chancellor Gustav Stresemann.

Ключевые слова: канцлер Г. Штреземан, германо-чехословацкие отношения, судетские немцы, «пассивное сопротивление», Германия.

14 августа 1923 г. пражские газеты на все лады комментировали главное событие последних дней – смену правительства в Германии. 12 августа кабинет В. Куно ушел в отставку, и президент Ф. Эберт назначил новым канцлером лидера Немецкой народной партии Густава Штреземана. «Кабинет Куно сброшен, – сообщала “Československa republika”. – Будет ли Штреземана преследовать злосчастная судьба германских политиков последних лет?» «Ближайшее будущее покажет, каков Штреземан в качестве государственного деятеля», – писала в передовице «Česke slovo». «Без оздоровления парламентаризма, без укрепления демократических и республиканских принципов, без осознания Германией вины и лояльного исполнения обязательств, вытекающих из мирного договора, не будет конца кризису, и окончательная катастрофа была бы в этом случае только вопросом времени [...] Если Штреземан не пойдет по этому пути, его ждет судьба Куно, а Германии будет еще хуже», – настаивала нового канцлера «Československa republika». «Narodní listy» советовали Штреземану избегать ошибок, допущенных прежними германскими правительствами, и все силы посвятить восстановлению внутреннего порядка [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 15–16].

В правящих кругах Чехословацкой республики известие о падении кабинета В. Куно никого не удивило. Чехословацкое посольство в Берлине неоднократно сообщало, что политика «пассивного сопротивления», которую проводило правительство Куно после франко-бельгийской оккупации Рурской области в январе 1923 г., завела страну в тупик. Веймарская республика оказалась на грани политического и экономического краха с непредсказуемыми социальными последствиями [2. E. Beneš. Odd. I. Kr. 189. Sign. R 327/4 b. S. 299–301]. 10 августа 1923 г.

Станков Николай Николаевич – д-р ист. наук, профессор Волгоградского государственного университета.

в Прагу прибыл чехословацкий посланник в Берлине В. Тусар, чтобы информировать руководство своей страны об ухудшившейся день ото дня ситуации в Германии [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 15]. Через несколько дней после отъезда Тусара поверенный в делах ЧСР в Берлине Ф. Гавличек писал в МИД, что «Германия находилась накануне восстания». Стремительное падение марки, усиление сепаратизма в отдельных землях, нарастание социальной напряженности окончательно подорвали доверие к кабинету Куно. Националистические круги были разочарованы результатами политики «пассивного сопротивления», германские нацисты считали ее недостаточной и призывали к активному сопротивлению. Гавличек писал, что в последнее время усиливается агитация, а волнения среди населения достигли такого накала, что в Берлине открыто говорят о предстоящей гражданской войне, столкновениях между правыми и левыми радикалами, причем обе стороны стремились к установлению диктатуры. Гавличек обращал внимание адресатов на то, что в этом были заинтересованы даже круги совершенно чуждые радикализму. Такие настроения он объяснял слабостью правительства Куно и нерешительностью парламента [3. С. 77].

Сообщая в Прагу о создании правительства Штреземана Гавличек цитировал слова нового канцлера о том, что «его кабинет создан на широкой парламентской основе, намного более широкой, чем какой-либо другой кабинет за все время существования Германской республики» [3. С. 89]. В состав правительства «большой коалиции» вошли представители Немецкой народной партии, Социал-демократической партии Германии (СДПГ), Центра и Немецкой демократической партии. Штреземан совместил посты канцлера и министра иностранных дел. Гавличек отмечал, что новый канцлер – опытный парламентский и хозяйственный деятель. В Немецкой народной партии его политика характеризовалась как «уравновешивающая» между левыми и правыми. В партии Штреземану приходилось постоянно отстаивать свою линию, отражая нападки противников, в частности, крупного углепромышленника Г. Стиннеса, находившегося на правом фланге партии. В сообщении в Прагу Гавличек подчеркивал, что одно из важнейших ведомств – министерство финансов в новом правительстве возглавил видный социал-демократический политик и публицист, крупный ученый-экономист Р. Гильфердинг. «В целом, безусловно, правительство Штреземана пользуется намного большим авторитетом и доверием, чем предшествующее правительство», – писал Гавличек. Он указывал на гибкость программы нового кабинета, отмечал положительные черты уже в первых его шагах [3. С. 81, 82]. Анализируя выступление Штреземана 24 августа 1923 г. по репарационному вопросу, Гавличек подчеркивал, что новый канцлер несколько раз указывал на необходимость взаимопонимания, что явно свидетельствовало о его готовности к переговорам со странами-победителями в Первой мировой войне. Правда, позиция Германии в вопросе репараций была гораздо ближе к британской, чем к французской, и «если бы дело дошло до соглашения между Англией и Францией, – писал Гавличек, – то германо-французское соглашение последовало бы автоматически» [3. С. 82].

20 августа 1923 г. Штреземан принял руководителей иностранных дипломатических представительств в Берлине. В связи с этим Гавличек отмечал, что канцлер не ограничился только протокольными формальностями и достаточно долго беседовал с каждым дипломатом. Гавличека, представлявшего чехословацкое посольство, Штреземан принял подчеркнуто любезно и просил передать посланнику В. Тусару, что он надеется на укрепление их личных отношений в будущем и что они вместе будут с успехом работать над сохранением и углублением добрососедских отношений между двумя странами [3. С. 80].

Г. Штреземан намерен был предпринять энергичные действия, чтобы вывести страну из кризиса. В области внешней политики предстояло решить две главные задачи: во-первых, урегулировать вопрос о репарациях, наложенных на Германию

Версальским договором; во-вторых, преодолеть политическую и экономическую изоляцию [4. S. 281. Dok. 112; 5. S. 75–79. Dok. 18]. К тому моменту Германия осталась почти без союзников. Новый канцлер положительно отнесся к инициативе СДПГ и Германского общества мира, обратившихся к правительству с предложением поставить вопрос о принятии Веймарской республики в Лигу Наций. На Вильгельмштрассе этот вопрос был всесторонне рассмотрен и по дипломатическим каналам предпринят зондаж, чтобы выяснить отношение к этой идее Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и других государств [4. S. 223–226. Dok. 86; 5. S. 76–77. Dok. 18]. Реакцию Парижа на просьбу Германии о принятии в Лигу Наций, Берлин пытался выяснить через посредничество Чехословакии. Французский посланник в Праге Ф. Куже передал отрицательный ответ своей страны, ссылаясь на то, что Германия уклоняется от выполнения обязательств по Версальскому договору. Но, несмотря на такой ответ из Парижа, министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш считал, что Берлин после урегулирования с Францией вопроса о репарациях вправе заявить о своем стремлении вступить в Лигу Наций, деятельность которой, по его словам, в будущем без членства Германии «не будет иметь практического значения» [4. S. 296–297. Dok. 118].

Таким образом, с самого начала деятельности в качестве канцлера Штреземан столкнулся с необходимостью урегулировать отношения с Францией, чему препятствовал рурский кризис. «В первые недели пребывания у власти правительства Штреземана казалось, что новому правительству для решения рурского конфликта недостает энергии, личного мужества, политических и дипломатических способностей», – писал Гавличек в Прагу. Но в начале сентября, отмечал он, Штреземан решился на конкретные действия [3. С. 87]. Гавличек имел в виду заявление Штреземана 2 сентября в Штутгарте о готовности Германии идти на соглашение с Францией [6. S. 100–101] и его переговоры с французским послом де Маржери и руководителем постоянной делегации Репарационной комиссии в Берлине Ф. Агененом. Тем самым Штреземан, отмечал Гавличек, выполнил одно из первоочередных требований французского премьер-министра Р. Пуанкаре – «установление прямых контактов Германии с Францией» [3. С. 87]. Шаг Штреземана чехословацкий дипломат рассматривал как «акт большой политической важности», знаменовавший фиаско политики Германии, которую она проводила после оккупации Рура [3. С. 87]. Однако французское правительство отклонило предложение Штреземана по урегулированию рурского конфликта, поставив предварительным условием переговоров отказ от «пассивного сопротивления» [3. С. 90].

Столкнувшись с непреклонностью Пуанкаре, германское правительство вынуждено было пойти на уступки и прекратить «пассивное сопротивление». Собственно, с конца августа 1923 г. Берлин был неспособен его финансировать. Денежная система страны была разрушена. Инфляция достигла фантастических размеров: 30 августа курс доллара составлял 11 млрд рейхсмарок [5. S. 155. Dok. 33. Anm. 1]. Как отмечал Гавличек, германское правительство осознавало, что без прекращения «пассивного сопротивления», невозможно улучшение экономического положения страны [3. С. 89, 92]. Но Штреземан опасался возможного обострения внутривнутриполитической борьбы и роста сепаратизма в Германии. Поэтому заявлению о прекращении «пассивного сопротивления» предшествовали встречи канцлера с представителями всех политических партий из оккупированных областей, с министрами земель, руководителями партийных фракций рейхстага [6. S. 133–135]. 26 сентября 1923 г. было объявлено о прекращении «пассивного сопротивления» и введении в Германии чрезвычайного положения согласно ст. 48 Веймарской конституции (см. [7. S. 348–349]).

Как и предполагал Штреземан отмена «пассивного сопротивления» была встречена резкой критикой право- и левозкстремистских сил, объявивших решение правительства национальной изменой. Возникла реальная угроза единству

государства. В разных частях Германии активизировались сепаратисты. Разногласия в правящей коалиции привели 3 октября к отставке кабинета Г. Штреземана. 6 октября он сформировал новое правительство (см. [6. S. 139–144]).

Чехословакия положительно отнеслась к отказу Германии от политики «пассивного сопротивления». Близкая к чехословацкому МИДу «Prager Presse» 27 сентября 1923 г. расценила это событие как начало постепенной ликвидации рурского кризиса, подчеркивая, что окончательное урегулирование экономических и политических отношений в Германии имело бы благоприятные последствия для всей Европы, и в особенности для центральной ее части [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 246–247]. В тот же день в вечернем выпуске «Prager Presse» подчеркивала необходимость для Германии начать непосредственные переговоры с Францией. Характерно, что газета, уделяя большое внимание событиям в Германии, по наблюдениям советских дипломатов, избегала прогнозов и обобщающих оценок, умалчивала об отношении ЧСР к происходившим событиям [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 248]. Чехословакия опасалась быть втянутой в германские дела. 24 сентября 1923 г., за два дня до заявления Германии о прекращении «пассивного сопротивления», Э. Бенеш писал из Женевы, где он в то время участвовал в работе Совета Лиги Наций, президенту Т.Г. Масарику и председателю правительства А. Швегле о предстоящей капитуляции Германии, за которой, как он предполагал, последует революция. Как сообщал чехословацкий министр, в Баварии ожидалась «монархическая революция», а в Саксонии – большевистская. Сам Бенеш не был уверен, что события будут развиваться именно таким образом, но, писал он, французы убеждены, что революция в Германии неминуема. Он также отмечал, что среди западноевропейских политиков распространено мнение, что южная Германия отделится и что начнется гражданская война, масштабы которой трудно предсказать. Бенеш информировал Масарика и Швеглу, что баварские монархисты из окружения кронпринца баварского Рупрехта выясняли у него, как отнесется ЧСР к перевороту в Баварии, сохранит ли она нейтралитет. Он также сообщал, что положение дел в Германии он обсудил в Женеве с представителями Великобритании, Франции, Югославии и Польши. Бенеш выражал опасение, что в случае революции в Германии вспыхнет восстание в Верхней Силезии, что возможно проникновение повстанцев на польскую территорию и осложнения в Гданьске. Бенеш опасался, что этим воспользуется СССР и поддержит революционные выступления в Польше. Правительство же ЧСР должно принять все меры, чтобы сохранить в стране спокойствие, не участвовать ни в каких интервенциях, предупредить вовлечение в круговорот событий Австрии, Венгрии и радикальных элементов в самой Чехословакии, а также приготовиться к наплыву беженцев из Германии [8. S. 75–76].

В Чехословакии германские события, особенно угроза распада государства, вызвали неоднозначную реакцию. Международный обозреватель газеты «Národní politika» Л. Борский, известный как критик внешнеполитического курса Э. Бенеша, из-за разногласий с которым в свое время он вынужден был оставить дипломатическую службу, 30 сентября писал: «В последние дни ситуация в Германии выглядит так, как если бы не хватало смелости для гражданской войны, и каждая из сторон ждала, чтобы войну начала другая». Он считал, что политическая борьба в Германии – это ее внутреннее дело, но в исходе этой борьбы «заинтересованы все соседи Германии». По его мнению, ни одно из государств – соседей Германии не хотело, во-первых, сохранения ее единства, во-вторых, распространения конфликта на пограничные области, и, в-третьих, установления после распада Веймарской республики в отдельных германских государствах монархических или коммунистических правительств [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 249]. «Národní listy» 2 октября писали в передовице: «События, развертывающиеся в Германии, начиная с капитуляции берлинского правительства в Руре, определяются столькими

факторами, что невозможно предсказать ход событий. Монархисты в Баварии и коммунисты в Саксонии являются не единственной опасностью, угрожающей единству Германии. В данных условиях очень актуальна опасность отторжения Рейнской области, где почва для этого наиболее подготовлена [...] Для нас было бы политически выгодно, если бы соседнее большое и опасное государство стало жертвой стремлений к разложению, но пока, судя по нынешнему развитию событий, подобные надежды не представляются нам достаточно мотивированными» [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 250–251].

Официальные власти давали более осторожные оценки событиям в Германии. Т.Г. Масарик и Э. Бенеш во время визита во Францию в октябре 1923 г. недвусмысленно дали понять Р. Пуанкаре, что расчленение Германии не отвечает интересам ЧСР, так как оно было бы недолговечным и могло бы явиться импульсом для очень серьезных последствий [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53965. Л. 9, 12]. На пресс-конференции в Лондоне 23 октября 1923 г. президент Масарик на вопрос британских журналистов, какое влияние распад Веймарской республики оказал бы на Чехословакию, ответил, что нужно быть начеку и готовым ко всяким неожиданностям, но выразил при этом надежду, что Германия избежит полного распада и сможет мирным путем урегулировать свои проблемы [2. TGM R. Zahraniční zájezdy. Kr. 496. V Anglii [1923] (Rozhovor s anglickými novináři. 23. října 1923)].

Статс-секретарь МИДа Германии А. Мальцан также считал, что ЧСР заинтересована в урегулировании внутригерманских проблем. Чехословакия непосредственно граничила с Саксонией и Баварией, т.е. с теми землями, где были самые сильные волнения [4. S. 585. Dok. 227]. В Саксонии с марта 1923 г. действовало социал-демократическое правительство Э. Цайгнера, которое по замыслу ЦК Коммунистической партии Германии (КПГ) и Коминтерна должно было включить коммунистов и стать базой для рабоче-крестьянского правительства Германии. Саксонию предполагалось сделать центром революционных сил, вооружить рабочих и распространить революцию на всю страну [9. С. 127]. В августе 1923 г. ЦК КПГ взял курс на подготовку вооруженного восстания. В конце месяца при ЦК КПГ был создан военный совет во главе с руководителем «пролетарских сотен» в Саксонии Э. Шнеллером. Совет разработал план военно-организационной подготовки восстания. В различных районах Саксонии проводились тактические учения «пролетарских сотен». В этих учениях принимали участие и рабочие из ЧСР [10. С. 60]. КПГ и Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ) поддерживали тесные связи [11. Ф. 495. Оп. 18. Д. 183. Л. 49]. Пограничные области ЧСР часто посещали коммунистические агитаторы из Германии. Они выступали на собраниях и митингах местных организаций КПЧ. Последняя в свою очередь усилила агитацию в поддержку германской революции. На некоторых собраниях, как писала газета «Narodní listy», прямо указывалось, что «коммунистический германский фронт должен быть распространен на ЧСР». Перед коммунистами ЧСР ставилась задача в решающий момент воспрепятствовать вмешательству чехословацкого правительства в германские события и помогать германской революции «повышением и обострением своей борьбы» [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 18].

Неизвестно, как бы дальше развивались события в ЧСР, если бы успех сопутствовал германским коммунистам. Но «октябрьская революция» в Германии не состоялась. По приказу президента Веймарской республики Ф. Эберта подразделения рейхсвера 21 октября 1923 г. вступили в Саксонию, а 2 ноября – в Тюрингию. Социалистические правительства Саксонии и Тюрингии были распущены, вооруженное восстание под руководством КПГ в Гамбурге 22–25 октября 1923 г. было подавлено. Тем не менее, КПЧ, используя лозунг поддержки уже потерпевшей поражение германской революции, стремилась не допустить спада рабочего движения в Чехословакии [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 154].

Правительство ЧСР в течение осенних месяцев с напряжением следило за деятельностью коммунистов в Германии. Оно опасалось, что Советский Союз не ограничится ролью пассивного наблюдателя и в той или иной форме поддержит германскую революцию. Близкая к чехословацкому министерству иностранных дел газета «Prager Presse» 13 ноября писала: «В России компартия широко агитирует и подчеркивает возможность победы германского пролетариата и создания советской Германии. Каждая резолюция упоминает о том, что русский пролетариат готов прийти на помощь немецким товарищам, если иностранцы захотели бы помочь немецкой буржуазии раздавить немецкий пролетариат» [12. 13. November 1923].

С еще большим напряжением в Праге следили за развитием событий в Баварии, которая была оплотом монархических и националистических организаций. Как сообщали чехословацкие дипломаты из Германии, в Баварии давно существовала угроза путча. Однако ее осуществлению препятствовали разногласия между различными группировками монархистов (сторонниками Гогенцоллернов и баварской династии Виттельсбахов), между баварскими сепаратистами во главе с генеральным комиссаром Г. Каром и «великогерманцами» А. Гитлером и Э. Людендорфом [3. С. 99]. По сведениям чехословацкого посольства в Германии, в сентябре 1923 г. сторонники Виттельсбахов и Гогенцоллернов будто бы достигли соглашения о совместных действиях, и в Баварии открыто заговорили о вооруженном сопротивлении политике Берлина [3. С. 92].

Советник посольства ЧСР в Берлине Ф. Гавличек считал, что для Чехословакии баварский сепаратизм прямой угрозы не представляет. 24 сентября 1923 г. он писал в Прагу, что в Берлине не исключают возможности отделения Баварии, но речь могла идти только об отделении ее южной части. Северную Баварию, где сепаратистская политика Мюнхена не встречала широкой поддержки, германское правительство надеялось удержать и использовать для изоляции сепаратистского юга. В Берлине считали, что южная Бавария как самостоятельное государство долго не продержится. Гавличек полагал, что в случае отделения Баварии Чехословакии не стоило опасаться с ее стороны каких-либо провокаций, особенно военного характера, поскольку Мюнхен зависел от поставок угля из Чехословакии и был бы заинтересован в сохранении добрососедских отношений. Однако, несмотря на это, советник посольства рекомендовал подготовиться к превентивным полицейским мероприятиям вдоль всей границы, проявив при этом осторожность, чтобы не вызвать волнений судетских немцев в пограничных областях ЧСР [3. С. 92].

Большую опасность для Чехословакии представляла деятельность базировавшаяся в Баварии Немецкой национал-социалистической рабочей партии А. Гитлера, которая резко критиковала правительство Г. Штреземана за прекращение сопротивления в Руре, обвиняя его в национальном предательстве, требовала разрыва отношений с Францией. Нацисты организовывали в Баварии бурные выступления, вели спешные приготовления к «национальной революции». К тому же они не собирались ограничиваться пределами Баварии и вступили в переговоры с национал-социалистическими организациями в других землях в Германии [3. С. 99]. Как отмечал в донесении в Прагу Гавличек, целью Гитлера было свержение правительства Веймарской республики. Для этого капитан Эрхардт сосредоточил на северной границе Баварии многочисленные военизированные группировки, которые по приказу Гитлера и Людендорфа готовы были двинуться на Берлин [3. С. 112].

Наряду с приготовлениями в Германии нацисты активизировали деятельность за границей. Гитлер пытался мобилизовать в свою поддержку нацистское движение в Австрии и судетских немцев в ЧСР. В 1923 г. заметно оживились контакты германских и судето-немецких нацистов. Баварию часто посещали функционеры Немецкой национал-социалистической рабочей партии из ЧСР, а нацистские аги-

таторы из Германии совершали пропагандистские турне по Чехословакии. Проводились совместные сборища нацистской молодежи. Национал-социалистическая рабочая партия судетских немцев выражала солидарность с действиями гитлеровцев в Мюнхене, и некоторые из их приверженцев, например группа немецких студентов из Хеба, приняли непосредственное участие в путче 9 ноября [13. S. 281–282; 14. S. 140–141].

Чехословацкое правительство приняло меры, чтобы нарушить связи Гитлера с судето-немецкими нацистами и ограничить влияние баварских событий на немецкое население северо-западных областей: оно запретило ввоз нацистской газеты «Völkischer Beobachter», конфисковало средства гитлеровского «Фонда борьбы», которые предназначались для поддержки местной национал-социалистической рабочей партии [4. S. 585. Dok. 227].

Чехословацкое посольство в Германии в отчетах в Прагу уделяло большое внимание мюнхенскому путчу 8–9 ноября. Ссылаясь на информацию, циркулировавшую в берлинских политических кругах, особо отмечалась роль Г. Штреземана в ликвидации путча. Когда в ночь с 8 на 9 ноября Г. Штреземану сообщили о начале нацистского переворота и присоединении к путчистам генерального комиссара Баварии Г. Кара и командующего баварским рейхсвером генерала О. фон Лоссова, канцлер немедленно позвонил мюнхенскому архиепископу кардиналу Фаульхаберу, имевшему большое влияние на кронпринца Рупрехта, и самому кронпринцу. Благодаря вмешательству Штреземана Рупрехт и Фаульхабер до утра 9 ноября убедили Кара и Лоссова, что путч не отвечает интересам баварской династии и побудили их выступить против Гитлера и Людендорфа. Поэтому 9 ноября нацисты встретили мощный отпор [3. С. 109, 112].

В отличие от Польши, где сообщения о путче Гитлера – Людендорфа 9 ноября 1923 г. вызвали переполох, в политических кругах Чехословакии известия о событиях в Мюнхене были встречены спокойно. Даже газета Чехословацкой национально-демократической партии «Národní listy», крайне недоброжелательно настроенная по отношению к Германии, отмечала быструю ликвидацию нацистского путча и выражала надежду, что «путч Гитлера и Людендорфа был последним выступлением непримиримых» [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 129].

В большей мере в Чехословакии были обеспокоены тем, что деятельность германских нацистов может активизировать националистические и монархические движения в Австрии и, особенно в соседней Венгрии, где осенью 1923 г. усилилась деятельность правоэкстремистских организаций, проповедовавших шовинизм и реваншизм и остро критиковавших внешнеполитические действия правительства И. Бетлена, который вступил в переговоры с Чехословакией и другими странами Малой Антанты. Деятельность правых радикалов в Венгрии (Д. Гёмбёша, И. Фридриха, «Союза пробуждающихся мадьяр» и других) в октябре 1923 г. приобрела такой размах, что Прага не исключала возможности там государственного переворота [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 255–256]. Поэтому неслучайно сообщение о раскрытии в Венгрии заговора, во главе которого стоял один из лидеров «Союза пробуждающихся мадьяр» Ф. Улайн, вызвало в Чехословакии острую реакцию. Газета «Venkov» 13 ноября писала, что у Улайна среди изъятых документов был обнаружен договор с гитлеровцами [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 131–132]. В действительности договор еще не был подписан. Его содержание было согласовано с эмиссарами Гитлера, а подписать договор Ф. Улайн намеревался с Гитлером и Людендорфом в Мюнхене, куда он отправился 7 ноября 1923 г. Но при пересечении венгерско-австрийской границы Улайн арестовали, и при обыске у него был обнаружен проект договора [15. S. 447. Dok. 151; 16. S. 168]. Ст. 1 этого документа гласила: «На основе полного единства интересов и планов обеих договаривающихся сторон устанавливается теснейшее сотрудничество во всех областях и на всякий случай». В ст. 5 гово-

рилось, что германская сторона признает «Венгерское государство в границах, имевших место до июля 1914 года» и допускает также возможность изменения границ, если они не противоречили интересам другой стороны. В соответствии со ст. 6 обе стороны обязывались помогать друг другу в достижении своих целей. Ст. 8 содержала обязательство германской стороны направить в Венгрию «специально обученных солдат, которые будут использованы во время венгерских выступлений», запланированных на конец ноября 1923 г. [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 131–132].

Резкую реакцию в ЧСР вызвало возвращение в Германию кронпринца Вильгельма Гогенцоллерна. Его возвращение 9 ноября 1923 г. в годовщину германской революции и во время путча Гитлера – Людендорфа в Баварии рассматривалось в Чехословакии как неслучайное и опасное совпадение. Гавличек подчеркивал, что кронпринц приехал в Германию по инициативе Г. Штреземана, который поддерживал с ним тесные отношения. Штреземан давно обещал Вильгельму, что после прихода к власти он позволит ему вернуться на родину. Канцлер убедил свой кабинет в том, что возвращение кронпринца не противоречит Версальскому договору. При этом, отмечал Гавличек, Штреземан не принимал во внимание, как к этому событию отнесутся за границей [3. С. 112]. Руководство ЧСР рассматривало возвращение Гогенцоллерна как опасный симптом. В беседе с германским посланником В. Кохом Э. Бенеш подчеркнул, что для Чехословакии кронпринц Вильгельм являлся представителем той системы, восстановление которой Прага не могла допустить [17. S. 18. Dok. 9. Anm. 1]. В выступлении в бюджетной комиссии Национального собрания ЧСР 14 ноября 1923 г. Бенеш заявил, что, если путч Гитлера является внутренним делом Германии, то возвращение Гогенцоллернов не может считаться таковым, также как и Габсбургский вопрос не был и не является внутренним делом Венгрии и Австрии. На вопрос об участии в возможных санкциях Франции против Германии Бенеш ответил, что в настоящее время речь не идет о военных мероприятиях, но Чехословакия должна ясно заявить о своей позиции [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 112]. Когда германский посланник Кох сообщил в Берлин о заявлении Э. Бенеша, статс-секретарь А. Мальцан 17 ноября 1923 г. ответил, что рейхсминистерство иностранных дел не разделяет точку зрения чехословацкого министра: возвращение кронпринца нельзя рассматривать как событие международного значения, поскольку он отрекся от своих прав на престол [17. S. 18. Dok. 9. Anm. 1]. Канцлер Штреземан в свою очередь заявил, что кронпринц может находиться в Германии как ее гражданин, и что он обязался не заниматься никакой политической деятельностью [3. С. 112]. Бенеша такой ответ удовлетворить не мог. Он заявил В. Коху, что «германское правительство явно недооценивает международное значение возвращения кронпринца, особенно для деятельности монархистов в Венгрии и Австрии». «Там уже обсуждается возвращение эрцгерцога Отто (Габсбурга. – *Н.С.*)», – подчеркнул чехословацкий министр. Разрешив кронпринцу остаться в Германии, Антанта не смогла бы противиться развитию событий в Венгрии. Поэтому Вильгельм, учитывая обстоятельства, должен был покинуть Германию. Бенеш недвусмысленно дал понять, что если этого не произойдет, то не исключено участие ЧСР в санкциях Франции против Германии: «Во время путча Карла (в 1921 г. – *Н.С.*) Антанта, в том числе и Франция, оказали поддержку Чехословакии. Политические приличия требуют, чтобы теперь она поддержала их против Гогенцоллернов» [17. S. 18. Dok. 9]. 22 ноября 1923 г., выступая в парламентской комиссии по иностранным делам, он вновь заявил, что возвращение кронпринца – не внутреннее дело Германии, а – «международный вопрос крупного политического значения», который непосредственно затрагивает интересы соседней Чехословакии. «Для нас речь идет о том, чтобы ни в коем случае в будущем не было сомнений в нашем стремлении воспрепятствовать тяжким конфликтам, если бы в Германии возникли более

благоприятные условия для подобных монархических попыток Гогенцоллернов», – сказал Э. Бенеш [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53965. Л. 152–153].

Это выступление Бенеша Берлин не оставил без ответа. Газета Штреземана «Die Zeit» расценила его как вмешательство во внутренние дела Германии, так как возвращение кронпринца является внутренним делом Германии, и ЧСР не вправе вмешиваться. Ссылка же на соседство – просто нелепость. «Подобным образом Германия могла бы противиться политике своего соседа, который, угнетая меньшинства, вносит постоянно известную натянутость в чешско-германские отношения. Но Бенеш идет еще дальше, – подчеркивала газета. – Он даже заявляет, что должен будет в будущем вмешаться, если в Германии возникнет более благоприятная почва для Гогенцоллернов» [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53965. Л. 195]. Статья не могла оказаться незамеченной чехословацкими дипломатами: было известно, что газету «Die Zeit» Штреземан приобрел, как только стал рейхсканцлером. Все материалы по вопросам внешней политики и международных отношений писал и редактировал либо Штреземан лично, либо его секретарь Г. Бернгард [18. С. 247]. К тому же впервые со времени создания Веймарской республики германская печать, за которой стояло высокое официальное лицо, столь открыто обвиняла чехословацкое руководство в угнетении судетских немцев. Причем на Прагу возлагалась ответственность за «известную натянутость» в чехословацко-германских отношениях.

Чехословакия была озабочена общей политической ситуацией в Веймарской республике. Введение чрезвычайного положения и передача командующему рейхсвера генералу Г. Секту исполнительной власти в стране чехословацкое посольство в Берлине расценивало как «диктаторские меры», как проявление «хронической слабости германской парламентской демократии» [3. С. 109]. Ходили слухи, будто рейхстаг будет распущен и Штреземан создаст «директорию» [3. С. 112]. Гавличек отмечал, что все институты власти Веймарской республики утратили свой авторитет. Правительство Г. Штреземана, после того как в начале ноября 1923 г. его покинули министры социал-демократы, переживало перманентный кризис, который завершился его отставкой. Споры о назначении нового канцлера показали, что президент Ф. Эберт не имел большого влияния на ход событий. Его предложение о назначении канцлером Г. Альберта отвергли все политические партии. В итоге 30 ноября канцлером был назначен лидер партии Центра В. Маркс – по отзывам чехословацких дипломатов «посредственный филистер». В новом кабинете Штреземан сохранил за собой пост министра иностранных дел. Именно он, писал Гавличек в Прагу, как «наиболее энергичный и наиболее интеллектуальный из всех министров» и будет направлять политику кабинета [3. С. 109]. Чехословацкая дипломатия была обеспокоена тем, что кабинет склонился вправо, что вице-канцлером и министром внутренних дел был назначен бывший обер-бургомистр Дуйсбурга К. Яррес, который хотя и состоял в партии Штреземана, но по убеждениям, как отмечал Гавличек, был близок к националистам. Министр юстиции Э. Эммингер (Баварская народная партия) и министр сельского хозяйства граф Г. фон Канитц (Немецкая народная партия) были монархистами. Взгляды самого Штреземана, как отмечали чехословацкие дипломаты в Берлине, за время его пребывания в кресле канцлера явно эволюционировали вправо [3. С. 112].

Таким образом, время канцлерства Г. Штреземана стало переломным в германо-чехословацких отношениях. Впервые со времени создания Веймарской республики ее правящие круги использовали судето-немецкий вопрос в качестве рычага давления на ЧСР. В последующие годы Берлин все чаще прибегал к этому приему. Кроме этого, Прага была обеспокоена тем, что за время канцлерства Штреземана вектор политической жизни в Германии значительно сместился вправо, свидетельством чему были выход из состава кабинета социал-демократов и заигрывание канцлера с националистами и монархистами. Последнее со всей

очевидностью проявилось в ходе возвращения в Германию бывшего кронпринца Вильгельма Гогенцоллерна, приведшее к обострению германо-чехословацких отношений. Прагу «очень тревожат перспективы грядущих событий в Германии», – писал за день до отставки правительства Штреземана советский полпред в Чехословакии К.К. Юренев [1. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53956. Л. 130].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской Федерации.
2. Archiv Ústavu T.G. Masaryka. Praha.
3. Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1923.
4. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Göttingen, 1990. Bd. 8.
5. Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Die Kabinette Stresemann I und II. 13. August bis 6. Oktober 1923. 6. Oktober bis 30. November 1923. Boppard am Rhein, 1978. Bd. 1.
6. *Stresemann G.* Vermächtnis. Berlin, 1932. Bd.1.
7. *Eyck E.* Geschichte der Weimarer Republik. 5., unveränderte Aufl. Erlenbach; Zürich; Stuttgart, 1973. Bd. 1.
8. Edvard Beneš (diplomata na cestách). Depeše z padesáti zahraničních cest ministra Beneše 1919–1928. Praha, 2000.
9. *Бабиченко Л.Г.* Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 2.
10. *Давидович Д.С.* Гамбург на баррикадах. М., 1985.
11. Российский государственный архив социально-политической истории.
12. Prager Presse.
13. *César J., Černý B.* Politika německých buržoazních stran v Československu v letech 1918–1938. Praha, 1962. D. 1.
14. *Krebs H.* Kampf in Böhmen. Berlin, 1937.
15. Der Hitler-Putsch. Bayerische Dokumente zum 8./9. November 1923. Stuttgart, 1962.
16. *Schubert G.* Anfänge nationalsozialistischer Außenpolitik. Köln, 1963.
17. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Göttingen, 1991. Bd. 9.
18. *Турок В.М.* Локарно. М.; Л., 1949.

© 2012 г. М.С. ПАВЛОВА

ПРОБЛЕМА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ НЕМАНА В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1923–1926 ГОДАХ

В статье рассматривается проблема интернационализации Немана и ее роль в системе международных отношений в Восточной Европе. Закрытая для транзита в результате польско-литовского конфликта река стала инструментом дипломатической борьбы Москвы и Варшавы. Особое внимание в статье уделено интересам великих держав в конфликте на Немане.

The article analyzes the problem of internationalization of the Neman river and its role in the system of international relations in the Eastern Europe. The river, closed due to the Polish-Lithuanian conflict, became a tool of diplomatic struggle between Moscow and Warsaw. A particular attention in the article is paid to the interests of great powers in the conflict on the Neman.

Ключевые слова: международные отношения, польско-литовский конфликт, Неман, интернационализация, транзит.

Судьба Немана – важнейшей транспортной артерии Восточной Европы – в межвоенный период оказалась тесно связана с политическими событиями в этом регионе. Авторы статьи во французском дипломатическом словаре 1946 г. издания определяют Неман как «русскую реку» (*fleuve russe*) – действительно, с конца XVIII в. и до Первой мировой войны Неман находился почти полностью в границах Российской империи и, в отличие от великих европейских рек, таких как Рейн или Одер, до XX в. не имел политического значения и не служил границей между странами [1. С. 542]. После окончания Первой мировой войны река оказалась разделена между тремя вновь возникшими государствами: Советской Белоруссией, Польшей и Литвой. Для Польши и Литвы, на протяжении межвоенного двадцатилетия так и не разрешивших свои территориальные конфликты, Неман стал не только закрытой границей, но и символом отсутствия дипломатических отношений.

Вопрос о польско-литовском разграничении находился в поле зрения Лиги Наций с 1920 г., но так и не был разрешен. После захвата исторической столицы Литвы Вильно с прилегающей областью осенью 1920 г. польскими войсками основной целью Варшавы стало снятие виленского вопроса с обсуждения на международной арене и получение от Ковно согласия примириться с фактом потери этой территории и установить минимальный объем межгосударственных отношений. В Варшаве будущее польско-литовского соседства в этот период оценивали преимущественно оптимистично. Надежды на улучшение отношений по линии Варшава – Ковно связывались польскими политиками, дипломатами и военными

Павлова Мария Сергеевна – аспирантка исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

прежде всего с действиями Антанты. В ноябрьском 1920 г. информационном реферате Главного штаба польской разведки подчеркивалось, что давление со стороны великих держав раньше или позже заставит Ковно пойти на компромисс, однако польский историк Т. Гайовник справедливо подчеркивает, что эта широко распространенная среди польских политиков идея относилась скорее к категории желаемого [2. С. 268]. К концу 1922 г. заметного улучшения отношений не произошло, и польско-литовская граница оставалась закрытой.

Первой эту проблему, весной 1922 г., затронула Москва, решив открыть сплав советского леса из Белоруссии по Неману до Балтики. Следует отметить, что к этому времени свобода судоходства по реке уже была декларирована в ряде основополагающих для Версальской системы документов. Международный характер Немана был установлен еще положениями ст. 14 актов Венского конгресса, подписанном Российской империей, согласно которым Россия открывала свободное плавание по реке для жителей Царства Польского. После Первой мировой войны режим реки регулировался уже Версальским договором. В соответствии со ст. 331 Неман объявлялся международной рекой от устья (т.е. от Мемельского (Клайпедского) края) до Гродно (ст. 331), а ст. 342 кроме того предусматривала создание международной комиссии, наподобие Рейнской, для регулирования судоходства по этой реке. Однако впоследствии ни одно из государств-участников договора не выступило с предложением ее организовать [3. Ч. II. С. 306–307]. Впрочем, идея интернационализации реки после завершения Парижской конференции также не дождалась своего практического воплощения.

Свободное использование Немана как Польшей, так и РСФСР и БССР было зафиксировано и в Рижском мирном договоре 1921 г. Его ст. 22 предусматривала взаимное установление транзита товаров по всем железнодорожным и водным путям, вплоть до заключения отдельного торгового договора [3. Ч. III. С. 103]. Спустя год после ратификации Рижского мира, в начале апреля 1922 г., поверенный в делах РСФСР В.В. Оболенский сообщил министру иностранных дел Польши о намерении советского правительства воспользоваться свободным транзитом по Неману, гарантированным ст. 22 договора. Неман широко использовался Россией для сплава леса до начала войны и был удобен как наиболее экономичный путь к Мемелю – расположенному в устье реки порту и центру лесопромышленной промышленности. Советские дипломаты провели переговоры с представителем польского министерства торговли и промышленности Г. Тенненбаумом и в конце апреля получили согласие на сплав. Министерство заверяло, что считает установление торгового сообщения по Неману «весьма полезным», что в ближайшем времени «сплав через реку Неман явится совершенно свободным и не будет нуждаться ни в каких разрешениях Польского правительства» [4. Ф. 122. Оп. 5. П. 20. Д. 3. Л. 34]. В конце апреля Москва действительно получила согласие Варшавы на пропуск советских грузов через Польшу по Неману, но не через польско-литовскую границу в направлении Мемеля, а через территорию Польши в направлении Данцига. Изменение маршрута было расценено НКВД как лишение советской стороны свободного выбора направления транзита: Москва настаивала на пропуске леса по Неману в направлении Литвы, а ответ Варшавы восприняла как отказ от точного выполнения рижских договоренностей. Тем не менее, из-за угрозы срыва открытия сплава, НКВД согласился на условия Варшавы. К тому же согласно букве мирного договора Польша действительно не была обязана пропускать советский сплав по Неману в сторону Литвы, тем более что транзит через польско-литовскую границу был закрыт и для Польши, а рижские обязательства предусматривали транзит лишь по открытым водным путям [3. Ч. III. С. 103].

Одновременно, с середины 1922 г., можно заметить обострение тона Варшавы по отношению к Литве. Нажим Польши на Ковно облегчался тем обстоятельством, что ее цель полностью совпадала со стремлением великих держав завер-

шить польско-литовский конфликт. В 1922 г. британские дипломаты от имени Антанты обратились к ковенскому правительству с новым территориальным предложением: за отказ Ковно от провозглашения «состояния войны» с Польшей (но без официального отказа от Вильно) Литве было обещано присоединение Малой Литвы (Мемельского/Клайпедского края), признание Литвы *de jure* и щедрое кредитование литовской экономики. Параллельно поступило альтернативное предложение и от французских дипломатов: Париж также обещал признание *de jure* взамен открытия польско-литовской границы и интернационализации Немана [5. Р. 145–156]. О предложениях союзных держав литовскому правительству признать касающиеся Немана постановления Версаля и открыть польско-литовскую границу стало известно Москве. Советское правительство в ноте от 10 августа литовскому министру иностранных дел В. Юргутису протестовало против решения вопроса о режиме Немана без своего участия. Член Коллегии НКВД Я.Х. Давтян подчеркивал заинтересованность Москвы во всех решениях, касающихся Немана: «Всякое изменение актов Венского конгресса не может произойти без ведома и участия Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [...], с другой стороны, прибрежные Неману или его истокам государства, в частности Социалистическая Советская Республика Белоруссия, также должны иметь возможность дать по этому вопросу свой голос» [6. Т. 5. С. 551]. Литовское правительство отреагировало на ноту Давтяна крайне резко. Недовольство Ковно вмешательством Москвы в вопрос открытия Немана нашло выражение в литовской прессе всех направлений, опасавшейся, что советская дипломатия усложнит вопрос и создаст впечатление о согласованности действий Москвы и Ковно [4. Ф. 0151. Оп. 11. П. 11. Д. 2. Л. 79]. Исключить участие Москвы в обсуждении вопроса открытия Немана стремилась и Польша. Варшава, наученная горьким опытом вмешательства Москвы в виленский конфликт с Литвой, настаивала на точной интерпретации Версальского договора. Поскольку верховья Немана на территории от Минска до Гродно были непригодны для навигации, о международном характере вопроса о сплаве по Неману можно было говорить только относительно той части реки, которая лежала ниже Гродно, т.е. на польской и литовской территории, но никоим образом не на белорусской. Вопрос же о сплаве леса из России Варшава предпочитала решать исключительно в двустороннем порядке в соответствии с постановлениями Рижского договора [4. Ф. 56 об. Оп. 9. П. 112. Д. 17. Л. 141].

Предъявленное великими державами требование признания нейтрализации Немана натолкнулось на активное сопротивление со стороны Литвы [4. Ф. 56 об. Оп. 9. П. 112. Д. 17. Л. 141]. В ответ на английские и французские предложения в ноте от 18 ноября 1922 г. на имя Р. Пуанкаре литовский МИД отмечал, что принимает постановления Версаля о Немане, но фактически они вступят в силу только после того, как Польша выполнит свои обязательства по отношению к Литве и освободит Виленский край. Подобное обострение отношений Ковно с великими державами позволяло Польше занять спокойно-выжидательную позицию по отношению к Литве. Действия международной комиссии Лиги Наций, начавшей по настоянию Польши демаркацию польско-литовской границы к западу от спорной территории и ликвидацию нейтральной зоны, отделявшей Литву от Виленщины, свидетельствовало о желании Антанты ликвидировать польско-литовский конфликт и признать свершившиеся факты. Это и произошло 15 марта 1923 г., когда Конференция послов признала временную демаркационную линию в качестве постоянной границы Польши и Литвы. Акт признания восточных границ польского государства окончательно закрыл, с точки зрения великих держав и Польши, виленский вопрос (в том виде, в каком он был разрешен ген. Л. Желиговским осенью 1920 г.). Это решение было встречено резким протестом со стороны ковенского правительства, которое не признало окончательного постановления держав

Антанты и продолжало считать себя в состоянии войны с Польшей, в связи с чем не открывало границы с ней, в том числе и по р. Неман.

Вопрос интернационализации Немана вновь возник в 1923 г. в связи с разрешением другого важнейшего для Литвы территориального вопроса – мемельского (клайпедского). На этот раз успешным для нее. Признание Лигой наций за Литвой Мемельской области стало самым крупным политическим событием для Литвы после потери Вильно в 1920 г. 17 февраля 1923 г. Конференция послов передала теперь уже Клайпеду под власть литовского правительства, а 8 мая 1924 г. в Париже представителями Литвы и Лиги Наций была подписана конвенция (Мемельская конвенция или Мемельский статут), регулировавшая деятельность мемельского порта. В результате нового территориального разграничения устье Немана и Мемельский порт оказались в составе Литвы.

В связи с этими событиями Польша попыталась перенести центр тяжести конфликта с Литвой с виленского вопроса на мемельский, потребовав обеспечения польских прав по пользованию портом и свободе транзита к морю. Очередной задачей Польши в литовской политике с этого момента стало разрешение вопроса о свободном сплаве по Неману.

Проблема интернационализации Немана активно обсуждалась и в ходе подготовки Мемельской конвенции. Согласно ст. 3 приложения 3 к конвенции Литва приняла на себя ряд обязательств. Первый абзац статьи обязывал ее предоставить транзит через свою территорию к мемельскому порту как по сухопутным, так и по водным путям. В третьем абзаце содержалось отдельное обязательство Литвы в отношении транзита по Неману: провозглашалась свобода транзита по реке для обеспечения экономических интересов тех районов – как литовских, так и польских, – для которых Неман был естественным выходом к Балтийскому морю [7. Vol. XXIV. P. 768].

Мемельская конвенция, казалось, могла стать хорошим инструментом для того, чтобы заставить литовское правительство под лозунгом экономических и транзитных интересов «протянуть руку» полякам. Мемельский порт, с момента присоединения этого города к Литве, быстро терял хозяйственное значение, а экономический кризис накрывал край с ужасающей литовских политиков быстротой. Открытие реки для сплава из Советской Белоруссии и Польши было условием развития экономики Мемеля. Тем не менее, ни правившая в Литве партия христианских демократов, ни оппозиция, ни любая другая политическая сила не хотели брать на себя ответственность за открытие польско-литовской границы и заключение договора с Польшей, которые бы означали восстановление дипломатических отношений, а тем самым и признание включения Вильно в состав польского государства.

После присоединения Мемельского края к Литве вопрос открытия Немана стал затрагивать интересы не только прибрежных государств, но и творцов Версальской системы. Далеко не последней державой, заинтересованной в развитии ситуации вокруг Немана, оказалась Великобритания, интерес которой к проблеме не ограничивался только политической плоскостью. Еще при подготовке Мемельской конвенции на протяжении 1923–1924 гг. Форейн Оффис подчеркивал в инструкциях своим представителям в Польше и Прибалтике, что конвенция должна обеспечить британским фирмам, получившим в 1924 г. концессии в Восточной Польше, свободную навигацию по Неману, использование порта, проезд людей и транзит товаров [7. Vol. XXIV]. С 1924 г. едва ли не главной стороной в конфликте на Немане оказались английские лесопромышленники из «International Timber Corporation», которые получили сроком на десять лет концессию на эксплуатацию государственных лесов в Беловежской пуще (Букстане, Слониме) и Гродно, территориально охватывавшую 30 000 гектаров лучшего леса. Это же общество получило лесные концессии в Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии, а также

участвовало совместно с польским акционерным обществом в скупке частной лесной собственности в Микашевичах (в Полесье) [8]. И если Польша для транзита своего леса и товаров из восточных земель могла использовать порт Данцига и была заинтересована в том, чтобы транзит и из английских концессий шел по ее дорогам, а Москва располагала альтернативными транзитными путями через Архангельск и вела переговоры об использовании отремонтированных портов Латвии и Эстонии; то для английских концессионеров свободный сплав по Неману из Польши в Литву был необходим. С 1924 г. Лондон начинал оказывать давление на Ковно в вопросе открытия Немана для транзита из Восточной Польши.

Передовица газеты литовского правительства «Lietuvos Žinios» от 7 марта 1924 г. обращала особое внимание на значимость интернационализации Немана для третьих стран. Не желавшая решительно ангажироваться в польско-литовский конфликт Англия, тем не менее, больше всех была заинтересована в открытии сплава по Неману. «Россия, – писала газета, – также желает, чтобы Литва пропустила польские товары, так как тогда и русские леса будут сплаиваться по Неману» [4. Ф. 0151. Оп. 11. П. 11. Д. 3. Л. 66]. Советские интересы были, однако, не столь однозначны.

До 1924 г. Москва вела с Варшавой переговоры об открытии сплава в рамках Рижского договора. Вновь этот вопрос возник весной 1924 г. в связи с намерением советского лесного треста «Западолес» отправить через Польшу на европейские рынки около 4000 вагонов древесины. Полпредство СССР в Варшаве в ноте от 23 февраля 1924 г. сообщило польскому МИД о готовившемся сплаве и просило его открыть пропускные пункты на Немане и Вилии на польско-литовской границе для пропуска леса из Польши [6. Т. 7. С. 127]. Ответные польские ноты, однако, разрешения на сплав по указанному маршруту не содержали, а польский МИД предлагал в очередной раз пропустить советский транспорт в направлении Данцига и Кенигсберга. В ответ на обвинение Г.В. Чичериным польского правительства в попытке уклониться от исполнения обязательств, принятых по Рижскому договору, польский посол в Москве Л. Даровский в ноте от 3 июня 1924 г. мотивировал отказ тем, что «Неман фактически закрыт для взаимного, а тем самым и для транзитного движения литовскими властями, не пропускающими по Неману продвижения товаров, пересылаемых из Польши», и что «сплав союзного леса» невозможен до тех пор, пока литовское правительство не изменит своего принципиального взгляда на этот вопрос [6. Т. 7. С. 212]. Таким образом, всю ответственность за срыв сплава советского, как и «британского» леса, Варшава возложила на ковенское правительство. Благодаря такой формулировке цели Варшавы, Лондона и Москвы весной 1924 г. парадоксальным образом совпали. Отказ Польши от пропуска «союзного леса» до открытия Литвой границы заставлял и советскую дипломатию добиваться от Ковно открытия польско-литовской границы.

Если Великобритания была напрямую заинтересована в признании Литвой постановлений Конференции послов, ликвидации польско-литовского конфликта и открытии реки, то позиция Москвы в вопросе Немана, как и во всем комплексе польско-литовских споров, не могла не быть антипольской. К 1924 г. у НКВД не оставалось сомнений в том, что польская дипломатия собиралась использовать этот невероятно удачный момент для нормализации отношений со своей строптивой соседкой [4. Ф. 0151. Оп. 11. П. 11. Д. 4/2. Л. 370]. Отказ Литвы от открытия границы с Польшей автоматически означал недоступность Немана для международного использования. Ковно тем самым нарушало важнейшее условие только что ратифицированной великими державами и пролоббированной Англией Мемельской конвенции, что грозило международной изоляцией Литвы. Польские дипломаты прямо обвиняли Литву в срыве открытия международного сплава по Неману, а тяжелое экономическое положение Мемельской области использовали как аргумент против всей внешнеполитической линии Ковно, заявляя, что в ре-

зультате литовского управления Мемелем сложилось положение, когда весь бассейн Немана отрезан от своего естественного выхода к морю. Без восстановления нормальных отношений между Польшей и Литвой, убеждал польский МИД, даже Мемельская конвенция ни в малейшей степени не обеспечивала экономических интересов не только Восточной Европы, но и великих держав [4. Ф. 0151. Оп. 11. П. 11. Д. 4/2. Л. 106]. Ухудшившееся экономическое положение Литвы к тому же увеличивало в стране число скрытых сторонников соглашения с Польшей, в особенности среди клайпедских промышленных и торговых кругов, уже открыто выражавших свое недовольство политикой Ковно [9. С. 63].

Обсуждение проблемы открытия Немана в Ковно и Варшаве осенью 1924 г. не привело к компромиссу из-за взаимоисключающих требований сторон. Тем не менее, в 1924 г. Литва заявила о принципиальной готовности открыть сплав. Ковно, взяв на вооружение излюбленный прием польской дипломатии придерживаться договоренностей буквально, действительно открыло реку для сплава польского леса, но без сплавщиков и сопровождения, предложив Варшаве на границе передавать лес литовским сплавным командам. Польша, со своей стороны, отказалась открывать сплав до принятия польских агентов в Мемеле и установления постоянного сообщения с Литвой [7. Vol. XXV. P. 830]. Сразу после ратификации Мемельской конвенции, 24 апреля 1924 г., литовский МИД открыл Неман и для советского сплава, заверив Москву, что «имея в виду экономические интересы и общую пользу, которая может быть от сплава леса по Неману, литовское правительство, невзирая на свои настоящие отношения с Польшей, соглашается разрешить свободный сплав леса по Неману с территории СССР в Мемель» [6. Т. 7. С. 213]. Впрочем, фактическое положение на польско-литовской границе этот шаг не изменил, поскольку Варшава так и не согласилась пропускать советский сплав до открытия собственного транзита через Литву [6. Т. 7. С. 489].

В Москве учитывали заинтересованность Литвы, равно как и Польши, в урегулировании вопроса о сплаве по Неману. Поэтому допускалась возможность принятия посреднической функции в этом вопросе, чтобы не только обеспечить собственные интересы и укрепить влияние и на Польшу, но и на литовские хозяйственные круги, главным покровителем которых была Великобритания. Таким образом НКИД надеялся склонить также и Лондон к сближению с Москвой [4. Ф. 122. Оп. 5. П. 102. Д. 9. Л. 7]. Шаг в этом направлении со стороны СССР был сделан в середине марта 1925 г., когда советское внешнеполитическое ведомство выдвинуло предложение созвать по вопросу о сплаве по Неману техническую конференцию в составе заинтересованных государств (т.е. Польши, Литвы и СССР), однако оно было отвергнуто Литвой, опасавшейся обвинений Запада в сговоре с Москвой [4. Ф. 0151. Оп. 11. П. 11. Д. 11. Л. 60–61].

Литва согласилась на переговоры с Польшей вновь под председательством Лиги Наций. Осенью 1925 г. состоялись два раунда польско-литовских переговоров в Копенгагене и Лугано, но они не увенчались успехом. Варшава, для которой главной проблемой на литовском направлении была не интернационализация сплава по Неману, а продолжавшееся «состояние войны» с Литвой, требовала не только открытия границы на Немане, но и учреждения польского консульства в Клайпеде, восстановления железнодорожного сообщения, а также телеграфной и почтовой связи – т.е., практически полного установления межгосударственных отношений [10. S. 156]. Литовская делегация восприняла эти требования как попытку ограничения собственной независимости и прервала переговоры. Британский посланник в Риге Т. Вонз в феврале 1925 г. выразил общее мнение английской дипломатии, заметив, что экономическое выживание Мемеля было принесено в жертву политическим амбициям Польши, которая не пошла на компромисс и не сняла заведомо невыполнимых требований установления консульских отношений [7. Vol. XXV. P. 871]. Сотрудник Восточного отдела польского МИД Ю. Лукасе-

вич, объясняя причины срыва переговоров в Копенгагене представителю Великобритании в Варшаве В.Г. Макс-Мюллеру, отметил основные мотивы нежелания польской стороны идти на уступки. Для Варшавы «вопросом чести» было, во-первых, официальное открытие своего консульства в Клайпеде, откуда польские представители были высланы литовскими властями в 1923 г. Польша должна была вернуться в этой край не через «черный ход», подчеркивал Лукасевич [7. Vol. XXV. P. 932]. Кроме того, простой допуск польских промышленников в Литву не обеспечивал Варшаве необходимого ей влияния на политику Ковно – и это было главной причиной нежелания Варшавы заключать договор с Литвой. Тем не менее, переговоры в Копенгагене можно расценить как определенный успех польской дипломатии. Ей удалось вынудить Литву, несмотря на декларированный Ковно отказ от прайвельтвенного диалога с Польшей до освобождения Вильно, пойти на официальные переговоры двух делегаций. События в Копенгагене и Лугано продемонстрировали также и то, что в Литве, несмотря на всю антипольскую риторику прессы и официальных представителей, существовали довольно влиятельные круги предпринимателей, которые стремились к установлению отношений с Польшей.

После срыва конференций ковенское правительство в 1926 г. самостоятельно опубликовало широкие правила сплава по Неману, выработанные в сотрудничестве с британскими дипломатами. Река объявлялась открытой для международного сплава, а литовское правительство гарантировало содействие заинтересованным государствам. Правила получили одобрение Великобритании, однако так и не были приняты Польшей.

По-журналистски преувеличенное, но по сути верное изложение ситуации, сложившейся в 1926 г. вокруг Немана дал английский публицист Эрнст Джон Харрисон, с 1921 г. служивший в литовской миссии в Великобритании и посвятивший большинство написанных им в период с 1920 по 1940 г. работ литовским проблемам. В очерке «Литва 1928» Харрисон отметил, что проблема Немана была поднята Польшей исключительно по политическим соображениям и дал следующий прогноз развития событий: как только Польша получит свободу транзита и согласие на присутствие консульских представителей в Литве, «она демонстративно отправит несколько партий леса по Неману», объявит об открытии границ и восстановлении дипломатических отношений, а затем заявит, что больше ей сплавлять нечего. Польское консульство, тем не менее, продолжит работу в Клайпеде, границы с Литвой будут открыты, и Варшаве останется лишь торжественно заявить об урегулировании виленского спора и ликвидации международного польско-литовского конфликта, а все протесты литовцев с этого момента будут квалифицированы лишь как мелкие недопонимания и «домашние ссоры между двумя братскими народами» [11. P. 15–16].

Этот сценарий не был реализован. Литва вынуждена была под ультимативным нажимом Варшавы пойти на нормализацию двусторонних отношений только в 1938 г. Не оправдались и надежды великих держав на то, что экономические интересы возобладают над политическими противоречиями. Каждое из государств, заявивших о своей заинтересованности в интернационализации Немана по экономическим и хозяйственным причинам, использовало этот вопрос для достижения собственных внешнеполитических целей. Советская дипломатия, менее всего нуждавшаяся в этом транзитном пути, старалась, с одной стороны, не допустить польско-литовского компромисса, защитить свои интересы в регионе, а с другой – добиться сближения с Лондоном, декларируя приверженность международным договоренностям и выступая за открытие необходимого для английских концессии водного пути. Литва, ставшая во многом заложницей сложившейся ситуации, также принесла в жертву свои экономические интересы и стремилась связать речную проблему со всем комплексом польско-литовских территориаль-

ных, национальных и политических конфликтов. Вопрос интернационализации Немана, который, казалось, благодаря своей хозяйственной важности для Литвы, должен был способствовать разрядке в сложных международных отношениях в этом уголке Восточной Европы, стал напротив инструментом давления польской дипломатии на Литву с целью добиться признания ею существовавшего территориального status quo.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dictionnaire diplomatique. Paris, 1946.
2. *Gajownik T.* Tajny front niewypowiedzianej wojny. Działalność polskiego wywiadu wojskowego na Litwie w latach 1921–1939. Warszawa, 2010.
3. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России; М., 1928. Ч. III. От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской революции. М., 1928.
4. Архив внешней политики Российской Федерации.
5. *Laurinavicius Č.* Politika ir diplomatija. Kaunas, 1997.
6. Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5; М., 1963. Т. 7.
7. Documents on British foreign policy, 1919–1939. London, 1984. First series. Vol. XXIV; London, 1984. Vol. XXV.
8. *Бах М.Г.* Внешняя политика Вольдемараса и Виленский конфликт // Мировая политика и мировое хозяйство. №1. М., 1928.
9. *Łossowski P.* Stosunki polsko-litewskie 1921–1939. Warszawa, 1997.
10. Archiwum Akt Nowych. Kolekcja odpisów i opracowań. Т. 3.
11. Lithuania 1928. London, 1928.

© 2012 г. М.Ю. ДРОНОВ

РОЛЬ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ
В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
РУСИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЛОВАКИИ
В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Статья посвящена участию Греко-католической церкви в процессах формирования этнонациональной идентичности русинов Словакии. Основное внимание уделено национально-языковой политике в Греко-католической русской мещанской школе в г. Прешове.

The article is devoted to the participation of the Greek-Catholic Church in the formation of ethno-national identity of the Rusyns in Slovakia. The emphasis is put on the national and language policy in the Greek-Catholic Russian public school in Prešov.

Ключевые слова: Греко-католическая русская мещанская школа, Греко-католическая церковь, образование, Прешовская епархия, русины, этнонациональная идентичность.

До настоящего времени отличительной особенностью русинов Словакии от других этнических групп, проживающих в этой стране, является незавершенность национально-языковых процессов. Так, согласно данным переписи 2001 г., в Словацкой Республике проживали 24 201 русинов и 10 814 украинцев [1. S. 35]. Специфика заключается в том, что многие из тех, кто отнес себя к украинцам, не являются выходцами из Украины, а происходят из тех же самых сел, что и записавшиеся русинами. По мнению американского русиниста Павла-Роберта Магочия, этнические русины есть и среди граждан Словакии, считающих себя русскими. Кроме этого, несомненно, что значительная часть людей русинского происхождения декларирует свою принадлежность к словакам. Предположительно, общее количество этнических русинов в республике может составлять 130 тыс. человек [2. С. 7, 65]. Очевидно, что истоки подобной ситуации следует искать в предыдущие периоды.

Особенного внимания заслуживает изучение национально-языковой ситуации у русинов в 20–30-е годы XX в. Именно в межвоенный период, после прекращения многолетней политики мадьяризации, проводившейся прежней венгерской администрацией Австро-Венгрии, русинское население недавней Угорской Руси, вошедшей в состав новой, созданной в 1918 г. Чехословацкой Республики (ЧСР), получило возможность развивать собственную культуру в славянском ключе. Однако встал вопрос о трактовке этноязыковых характеристик русинов. Конкретно их считали либо наиболее западной ветвью единого русского (общевос-

Дронов Михаил Юрьевич – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

точнославянского) народа, либо частью украинцев, либо отдельным народом. В соответствии с этими взглядами проводилась национально-культурная работа на местах: популяризировались различные этнонациональные идентичности и отвечающие им литературные языки, что неминуемо вело к хаосу, тормозившему развитие русинского социума.

Волею политических обстоятельств русинская этническая территория в границах ЧСР была разделена между двумя крупными административными единицами республики – Подкарпатской Русью и Словакией (впоследствии разделявшая их граница была взята за основу советско-чехословацкой, нынешней украинско-словацкой межгосударственной границы). Данное обстоятельство обусловило то, что национально-языковые процессы на востоке и западе русинского ареала протекали по-разному. В частности, в отличие от русинов в Подкарпатской Руси, их соплеменники в Словакии считались не государствообразующим народом, а лишь одним из национальных меньшинств. Ситуацию также осложняло сложившееся за столетия русинско-словацкое этническое пограничье, носившее не стыковой, а переходный характер. Вследствие этого в регионе отмечалось наличие этнически спорных групп населения, были распространены амбивалентная этничность и ситуативная идентификация. Таким образом, в Словакии к набору этнонациональных альтернатив для русинов добавлялась словацкая идентичность, которая к тому же особо приветствовалась властями.

В сложившейся ситуации роль главного репрезентанта русинского меньшинства вне Подкарпатской Руси взяла на себя (или, скорее, оставила за собой) Греко-католическая (униатская) церковь, к которой традиционно принадлежало подавляющее большинство русинов. Более того, используя донациональные представления о тождественности конфессиональной и этнической принадлежности (греко-католики по вере и этнические русины были известны под общим названием *руснаки* [3. S. 245]), церковные власти пытались рассматривать в качестве русинов и тех своих верующих, которые в этноязыковом отношении не являлись восточными славянами. Показательно, что, согласно государственным переписям 1921 г. и 1930 г., большая половина из приблизительно 200 тыс. греко-католиков в Словакии (соответственно 57,2% и 59,1%) не относила себя к «русским национальностям», т.е. фиксировавшимся вместе восточным славянам, а записывалась словаками (47,2%, 51,4%), венграми (6,7%, 5,8%) и др. [4. С. 182]. Хотя результаты этих переписей чаще всего оспаривались, порой весьма обоснованно, они косвенно свидетельствовали о росте в греко-католической среде секуляризационных тенденций. В частности, официальные цифры наглядно демонстрировали, что на выбор идентичности греко-католиков может влиять далеко не только религия. В свою очередь церковные круги по-прежнему стремились контролировать все области жизнедеятельности своей паствы. Поэтому они с вниманием относились и к процессам оформления и стандартизации современной этнонациональной идентичности русинов, где Греко-католическая церковь выступала как участник и, одновременно, претенциозный арбитр.

Важнейшим механизмом воздействия церкви на идентичность являлась система образования. Несомненно, что в контексте общемировой секуляризации, тем более, в атмосфере межвоенной Чехословацкой Республики, в целом не благоприятствовавшей католицизму, церковное влияние постепенно уменьшалось и в образовательной сфере. Однако применительно к 20–30-м годам XX в. недооценивать роль церкви в Словакии нельзя. Так, Греко-католическая церковь имела в собственном ведении учебные заведения сразу трех ступеней, а также частично влияла на государственные школы, расположенные в местах компактного проживания греко-католиков. В начале 1930-х годов в словацких административных границах насчитывалось 259 греко-католических начальных школ [5. S. 393]. Большая их часть (около 170) принадлежала Прешовской епархии с центром в

Прешове (слов. *Prešov*, русин., укр. *Пряшів*, рус. устар. *Пряшев*) – крупнейшем городе Северо-Восточной Словакии [6. Р. 189–196]. Остальные находились в ведении Мукачевской епархии с центром в столице Подкарпатской Руси Ужгороде. Среднее и высшее образование предоставляли греко-католические учебные заведения в Прешове (сходные по уровню заведения Мукачевской епархии располагались за словацко-подкарпатской границей). В частности, речь идет о Греко-католической русской мещанской школе, Греко-католической русской реальной гимназии, Греко-католической русской учительской семинарии и Греко-католической богословской семинарии. Только последняя, состоявшая из «малой семинарии» (средняя образовательная ступень) и «большой семинарии» (высшая ступень), целенаправленно готовила будущих священнослужителей. Остальные средние учебные заведения ставили первоочередной задачей воспитание в греко-католическом духе светской интеллигенции.

Необходимо иметь в виду, что образовательный процесс в средних учебных заведениях Прешова, в отличие от многочисленных начальных школ, раскиданных по разным уголкам епархии, внимательно контролировался расположенными поблизости епархиальными властями. Следовательно, именно здесь наиболее полно претворялась в жизнь официальная церковная политика, в том числе в особенно не простом для русинов вопросе об этнонациональной идентичности.

Церковь рассматривала свои средние школы, без преувеличения, как кузницу русинских национальных лидеров для всего региона. При этом, учитывая пространственную связь восточнославянских национально-языковых идеологий с враждебным идеям унии с Римом православием, греко-католическое образование считалось своеобразным залогом верности конфессии. Так, в одной из статей, опубликованных в 1924 г. в неофициальном печатном органе Прешовской епархии «Русское Слово», специально для родителей будущих учеников отмечалось: «В Пряшевѣ имѣешь гражданску школу и учительску препарандію (семинарию. – *М.Д.*), въ которыхъ школахъ можетъ докончити свои школы и получить добрый хлѣбъ, въ которыхъ школахъ въ католическомъ и въ русскомъ духу будетъ воспитана твоя дѣтина» [7. С. 1]. В свою очередь, епископ Павел Гойдич (1888–1960), опираясь на конкретные примеры из географии епархиальных приходов, следующим образом подчеркивал значимость прешовской учебной базы для русинов: «Bez našich škôl v Prjaševi (preparandija, horožanska, upražnitel'na) o korotkij čas zamolkne po našich, teper ješče čisto russkich, okolicach russka besida, ješče i russka pišňa, v škôlach russkich “Otče naš”, ibo otkuda dostaneme russkich učitel'ej, jesli ne budet v Prjaševi russoj preparandii [...] Kuda pojduť naši v[eliko] lipnickije, foľvarskije, čabinskije, drinovskije i t.d. diti do škôly, jesli naši v Prjaševi propadnut?!» [8. S. 44].

Осознавали значение греко-католических средних учебных заведений и словацкие национальные деятели. Однако, по их мнению, эти школы, напротив, представляли серьезную угрозу как очаги русинизации или русификации (данные термины часто выступали в качестве синонимов). Так, к примеру, сторонник организации «Словацкая Лига» (*Slovenská Liga*) д-р Лишка отмечал: «Епархия Прешовская является более опасной, чем Ужгородская (Мукачевская. – *М.Д.*). Русские выпускники, воспитанные в Прешове, быстрее попадут в словацкие округа» [9. S. 20]. По подсчетам другого деятеля, Яна Румана, Греко-католическая русская учительская семинария, ежегодно производя по 40 кандидатов в учителя (т.е. столько же, сколько и словацкий учительский институт, также располагавшийся в Прешове), тем самым готовила кадры для территории в девять раз меньшей, чем аналогичное словацкое учебное заведение [10. S. 39].

Интересно, что кроме косвенного воздействия прешовских греко-католических средних школ на весь ареал проживания русинов (и, шире, всех греко-католиков) в Словакии, можно говорить также о влиянии самого факта расположения данных учебных заведений в Прешове на этноязыковой облик этого города.

Дело в том, что Прешов расположен на словацкой этнической территории (русинские села лежат севернее). Одним из важнейших центров Греко-католической церкви и, как следствие, русинской культуры он стал лишь в XIX в. – после образования из западной части Мукачевской епархии в 1815–1821 гг. новой самостоятельной епархии. На Прешове остановились как на подходящем месте для размещения здесь кафедрального храма, резиденции епископа и необходимых епархиальных институций [2. С. 7, 21], не руководствуясь при этом национальными мотивами. В результате, русины, традиционно относившиеся к наименее развитым в культурном отношении этносам региона, получили свой городской центр, по сути, единственный в будущих словацких границах. Емкую характеристику дал Прешову посетивший «Пряшевскую Русь» в конце 1920-х годов Илья Эренбург: «В Пряшеве – “центр русской интеллигенции”, то есть там живет человек сто русских со средним образованием. Там – учительская семинария, типография с кириллицей, книжная лавка [...] А помимо Пряшева и вовсе нет городов» [11. С. 244]. Подобные обстоятельства делали размещение средних учебных заведений Греко-католической церкви в этом городе практически безальтернативным. Как следствие, в преимущественно словацком Прешове не переставала также звучать русинская речь, носителями которой были, прежде всего, приезжие учащиеся. Известный местный уроженец о. Севастьян Сабол (псевд. Зореслав, 1909–2003), полурусин-полусловак по происхождению, так отзывался об этноязыковой ситуации на своей малой родине: «Наши греко-католические верующие в Прешове, хотя в 1918–1930 годах еще называли себя русинами-руснаками, в основном были уже значительно ословачены и говорили на восточнословацком, шарышском диалекте [...] Характер русинскости (в укр. оригинале *руськості*. – М.Д.) этому городу придавали преимущественно студенты, которые из горных русинских сел прибывали в Прешов на учебу в прешовских русинских школах» [12. С. 9]. Таким образом, присутствие средних учебных заведений Греко-католической церкви укрепляло в городе изначально недостаточно сильные позиции русинского меньшинства.

В рамках настоящей статьи я не претендую на всесторонний анализ национально-языковой политики во всех греко-католических средних учебных заведениях Прешова. Тем более, что национально-языковая ситуация в учительской семинарии или, особенно, в гимназии, основанной уже в конце интересующего нас периода – в 1936 г., изучена достаточно хорошо (во многом, это объясняется наличием печатных источников – отчетов дирекции, опубликованных в виде отдельных брошюр по итогам каждого учебного года) (см., например: [13–16]). Именно поэтому мне хотелось бы подробнее остановиться на Греко-католической русской мещанской школе, которая значительно реже становилась объектом внимания исследователей. Причиной меньшего интереса к ней, по-видимому, является ее второстепенный, вспомогательный характер по отношению к учительской семинарии. Из всех греко-католических средних учебных заведений она была самой примитивной. К тому же эта школа, насколько мне известно, не издавала ежегодных брошюр о собственных достижениях. Это, к слову, обуславливает преимущественно неофициальный характер используемых источников, среди которых доминирует мемуаристика.

Греко-католическая русская мещанская (в оригинале – *горожанская*) школа (она же – «горожанка», «гражданская») состояла из трех классов и предназначалась для учеников обоих полов, которые окончили начальную школу. Одной из главных задач мещанской школы являлась подготовка кадров для последующей учебы в учительской семинарии. Впервые «горожанка» открыла двери для учащихся в 1910 г., однако во время Первой мировой войны она не действовала и к моменту образования ЧСР фактически перестала существовать. В новых политических условиях началось ее восстановление [17. S. 218–219; 18. S. 138].

С формальной точки зрения, по сути, можно говорить об открытии новой школы [19. С. 28]. В 1921/1922 учебном году в ней насчитывалось 120 учеников [20. С. 275], двумя годами позже их было уже 160 [21. С. 169]. Однако затем, по-видимому, количество учащихся начало снижаться – до 139 человек к 1931 г. [6. Р. 188] и 122 к 1938 г. [22. Р. 178]. Первоначально директором школы являлся о. Александр Дзак (1889–1929). После его кончины этот пост занял о. Дионисий Зубрицкий (1895–1949).

Наиболее богатые подробностями воспоминания о своей учебе в «горожанке» оставил известный в регионе украинский деятель Василий Капишовский (1914–2002), уроженец села Комлоша (ныне – Хмельёва Бардеевского округа). Так, двенадцатилетним паренком попав в Прешов, он сразу же очутился в языковой среде, которая заметно отличалась от той, к которой он привык в родном русинском селе и его начальной школе. «Отдельные предметы, – вспоминал Капишовский, – преподавались в основном на русском языке, и я не понимал, что означают, например, слова “запятая”, “точка” или “абзац” и “предложение”. Мы в школе (сельской. – М.Д.) этого почти не изучали, а здесь учебников почти не было. Поэтому содержание отдельных предметов мы записывали под диктовку» [23. С. 23]. Учителя преимущественно «пользовались русской терминологией, но говорили более или менее на диалекте (т.е. по-русински. – М.Д.). Литературным (русским. – М.Д.) языком мало кто из педагогов мог пользоваться на желаемом уровне» [23. С. 24].

Более лаконично язык преподавания охарактеризовал другой бывший ученик школы, о. Мариан Поташ (1918–2006): «Учили нас на типичном “язычии”» [24. С. 69]. Уже упоминавшийся выше о. С. Сабол, который также некоторое время провел в «горожанке», так описывал связанное с этой школой начало своего пути в литературе: «Поскольку воспитывался я в москвофильской атмосфере тогдашнего Прешова, будучи еще студентом горожанской школы, начинал я писать язычем» [25. С. 20]. Следует пояснить, что «язычие» означает смесь языков и диалектов, макаронический жаргон. Подмечено, что этот весьма расплывчатый и спорный, однако отчетливо пейоративный термин употреблялся сторонниками различных национально-языковых ориентаций среди русинов для обозначения литературного языка, который использовали их оппоненты [26. С. 834]. Неприязнь к языку «горожанки» и является причиной употребления данного понятия в ретроспективных оценках Поташа и Сабола (под влиянием жизненных обстоятельств уже после окончания школы оба этих деятеля приняли украинскую идентичность и признали в качестве своего литературного украинский язык).

Несомненно, в мещанской школе, не изолированной от словацкоязычных улиц Прешова, не было монолингвизма ни на уроках, ни на переменах. Словацкий язык обязательно изучался в качестве одного из предметов [23. С. 23]. Тем не менее, особое место занимал именно русский язык (точнее, его своеобразная местная редакция), считавшийся языком преподавания. Это не удивительно в свете того, что русский с 1919 г. являлся официальным языком всей Прешовской епархии, заняв место переставшего быть политически актуальным венгерского языка [27. С. 103]. Сложность ситуации заключалась в неопределенности, какой конкретно восточнославянской языковой стандарт подразумевается под лингвонимом «русский языкъ». Виной тому во многом была неразрешенность языкового вопроса на официальном уровне в соседней Подкарпатской Руси, логично воспринимавшейся в качестве русинской метрополии. Прешовская епархия в лице своих наивысших представителей апеллировала к местной литературно-языковой традиции, представленной наследием русинских «будителей» – греко-католических священников о. Александра Духновича (1803–1865), о. Анатолия Кралицкого (1835–1894), о. Юлия Ставровского-Попрадова (1850–1899) и др. Эти глаорифицированные литераторы, считавшие русинов частью единого русского народа, стремились писать на русском литературном языке, однако вольно или, чаще, не-

вольно вносили в него заметную русинскую специфику (отчего недоброжелатели и называли данный языковой продукт «язычиєм»). Профессиональную характеристику этому особому русскому языку или, как его иногда именовали, «карпато-русскому языку», «прешовскому варианту русского языка», использовавшемуся в том числе и в «горожанке», дал лингвист Николай Штец: «Этот язык нельзя считать ни народным, ни русским. Правда, благодаря старому этимологическому правописанию, значительному количеству русской лексики и русских грамматических форм, на письме он напоминал русский язык предыдущих столетий (однако только в его письменном варианте). Местное украинское (т.е. русинское. – М.Д.) произношение (твердое произношение *e*, произношение *ѣ* как украинского *i*, произношение *и* как современного украинского *и*, произношение окончаний прилагательных *-аго* вместо правильного русского произношения *-аго* и ряд других), а также некоторые старославянские фонетические особенности, например, использование сочетания *жд* (хождение), придавали этому языку особенное звучание» [27. С. 105]¹.

Должное теоретическое внимание в «горожанке» уделялось использовавшимся учебным пособиям. Однако на практике в этом вопросе порой царила неразбериха, вызванная, кроме прочего, и общим дефицитом каких бы то ни было учебников. Особую важность, применительно к вопросу о формировании этнонациональной идентичности учащихся, на мой взгляд, имеет рассмотрение использовавшихся пособий для преподавания основного, т.е., как считалось, русского языка. Доподлинно известно, что во второй половине 1920-х годов (предположительно, и ранее) русский язык в школе преподавался по известной дореволюционной грамматике П.В. Смирновского (1846–1904) [23. С. 24]. В 1929 г. епископ Гойдич с целью языковой унификации официально ввел во всей Прешовской епархии, а, следовательно, и в «горожанке», принципы «Грамматики руссакого языка для среднихъ учебныхъ заведений Подкарпатской Руси» под редакцией о. Евмения Сабова (1859–1934) [8. С. 96]. Несмотря на то, что обложку книги украшала фамилия авторитетного русина-русофила, к тому же архидиакона Мукачевской грекокатолической епархии, в действительности данная грамматика была подготовлена коллективом русинских педагогов во главе с русским эмигрантом Александром Григорьевым (1874–1945) [28. С. 89–90]. По сути, это была почти классическая русская литературная грамматика. Как отмечал в 1930-е годы языковед Георгий Геровский (1886–1959), ее создатели «полностью отождествляют подкарпатский вариант русского языка с языком современной русской литературы» [29. С. 83]. При этом следует учитывать, что грамматика Сабова, основанная на традиционном этимологическом принципе, предназначалась для овладения русским языком, прежде всего, «въ его письменномъ, а не устномъ употребленіи» [30. С. 1], т.е. тем самым вполне вписывалась в специфическую концепцию преподавания русского языка в Прешовской епархии.

В середине – второй половине 1920-х годов в мещанскую школу начал постепенно проникать украинский литературный язык. Инициатором знакомства с ним детей выступил о. Д. Зубрицкий. В начале межвоенного периода этот педагог, на первый взгляд, мало выделялся в идеологическом отношении на фоне русинской интеллигенции Словакии. Так, опубликованные им тексты были написаны, по сути, на том же «прешовском варианте русского языка», который культивировало большинство местных русинов-интеллектуалов. В действительности, уже тогда Зубрицкий начал активно интересоваться украинской культурой и языком, постепенно склоняясь к точке зрения, что русины Словакии и Подкарпатской Руси явля-

¹ К слову, именно поэтому тексты русинских авторов, даже написанные на весьма правильном русском языке, но с использованием этимологического правописания, на мой взгляд, корректнее передавать в неизменном виде.

ются частью не единого русского, а украинского народа. Как утверждают биографы Зубрицкого, в 1926 г. он даже некоторое время являлся студентом Украинского свободного университета в Праге [31. С. 75; 19. С. 29]. В 1930 г. Зубрицкий стал одним из главных инициаторов основания в Прешове филиала украинского культурно-просветительного общества «Просвещение» (Просвіта) [19. С. 30], которое до этого было представлено в регионе лишь разрозненными членами ужгородского центра организации. Следует отметить, что деятельность «просвитян» была своеобразным вызовом гораздо более популярному у русинов Словакии и, конкретно, местных церковных властей Русскому культурно-просветительному обществу им. А.В. Духновича.

Первые, еще весьма робкие эксперименты о. Д. Зубрицкого по ознакомлению учеников с украинским словом хорошо запомнил о. С. Сабол: «Он (Зубрицкий. – М.Д.) учил меня в Прешовской горожанке – учил русскому языку, ясное дело, по-русски, но с нашим произношением, по грамматике галицкого москвофила Смирновского (Сабол ошибается в том, что Смирновский был связан с Галицией. – М.Д.). И читал он нам и какие-то украинские рассказы и стихи и говорил: “А украинцы так говорят”. Он сам тогда переходил на украинские позиции. Но мы этого не понимали» [32. С. 39–40]. Согласно воспоминаниям В. Капишовского, учившегося на несколько лет позже Сабола, на одном из уроков Зубрицкий заявил, что вместо грамматики Смирновского ученики будут теперь изучать украинскую «Граматику руського языка» Ивана Панькевича (1887–1958). Хотя эта грамматика, как считалось, базировалась на русинских диалектах Подкарпатской Руси, очевидной целью ее автора было подготовить учащихся к последующему принятию украинского литературного языка и соответствующей идентичности (см. [33]). Тогда же Зубрицкий объяснил, что речь русинов «принадлежит украинскому языку, которым пользуется 50 миллионов населения Великой Украины» [23. С. 24]. На данной цитате хочется остановиться особо. Хотя мемуары являются крайне важным и, как в нашем случае, почти незаменимым видом источников, во второстепенных деталях на них едва ли можно положиться. Так, в 20-е годы XX в. общая численность потенциальных украинцев оценивалась скорее не в 50, а в 40 млн чел. В частности в одном из стихотворений самого Зубрицкого 1927 г. («Від тепер не буду скромний...») приводится именно последняя цифра [34. С. 14].

Вместе с украинским языком о. Д. Зубрицкий стремился ближе познакомить учеников с украинской культурой и привить им чувство принадлежности к украинскому народу. Так, например, он призывал детей подписываться на ужгородский «просвитянский» журнал для молодежи «Пчолка» [23. С. 24]. По заданию учителя ученики собирали по селам региона русинский фольклор. Часть их записей вышла в другом украинофильском журнале – «Подкарпатська Русь» [23. С. 24; 19. С. 30; 35. С. 62].

Фрагменты мемуаров В. Капишовского согласуются с данными Н. Штеца о том, что в «горожанке» в 1929 г. преподавание велось по грамматике И. Панькевича, а в качестве книги для чтения использовалось пособие авторства Владимира Бирчака (1881–1962) [27. С. 125]. Таким образом, речь шла об изданиях, вышедших в соседней Подкарпатской Руси и принадлежавших перу известных протагонистов украинской национальной идеи, уроженцев Восточной Галиции. В одной из статей прешовского исследователя Николая Мушинки утверждается, что Зубрицкий преподавал в «горожанке» родную речь согласно грамматике Панькевича в течение долгих лет [36. С. 29]. Скорее всего, последнее является преувеличением. В другой публикации того же почтенного автора говорится, что преподавание украинского языка в мещанской школе началось со второй половины 1930-х годов [19. С. 30]. Думается, и это является неточностью. Более правдоподобной датировкой активного использования грамматики Панькевича, на мой взгляд, следует считать

вторую половину 1920-х годов. По-видимому, события и факты, упомянутые Капишовским, Штецом и Мушинкой, разворачивались непосредственно накануне заведения в епархии принципов грамматики о. Е. Сабова и, не исключено, являлись одним из поводов для скорейшей стандартизации языка преподавания.

Примечательно, что украинофильские инициативы о. Д. Зубрицкого не были поддержаны другими педагогами «горожанки» и носили явно неофициальный характер. Так, в свидетельстве, выдававшемся после окончания учебного года, присутствовала графа «русский язык», но отсутствовали какие бы то ни было упоминания языка украинского или хотя бы «русского» [23. С. 23].

Несомненно, что сам о. Д. Зубрицкий и в дальнейшем придерживался украинофильских взглядов. Так, например, в 1931 г. в докладе, предназначенном для выступления перед членами «Просвещения», Зубрицкий заявлял, что русский язык «является для украинца-русина ничем иным, как трудным иностранным языком» [37. С. 62]. Результаты преподавания в русинских школах русского языка, чем так или иначе занимался и сам Зубрицкий, были охарактеризованы педагогом крайне критически и даже язвительно: «“Общерусскому” правописанию еще кое-как научатся (сторонники русского литературного языка. – М.Д.)», однако при этом «великорусский выговор им как неурожденным москалям-великороссам уже никак не идет, и выходит тарабарщина: выговор искусственный словацко-шаришско-великорусский» [37. С. 62]. Несмотря на убежденность Зубрицкого и его не очень многочисленных единомышленников в правильности собственной национально-языковой ориентации, после заявления о себе в конце 1920-х – начале 1930-х годов они не смогли активно продолжать свою деятельность в консервативной, скорее русофильской атмосфере Прешова. Подвергшись критике епархиальных властей и сторонников русскости и карпаторускости русинов, «просвитяне», по словам прешовского литературоведа Елены Рудловчак (1919–2007), «вынуждены были капитулировать, сойти с арены борьбы» [38. С. 124]. Зубрицкий, в частности, ограничил собственное участие в местной литературной жизни [38. С. 127]. Хотя пока детальная информация о ситуации в мещанской школе в середине и конце 1930-х годов отсутствует, опираясь на изложенные факты, нельзя говорить о продолжении Зубрицким явной национально-языковой украинизации учеников «горожанки» (пролить больший свет сможет лишь поиск и изучение сохранившихся архивных материалов).

В связи с интересующим нас вопросом следует затронуть дополнительный механизм воздействия на учащихся мещанской школы – денежные стипендии, которые Прешовская епархия выплачивала способным ученикам. Речь идет о стипендиях имени видных русинских педагогов прошлого, в частности, Корнелия Добрянского и А. Духновича. Естественно, конкурсы на их получение несли в себе сильную идеологическую нагрузку, латентно способствуя актуализации нужных идентичностей. Отдельные критерии для соискателей стипендий, по сегодняшним меркам, носят отчетливо дискриминационный характер. Так, например, на стипендию К. Добрянского мог претендовать «toľko tot, kto rodilsja Ruskim i svoj Russkij jazyk milujeť» [8. S. 97]. Стипендию Духновича могли получить исключительно «Russkije [...], kotoryje v Russkom duchi vospitanny i v Russkom jazyki chorošij uspich pokazyvajut» [8. S. 97]. Подобные условия, так или иначе, способствовали укреплению русскости у учащихся. Причем, видимо, это касалось как несомненных русинов, так и представителей переходных и спорных в этноязыковом отношении групп греко-католиков.

Сравнивая между собой процессы, происходившие в «горожанке» и в других греко-католических средних учебных заведениях Прешова, нельзя не отметить их схожесть. По-видимому, это объясняется как единым цензом располагавшихся поблизости епархиальных властей, так и частичным наложением преподавательских кадров прешовских средних школ. Основываясь на известных данных

о Греко-католической русской учительской семинарии и Греко-католической русской реальной гимназии, можно конкретизировать, что кроме собственно русской идентичности в школах также популяризировались русинская (выраженной исключительно в этнониме *русин*, прилагательным от которого было не *русинский*, а *русский*), карпаторусская и подкарпаторусская идентичности. Причем все они выступали в качестве взаимодополняющих и ситуативно тождественных.

Все указанное выше позволяет сделать вывод о том, что Греко-католическая церковь в Словакии в течение 20–30-х годов XX в., используя собственные средние учебные заведения, способствовала утверждению у молодой русинской интеллигенции, в первую очередь, русской, а также ряда тесно с ней связанных этнонациональных идентичностей (русинской, карпаторусской, подкарпаторусской). Вследствие отдельных частных инициатив в тот же период отмечались попытки использовать греко-католическую учебную базу для трансляции украинской идентичности, которые, однако, были пресечены епархиальными властями и, в целом, не были особенно успешными.

Хотя, в 50–80-е годы XX в. на территории Словакии административным путем поддерживалась в качестве единственно правильной для русинов только украинская идентичность, на мой взгляд, межвоенная национально-языковая политика Греко-католической церкви в образовательной сфере хотя бы отчасти объясняет быструю мобилизацию части пожилой русинской интеллигенции для участия в работе по развитию карпаторусской и собственно русинской национальной деятельности, которая стала возможна после Бархатной революции 1989 г. При этом, для ряда деятелей имевшее место быть знакомство в годы учебы с украинским языком и культурой, напротив, послужило, особенно в период украинизации, окончательному утверждению у них украинской идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mušinka M., Mušinka A.* Národnostná menšina pred zánikom? Štatistický prehľad rusínsko-ukrajinských obcí na Slovensku v rokoch (1773) 1881–2001. Prešov, 2011.
2. *Магочій П.Р.* Русини на Словенську. Историчний перегляд. Пряшів, 1994.
3. *Vuffa F.* Slovník šarišských nářečí. Prešov, 2004.
4. *Лету П.* Греко-католицька Церква у Словаччині в період між двома світовими війнами // Ковчег. Науковий збірник із церковної історії. Львів, 2003. № 4: Еклезіяльна і національна ідентичність греко-католиків Центрально-Східної Європи.
5. *Katolícke Slovensko 833–1933.* Trnava, 1933.
6. *Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioeceseos Fragopolitanae (Prešov-Prjašev) pro anno Domini 1931.* Fragopolí, 1931.
7. *С.Г. [Гойдичь С.]*. Къ родителямъ и студентамъ // Русское Слово. 1924. № 13.
8. *Slovo episkopa Gojdiča. Výber z publikovaného dedičstva blahoslaveného biskupa Pavla Gojdiča.* Prešov, 2004.
9. *Slovenský národný archív v Bratislave. Fond Slovenská liga 1922–1953. I. Odb./B. Sign. 71.*
10. *Ruman J.* Otázka slovensko-rusínskeho pomeru na východnom Slovensku. Košice, 1935.
11. *Эренбург И.* Виза времени. М.; Л., 1931.
12. *Сабол С.С., ЧСВВ.* Голгота Греко-католицької Церкви в Чехословаччині. Торонто; Рим, 1978.
13. *Бача Й.* Руська учительська академія в Пряшеві і російська мова // Науковий збірник Музею українсько-руської культури у Свиднику. Пряшів, 2001. Т. 22.
14. *Roman J.* Ukrajinskí emigranti na prešovských školách v období medzi dvoma vojnami // Ruská a ukrajinská emigrácia na východnom Slovensku v rokoch 1919–1945. Prešov, 2006.
15. *Дуцар А.* Декілька зауважень до заснування Пряшівської руської гімназії та її діяльності // 50 років Пряшівської української гімназії (1936–1986). Братіслава; Пряшів, 1988.
16. *Mušinka M.* Od Ruského gymnázia k spojenej škole Tarasa Ševčenko // Українська (Руська) гімназія. 70 років. Ukrajinské (Ruské) gymnázium Prešov. 70 rokov. Пряшів–Prešov, 2006.
17. *Janočko M.* Dejiny cirkevného školstva v Prešovskej eparchii do roku 1989. Prešov, 2008.
18. *Halgašová I., Laca P., Lipták R., Šimko M.* Vzdelávacie a výchovné inštitúcie v Prešovskom biskupstve v rokoch 1918–1945 // Dejiny cirkevného gréckokatolíckeho školstva na Slovensku. Prešov, 2009.
19. *Мушинка М.* Призабутий ювілей. До 100-ліття з дня народження Дениса Зубрицького // Дукля. 1995. № 6.

20. *Капишовский В.* Школьное дело на Пряшевщине // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948.
21. *Ванат І.* Шкільна справа на Пряшівщині в період домюнхенської Чехословаччини // Педагогічний збірник № 3. З минулого і сучасного українців Чехословаччини. Братіслава, 1973.
22. *Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioeceseos Fragopolitanae (Prešov – Prjašev) pro anno Domini 1938.* Fragopolі, 1938.
23. *Капишовський В.* Мрії і дійсність. Братіслава; Пряшів, 1988.
24. *Мушинка М.* Розмови з однодумцями. Пряшів, 2004.
25. *Ребрик І.* «Ми горіли Україною...». Інтерв'ю з о. Степаном-Севастіаном Саболом ЧСВВ // Шкільна серія. Ужгород, 1998. Вип. 3. О. Степан-Севастіян Сабол (Зореслав). Методичні розробки, методологічні рекомендації, літературні тексти, літературознавчі матеріали.
26. *Енциклопедія історії та культури карпатських русинів.* Ужгород, 2010.
27. *Штець М.* Літературна мова українців Закарпаття і Східної Словаччини (після 1918) // Педагогічний збірник № 1. Братіслава, 1969.
28. *Шлепецкий И.С.* Александр Дмитриевич Григорьев (1874–1945) // Карпаторусский календарь Лемко-Союза на год 1965. Юнкерс, б.г.
29. *Геровский Г.* Язык Подкарпатской Руси. М., 1995.
30. *Грамматика русского языка для средних учебных заведений Подкарпатской Руси.* Ужгородъ, 1924.
31. *Бабота Л.* Зубрицький Діонісій // Дукля. 1989. № 4.
32. *Мушинка М.* «Доля Пряшівщини близька моему серцю»: Інтерв'ю з поетом Зореславом (Севастіаном Саболом) // Дукля. 1990. № 5.
33. *Мозер М.* «Грамматика русского языка» Івана Панькевича та галицька українська мова в Підкарпатті // *Studium Carpatho-Ruthenorum* 2009. Штудії з карпаторусиністики. Пряшів, 2009.
34. *Мушинка М.* Василь Гренджа-Донський і Пряшівщина. До 100-ліття з дня народження // Дукля. 1997. № 2.
35. *Бабота Л.* Пряшівщина на сторінках часописів, редактованих Іваном Панькевичем // Іван Панькевич та питання літературної мови. Статті та матеріали. Пряшів, 2002.
36. *Мушинка М.* Іван Панькевич і Пряшівщина (До 105-річчя з дня народження) // Дукля. 1992. № 6.
37. *Бабота Л.* Про що говорять листи // Дукля. 1996. № 2.
38. *Рудловчак О.* Біля джерел сучасності. Розвідки, статті, нариси. Братіслава; Пряшів, 1981.

© 2012 г. Т.Н. КУРОХТИНА

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «СУРЖИК»

Статья представляет собой краткое изложение различных подходов к изучению языкового феномена суржика, которые влекут за собой противоречивые интерпретации и определения этого явления в различных научных трудах. Главной проблемой, стоящей перед исследователями суржика в настоящее время, является определение границ этого языкового феномена, а также его места среди других форм существования языка.

The author gives a brief survey of different approaches to the study of surzhyk, which involve contradiction in interpretation of this language phenomenon in various researches. The main issue that needs to be solved is to define the bounds of surzhyk and interference which are usually being confused. The other problem is to find surzhyk's place among the other forms of language. The article also describes the genesis and the geography of this language phenomenon.

Ключевые слова: суржик, украинский язык, русский язык, межъязыковая интерференция, двуязычие, языковая норма.

Для современной языковой ситуации на Украине интерференция¹ в речи является реалией повседневной жизни, не вызывающей сомнений. Она характерна для лиц, имеющих различную языковую компетенцию, и выражается как в редких языковых ошибках, так и в регулярном нарушении языковых норм. Интенсивность интерференционного процесса в речи отдельных лиц различается, что связано с рядом психологических и социальных факторов. К таким факторам относятся, например, место рождения индивида, его возраст, язык семьи, уровень образования, способности к языкам, языковое окружение на работе. Считается, что в речи малообразованных украинцев, переехавших в город из деревень или маленьких городков, процесс интерференции намного интенсивнее. В лингвистике такую степень межъязыкового взаимодействия называют по-разному: суперинтерференция, гиперинтерференция [1. С. 102–119] или просто суржик.

Существует большое количество работ, посвященных описанию суржика. Главная проблема, возникающая при его исследовании, заключается в определении границ этого явления.

Некоторые лингвисты склонны рассматривать любой вариант интерферированной речи как суржик и утверждают, что «он присутствует в речи не только людей с недостаточным уровнем образования, но и в речи политиков, журналистов, учителей» [2]. Так, В. Дончик называет речь дикторов украинского теле-

Курохтина Татьяна Николаевна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Под интерференцией подразумевается такое взаимодействие языковых систем в условиях билингвизма, при котором происходит перенесение определенных структур или элементов одного языка в другой.

видения суржиком и утверждает, что суржик является результатом украинизации средств массовой информации, когда русскоязычные дикторы вынуждены говорить по-украински, не имея для этого основательной подготовки. Вследствие этого, утверждает лингвист, часто нарушаются нормы литературного языка, встречается большое количество русизмов, неправильное словоупотребление и прочее [3. С. 68–77]. Как суржиковые элементы рассматривает ошибки в речи дикторов и в печатных СМИ А. Сербенская в пособии по культуре речи «Антисуржик» [4].

Согласно этому мнению, любое проявление взаимодействия украинского и русского языков, любая интенсивность интерференционного процесса является суржиком. Следовательно, в данном понимании этого явления суржикововорящим можно назвать любого двуязычного представителя украинского общества, поскольку психологические особенности человеческого организма не дают возможности овладеть в полной мере двумя и более языками, что выражается в интерференционных процессах, сопровождающих речь билингва.

Следует отметить, что лингвисты, придерживающиеся подобного широкого понимания суржика, не отвергают и более традиционную трактовку этого явления.

Большинство ученых сходятся во мнении, что суржиковая речь характерна для малообразованных слоев общества Украины. Возникновение и распространение суржика исследователи связывают с низкой культурой и пренебрежительным отношением к нормам обоих языков. Считается, что носители суржика являются монолингвами, т.е. они не способны варьировать свою речь в зависимости от ситуации, цели коммуникации и адресата [5]. Следовательно, предполагается, что суржик является единственным средством коммуникации в любой сфере общественной и частной жизни.

Принято считать, что формирование суржика происходит на основе украинского языка, в который активно «заимствуются» русскоязычные элементы. Следует также уточнить, что в качестве базы суржика рассматривают диалекты украинского языка, поскольку основные носители этого языкового образования по происхождению – сельские жители, переехавшие в большой город, где основным языком коммуникации является русский. По нашему мнению, узкое понимание суржика наиболее близко к реальной ситуации, поэтому вслед за другими исследователями этого явления определим суржик как интерферированную речь малообразованных лиц, переехавших в крупный город из небольших населенных пунктов.

Широкое и *узкое* понимание суржика возникло не случайно. Это связано с тем, что при исследовании данного языкового явления ученые исходят из разных временных и политико-экономических условий его возникновения.

Суржик в *узком* понимании имеет корни в далеком прошлом (по разным данным в XVII, XVIII или XIX в.). К сожалению, исследователям этого языкового феномена пока не удалось установить точных временных рамок его возникновения. За неимением точных статистических данных о языке каждодневного общения в населенных пунктах Украины тех времен, ученым приходится опираться на немногочисленные документальные записи, письма, а также на язык художественных произведений украинских писателей, использовавших смесь украинского и русского языков в качестве речевой характеристики своих героев. Так, произведения И.П. Котляревского и Г.Ф. Квитки-Основьяненко демонстрируют наличие смешанных форм языка в деревнях в конце XVIII – начале XIX в.; сочинения Т. Осьмачки, Б. Гринченко, В. Винниченко и других свидетельствуют о распространении суржика из деревень и пригородов в крупные города в период конца XIX – начала XX в.

Л. Масенко относит период возникновения суржика уже к концу XVII в., к тому времени, когда, по мнению ученого, «русский язык был введен в административно-управленческую сферу и образование» на Украине, что и спровоциро-

вало перерыв в развитии староукраинской письменной традиции [6. С. 5]. Л. Масенко предполагает, что в XVIII–XIX вв. суржилом пользовалась ограниченная часть украинского населения, а именно местное чиновничество, приспособившее свою речь к русскоязычным канцеляризмам, и солдаты, прошедшие многолетнюю службу в русской армии. Можно утверждать с большой долей вероятности, что в то время основным коммуникативным кодом значительной части деревенского населения были территориальные диалекты. Только с развитием промышленности и началом индустриализации в конце XIX в. суржик получает более широкое распространение за счет жителей украинских деревень, переезжающих в русскоязычные города. Согласно статистическим данным, на рубеже веков в крупных городах украинцы составляли всего треть населения, остальные две трети были русские и евреи, говорившие на русском. Таким образом, города Украины, входившие в то время в состав Российской империи, представляли собой мощные русскоязычные центры. По мнению Л. Масенко, ко времени революции 1917 г. социальные различия между носителями украинского и русского языков стали очень заметны, что способствовало быстрому распространению переходных смешанных украинско-русских форм речи. В деревнях типичными носителями этого языкового субкода являлись представители местной администрации, а в городах – работники, приехавшие из деревень на заработки [6. С. 8–10].

Ситуация изменилась лишь в 20-е годы XX столетия, в период так называемой украинизации. В течение этого десятилетия велся активный поиск критериев нормативности украинского литературного языка, его внедряли во все сферы общественной жизни Украины. Именно в то время впервые в украинском обществе и лингвистике начали активно обсуждаться проблемы и последствия взаимодействия украинского и русского языков. Первым, кто обратил внимание на активность и опасность интерференционных процессов, был русский языковед Б. Ларин, изучавший язык украинских городов (в частности Киева) [7; 8].

Краткий период «украинизации» сменился господством новой идеи развития национально-русского двуязычия, которое способствовало укреплению и развитию интерферированной речи на большей части Украины. Русский язык был распространен не только в восточных и центральных областях страны, он проникал и в более стойкие к русификации западные регионы. Однако на западе интенсивность проникновения заимствований из русского языка не достигла того уровня, после которого начинается процесс смешивания кодов [6. С. 24]. Несмотря на очевидное активное взаимодействие украинского и русского языков, в советской лингвистической литературе этому процессу не уделяли должного внимания, не воспринимая это как проблему и тем более угрозу для обоих языков на территории Украины.

Борьба за чистоту украинского языка возобновилась лишь с обретением страной независимости. Если в советский период в украинском языке культивировались и поощрялись грамматические формы, лексемы, словообразовательные элементы, совпадающие с русскими, то с 90-х годов XX в. начался обратный процесс. Любой русскоязычный элемент рассматривается теперь украинскими филологами как враждебный и недопустимый ни в речи, ни в языке. Любую степень интерференции и любой русизм в украинском языке начали называть суржилом. Таким образом, мы считаем возможным говорить о возникновении нового, более широкого взгляда на суржик, включающего разные формы интерферированной речи, однако этот взгляд имеет отношение скорее к современной языковой ситуации на Украине.

В настоящее время в понятие суржика включают не только русизмы в украинском языке, но и элементы украинского языка в русском. Так, например, А. Окара в статье «Полтавский “суржик” и духовное плебейство» описывает состояние русского языка во многих городах Украины. Характеризуя особенности русского

языка в городах Полтавской области, находящие свое выражение в «мягком произношении, невыносимом для русского уха “гекання”², отсутствии редукции безударных гласных», автор статьи вводит понятия «украинский русский» и «полтавский русский» [9. С. 53]. Украинско-русский и русско-украинский суржик также склонен выделять американский лингвист М. Флаер [10], который не отвергает вероятности существования и других вариантов суржика. Следовательно, базой для образования суржика в его широком понимании может быть как украинский, так и русский язык.

По нашему мнению, расширение значения термина «суржик» имеет под собой психологическую основу. Очевидно, что лингвистический термин «интерференция» понятен ограниченному кругу людей, имеющих, скорее всего, высшее филологическое образование, а значение слова «суржик» в украинском языковом сообществе не нуждается в толковании, его значение понятно каждому украинцу. К тому же, в сознании большей части населения слово «суржик» вызывает исключительно негативные эмоции и ассоциации, что находит отражение в следующих характеристиках этого явления: *гремячая смесь, хохлятский диалект, искаленный язык жителей украинских сел, имперский диалект, украинско-русский гибрид, языковая болезнь, проявление национальной шизофрении, свидетельство духовно-интеллектуальной ущербности, высшая степень духовного плебейства* и т.п. Подобные негативно-оценочные дефиниции суржика ярко демонстрируют отношение к этому явлению на Украине. Поэтому, чтобы привлечь внимание общества к существующей проблеме активного использования русскоязычных элементов в речи, лингвисты и борцы за чистоту украинского языка склонны каждый русизм называть суржикизмом, а любую степень интерференции – суржиком. По нашему мнению, широкое понимание суржика более ангажировано, поскольку возникло в рамках острой борьбы за чистоту украинского языка, в целях привлечения внимания к насущной языковой проблеме культуры речи в украинском обществе.

География распространения суржика. В лингвистике пока не существует точных критериев для определения того интерференционного порога, за которым начинаются процессы смешения украинского и русского языков, т.е. образуется суржик. Нам кажется очевидным, что главным критерием является интенсивность процесса взаимодействия. Однако пока этот критерий не определен, каждый исследователь суржика исходит из собственных представлений относительно этого явления.

Специалисты Киевского международного института социологии (КМИС), проводившие статистическое исследование среди населения Украины с целью определения наиболее легкого для общения языка, пришли к следующим выводам относительно населения, которое они, исходя из собственных представлений о суржике, отнесли к суржиковоговорящему. Среди тех, кто утверждал, что на украинском языке им общаться намного легче, в течение интервью в 4.6 раза реже переходили на украинско-русскую смесь, чем те, кто называл себя билингвами (т.е. утверждал, что им все равно, на каком языке вести беседу). Для сравнения, русскоговорящие респонденты в 6.7 раза реже переходили на суржик, чем так называемые билингвы. Исследование также показало, что распространенность суржика зависит и от этнической принадлежности индивида. Так, почти 14% этнических украинцев в 2003 г. пользовались украинско-русским суржигом, тогда как среди этнических россиян на нем говорили 5%, а среди остальных этносов суржиковоговорящее население составляло 5–10% [11].

Немаловажную роль в распространенности суржика играет территориальный критерий. Ниже, на *Рис. 1*, представлены результаты исследования

² Произнесение «г» фрикативного на месте «г» взрывного.

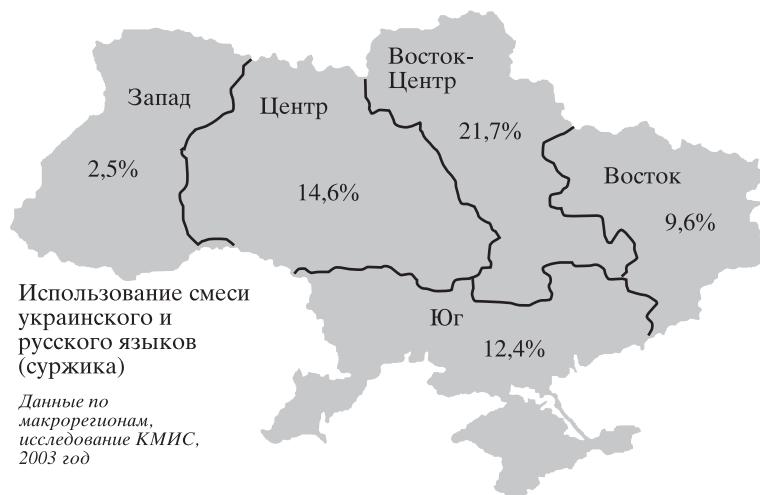

Рис. 1

КМИСа об объеме использования украинско-русской языковой смеси³ в зависимости от региона. Если раньше ареал распространения суржика связывали с регионами восточной и южной Украины, то сегодня (как видно на карте) это языковое явление уже не является исключением и в западных областях государства. Западная Украина всегда была самым устойчивым к русификации регионом. Эта часть страны безусловно выделяется на общеукраинском фоне доминированием украинской этнической и языковой основы, заметно более высокой степенью национального самосознания, что обусловлено особым историческим развитием данного региона и бесспорно является существенной преградой «суржикизации» населения. Однако немаловажную роль в распространении интерференции в этом регионе сыграла общедоступная русскоязычная теле- и видеопродукция, являющаяся коммерчески выгодной, а значит, пользующаяся широким спросом у населения не только на востоке, но и на западе Украины. Относительно малый процент суржикоязычного (по определению специалистов КМИСа) населения на востоке и юге страны (9.6 % и 12.4 % соответственно) объясняется значительной степенью русифицированности населения вследствие интенсивного развития промышленности этого района и активной миграции населения из украинских деревень в большие города. Большой процент этнических русских в этих районах способствует денационализации немногочисленного местного украинского населения и полному переходу на русский язык. Самым неоднозначным и неоднородным регионом оказался центр Украины, в составе которого принято выделять центрально-западный (Правобережье) и центрально-восточный (Левобережье) подрегионы. Данный факт объясняется как географическим положением этого региона, так и историческими фактами. Центрально-западный подрегион подвергся русификации в значительно меньшей степени, чем центрально-восточный, а значит, и процент суржикоговорящих там не так велик, как на Левобережье. Всего, по данным КМИСа, на суржике общается от 11 до 18% всего населения, т.е. 5.1–8.3 млн человек.

Относительно представленного исследования необходимо добавить, что в опросе участвовало взрослое население старше 18 лет. Главным критерием при подведении итогов опроса являлось то, на каком языке отвечал респондент ин-

³ Русско-украинская языковая смесь – термин, используемый учеными КМИСа для обозначения суржика (ср. укр. *російсько-українська мовна суміш*).

тервьюерам. Следовательно, специалисты КМИСа исходили из собственного понимания суржика. Последующие социологические исследования покажут, как изменяется языковая ситуация в стране. Процесс перехода с одного языка на другой очень медленный, поэтому можно предположить, что за семь лет, прошедших с момента проведения исследования КМИСа, процентное соотношение говорящих на украинском, русском языке и суржике вряд ли изменилось.

Проблемы квалификации суржика. Еще одним пунктом в исследовании суржика, который до сих пор остается открытым, является решение проблемы квалификации этого языкового явления. Одни ученые пытаются вписать его в стратификационную систему национального украинского языка, другие сравнивают его с такими языковыми образованиями, как лингва франка и пиджины, имеется также ряд исследователей, рассматривающих суржик как самостоятельный язык.

Жаргон и молодежный сленг. Одной из устойчивых традиций классификации суржика является определение его в таких терминах, как *жаргон*, городской сленг. Подобную интерпретацию можно встретить в работах Р. Смаль-Стоцкого, В. Чапленко, Ю. Шевелёва [12; 13; 14] и некоторых других. В работах Р. Смаль-Стоцкого и В. Чапленко речь идет исключительно о языке города, в связи с этим они используют такие термины, как «малороссийский жаргон» и «жаргонизация» для описания смешанного языка русифицированного украинского города. Ю. Шевелёв же наряду со смешанным языком города (жаргоном) рассматривает деревенский суржик и отмечает существенное терминологическое различие этих двух определений. Следует отметить, что, по мнению современных социолингвистов, такое отождествление суржика и жаргона неправомерно. Оно могло возникнуть вследствие недостаточной теоретической разработанности проблем двуязычия в украинском языкознании предшествовавшего периода. Л. Ставицкая объясняет это тем, что, не имея устоявшегося термина для обозначения результата межъязыковой интерференции, исследователи были вынуждены использовать уже существующий термин, на семантической периферии которого имеются значения неправильного, искаженного языка [15. С. 36]. Так, даже в современной энциклопедии «Українська мова» в статье о жаргоне встречаем следующее утверждение: «В широком понимании жаргоном иногда называют язык необразованных слоев населения, в частности, испорченный межъязыковой интерференцией» (здесь и далее перевод мой) [16].

Однако традиционное ассоциирование суржика с жаргоном дает почву для сопоставления этого языкового явления с таким социолектом, как *молодежный сленг*. Кроме того что многие писатели используют суржик в своих произведениях для характеристики речи молодежи, в последнее время этот языковой феномен можно встретить на страницах Интернета, основной процент пользователей которого относится именно к молодежной возрастной категории. Для переписки на форумах и в чатах в качестве языка общения довольно часто избирается украинско-русская языковая смесь. По нашему мнению, причиной этого является быстрый темп обмена сообщениями и языковая небрежность, характерные для такого вида обмена информацией. В форумах встречается как сознательное использование суржика (с пояснением «мне так удобнее»), так и неосознанная интерференция, проявляющаяся в незначительных языковых ошибках.

До недавнего времени во «всемирной паутине» существовал вариант энциклопедии «Википедия» на суржике. Суржиковая переписка на форумах и в чатах, возникновение энциклопедии – все это свидетельствует о том, что данное языковое явление значительно расширяет сферу своего употребления именно за счет использования его молодежью, а потому суржик потенциально может претендовать на статус молодежного городского сленга. Нельзя не отметить, что, приспособившись к новому общественно-культурному окружению современной жизни, сур-

жик обнаруживает способность к маневру, приобретает новые функции. Однако, несмотря на некоторые особенности, объединяющие молодежный сленг и суржик Интернета, есть более существенные факторы, не позволяющие, по нашему мнению, отождествлять эти два явления.

Самостоятельный язык или полуязычие. Известный американский славист М. Флаер относится к категории тех лингвистов, которые полагают, что суржик является *самостоятельным языком* со своей грамматической и фонетической системой. Подобной точки зрения придерживается и украинский лингвист В.Д. Радчук. Ученый считает, что суржик возникает не хаотично, «смешение языков происходит проторенным путем, уже изученным лингвистами, по известным закономерностям так называемой интерференции» [17. С. 40–41]. Однако большинство исследователей склонны видеть в этом феномене лишь языковую болезнь, с которой следует бороться, и они ищут способы и методы ее лечения.

Российские лингвисты В.И. Беликов и Л.П. Крысин предложили свою интерпретацию суржика, они называют его *полуязычием*, которое возникает в условиях контакта близкородственных языков в тех случаях, когда общение индивида с носителями его родного языка ограничено, в результате чего утрачивается его знание, а второй язык осваивается лишь в ограниченных пределах [18. С. 58]. В украинской лингвистике термин «полуязычие» также встречается для обозначения украинско-русской языковой смеси, к примеру в работах Б. Ажнюка [19]. Обычно полуязычие характеризуется учеными отсутствием шести языковых параметров или навыков: 1) объема словарного запаса; 2) правильности языка; 3) подсознательного, доведенного до автоматизма оперирования языком; 4) языкового творчества, т.е. способности создавать неологизмы; 5) функционального владения языком (например, эмотивного); 6) языковой образности [20. С. 606]. Для носителей полуязычия смешение кодов является характерным и органичным процессом, в котором оба языка воспринимаются как одна коммуникативная среда.

По нашему мнению, как полуязычие суржик можно рассматривать только в его традиционном, узком понимании, т.е. как языковой код малообразованных людей, не владеющих ни русским, ни украинским языком.

Креольские языки и пиджины. Многие лингвисты склонны сравнивать суржик с *пиджинами* и *креольскими языками*. Л. Масенко, рассматривая суржик, соотносит механизм его образования с процессом пиджинизации. Исследовательница обосновывает свою точку зрения тем, что суржик, как и языки-пиджины, образовался в результате «колониального по своему характеру вмешательства России в развитие экономики и культуры Украины». В итоге, по мнению Л. Масенко, «сформировался языковой подвид, созданный из бессистемной смеси двух языков, украинского и русского, и используемый в бытовом общении» [21. С. 28].

Оппонентом подобной точки зрения является один из первых исследователей суржика, Т. Кознарский, считающий, что пиджины и креольские языки представляют собой явление совершенно иного порядка, чем суржик. С его утверждениями трудно не согласиться. Так, исследователь совершенно справедливо подчеркивает тот факт, что пиджины и креольские языки формируются при смешении существенно различных по структуре языков (в качестве примера ученый приводит такие креолы, как гаитянско-французский или ямайско-английский). Образование подобных языков обусловлено в значительной степени тем, что господствующий язык непонятен для коренного населения, которое к тому же является неграмотным [22. С. 24]. Носители суржика, напротив, понимают, по крайней мере в бытовом общении, как украинский литературный, так и русский литературный языки. Т. Кознарский придерживается мнения, что суржик возник в результате переселения сельских жителей в города, но формируется он не для ускорения процесса взаимопонимания, как пиджины, а для быстрого освоения в городском социуме.

Просторечие. Одной из наиболее распространенных точек зрения на сущность суржика является представление о нем как о форме украинского *просторечия*. К этой лингвистической категории его причисляет К.В. Ленец – автор статьи о суржике в энциклопедии «Українська мова». Исследователь пишет, что термин суржик «употребляют преимущественно по отношению к украинскому просторечию, засоренному без особой нужды заимствованными русскоязычными элементами» [16. С. 616]. В статье «Просторечие» в той же самой энциклопедии отмечено, что пока что суржик является основным проявлением украинского просторечия [16. С. 499]. Подобную точку зрения высказывает украинский лингвист В. Труб. Ученый утверждает, что «суржик как форма просторечия является признаком низкого культурно-образовательного уровня, который формируется в ситуации двуязычия в условиях постоянного контактного билингвизма» [23. С. 47]. Продолжая свои рассуждения, исследователь приходит к выводу, что эту языковую нишу суржик занимает временно, пока на базе украинского языка не появится собственного просторечия, а потенциальными носителями этого национального просторечия, по мнению ученого, являются именно нынешние суржикоязычные индивиды.

Несмотря на неоспоримый интерес к суржику лингвистов разных стран, это явление еще очень мало изучено. Его исследователи до сих пор не могут прийти к общему мнению о времени и причинах его возникновения, о географии распространения, а также о месте этого явления среди других форм существования языка. Большинство языковедов склонны рассматривать суржик как одну из форм национального языка. Мы считаем, что не стоит ограничиваться рамками существующей стратификации языка, а следует обратить внимание на присущие только этому языковому явлению особенности. Очевидно, что суржик является следствием взаимовлияния украинского и русского языков, однако интенсивность интерференционного процесса различается в зависимости от индивидуальных особенностей говорящего. Можно предположить, что менее всего интерференция проявляется в речи образованных людей, которые в совершенстве владеют литературными нормами русского и/или украинского языков. Встречающиеся в их речи ошибочные формы слов или лексемы можно объяснить либо недостаточным вниманием к собственной речи, либо гиперкорректностью, либо намеренным использованием суржикизмов/русизмов для придания своей речи большей экспрессивности, выразительности. Чем ниже уровень образованности индивида, тем интенсивнее процесс взаимовлияния языков. Недостаточное владение нормами родного языка, вынужденные коммуникативные контакты (телевидение, радио, пресса и проч.), а также стремление приспособить свою речь к более престижному в обществе языку способствуют активному проникновению элементов одного языка в другой, т.е. образованию суржика⁴. Однако мы не отрицаем важность других факторов, также определяющих интенсивность интерференционного процесса и индивидуальные речевые особенности говорящего. По нашему мнению, основной ошибкой лингвистов, исследующих суржик, является попытка рассматривать эту языковую формацию, возникшую на стыке двух языков, в системных рамках одного языка, украинского.

В настоящее время перед лингвистами, изучающими феномен суржика, стоит задача комплексного исследования этого языкового явления, нацеленного на анализ не только лингвистических последствий взаимодействия русского и украинского языков, но и социальных условий и психологических установок и возможностей лиц, чью речь можно охарактеризовать как суржиковую.

⁴ Подробнее о влиянии индивидуальных особенностей и личностных установок говорящего на его языковую компетенцию см. [24].

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Ставицька Л.О.* Суржик: суміш, мова, стиль? // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. Луганск, 2001. Вып. 2. Ч. 1. Филологические науки.
2. *Обухова В.Н.* Специфика русско-украинской интерференции в условиях Крыма (режим доступа – свободный) // http://www.rusnauka.com/NPM_2006/Philologia/3_obuhova.doc.htm
3. *Дончик В.* Мова не винна (про суржик, двомовність і грамотність на українському ТВ) // Слово і час. 2001. № 2.
4. *Сербенська О.* Антисуржик. Львів, 1994.
5. *Монахова Т.В.* Кризовий стан мовленнєвої культури в південноукраїнському регіоні // Наукові записки. Київ, 2004. Т. 34. Філологічні науки.
6. *Масенко Л.* Суржик: історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування // Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization (=Studia Slavica Oldenburgensia). Oldenburg, 2008.
7. *Ларин Б.А.* К лингвистической характеристике города. (Несколько предпосылок) // Изв. Гос. пед. ин-та им. Герцена. Л., 1928. Вып. 1.
8. *Ларин Б.А.* Мовний побут Міста // Червоний шлях. Харків, 1928. Ч. 5/6.
9. *Окара А.* Полтавський «суржик» та духовне плебейство // Слово і час. 2000. № 12.
10. *Flier M.S.* Surzhyk: The rules of engagement // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge, 2000. Vol. XXII.
11. *Хмелько В.С.* Лінгво-етнічна структура України: регіональні особливості та тенденції змін за роки незалежності (режим доступа – открытый) // <http://www.kiis.com.ua/index.php?id=4&sp=1&num=15>
12. *Смаль-Стоцький Р.* Українська мова в советській Україні. Нью-Йорк; Торонто; Сідней; Париж, 1969.
13. *Чаплинко В.* Дещо про мову. Нью-Йорк, 1959.
14. *Шерех Ю. (Шевельов)* Літ Ікара (Памфлети Миколи Хвильового). Третя сторожа. Література. Мистецтво. Ідеології. Київ, 1993.
15. *Ставицька Л.* Арго, жаргон, сленг. Соціальна диференціація української мови. Київ, 2005.
16. Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2000.
17. *Радчук В.Д.* Мова в Україні: стан, функції, перспективи // Мовознавство. 2002. № 2–3.
18. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. М., 2001.
19. *Ажнюк Б.М.* Мовна єдність нації: діаспора і Україна. Київ, 1999.
20. Concise encyclopedia of sociolinguistics / Ed. by R. Mesthrie. Amsterdam; New York; Oxford; Shannon; Singapore; Tokyo, 2001.
21. *Масенко Л.* Мова і політика. Київ, 1999.
22. *Кознарський Т.* Нотатки на берегах макабресок // Критика. 1998. Ч. 5.
23. *Труб В.М.* Явище «суржику» як форма просторіччя в ситуації двомовності // Мовознавство. 2000. № 1.
24. *Курохтина Т.Н.* Межъязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. МГУ. М., 2010.

© 2012 г. А.Н. КУКСА

ПРОБЛЕМА СНАБЖЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ БЕЛОРУССИИ В 1917–1919 ГОДАХ

В статье рассматриваются этапы развития и пути решения продовольственных вопросов в 1917–1919 гг. между различными организациями Белоруссии и Украины.

The article considers the stages of development and ways of solution of the food questions in 1917–1919 between various organizations of Belorussia and the Ukraine.

Ключевые слова: украинский рынок, белорусско-украинские экономические отношения.

Ноябрьской 1917 г. Декларацией о праве наций на самоопределение руководители партии большевиков заявили о готовности строить отношения на равных правах с правящими партиями в других регионах бывшей Российской империи, которые хотя бы продекларировали свое стремление к самостоятельности. Таким образом, юридической основой взаимоотношений на постимперском пространстве должен был выступать принцип федерализма, основанный на праве наций на самоопределение. Но в условиях экономического развала и отсутствия продуктов питания разрыв торгово-экономических связей между регионами бывшей Российской империи вел и к политическому банкротству политиков, не сумевших создать управленческий аппарат, способный справиться с возникающими проблемами и обеспечить своих граждан предметами первой необходимости. В связи с этим партия большевиков вынуждена была перейти к практике создания советских республик в Белоруссии и на Украине, одной из задач которых стало обеспечение центральных губерний России продуктами питания.

За последние десятилетия в белорусской историографии разработан значительный пласт материала, раскрывающий практически все аспекты государственно-политического строительства в Белоруссии. Историки Н.С. Шашкевич, В.Е. Козляков, В.А. Круталевич, Г.Г. Лазько и другие [1], обращая внимание на аналогичность национально-демократичных процессов в соседних регионах, дали объективную оценку влиянию украинского фактора на выбор модели общественно-политического развития белорусских губерний. Продолжая работу в этом направлении, Т.Я. Павлова, И.А. Сороковик, А.В. Тихомиров, С.А. Третьяк и другие [2] ввели новые источники, которые позволили им провести глубокий сравнительный анализ аналогичных событий, имевших место в Белоруссии и на Украине в 1917–1920 гг. Гомельская исследовательница В.М. Лебедева и киевская О.М. Ямкова [3], достаточно полно раскрывая торгово-экономические отношения периода БНР, основное внимание уделяют деятельности Белорусской торговой палаты в

Кукса Александр Николаевич – канд. ист. наук, доцент Белорусского национального технического университета.

Киеве, хотя взаимоотношения были шире и многограннее. Впервые на это обращает внимание в монографии «Украинский Брестский мир» [4] российская исследовательница И.В. Михутина, которая освещает попытки руководителей Украинской народной республики (УНР) оказать влияние осенью 1917 г. на развитие политических событий в России и Белоруссии, используя экономические рычаги давления. В 2010 г. появилась монография белорусского исследователя А.Н. Куксы, посвященная анализу белорусско-украинских отношений в 1917–1922 гг., в которой затрагиваются и аспекты торгово-экономического сотрудничества [5]. Этой же теме посвящена данная статья.

В условиях Первой мировой войны структуры местного самоуправления должны были самостоятельно решать продовольственные вопросы, так как существовавшая система государственных заказов давала значительные сбои. В 1917 г. продовольственный комитет Минской городской думы под руководством помещика Р.А. Скимунта активно изучал как возможности внутреннего рынка, так и перспективы соседних регионов. Этот период показал важность украинского рынка для белорусских губерний и наметил пути налаживания взаимовыгодных торговых контактов.

После подписания Брестского мира доступ заготовительным организациям РСФСР на украинский хлебный рынок был ограничен правительством УНР в связи с необходимостью обеспечить выполнение обязательств украинских властей по поставкам продовольствия Германии и Австро-Венгрии. Белорусские губернии также вошли в сферу влияния этого соглашения, но условия немецкой оккупации осложнили товарооборот с Украиной. Военные реквизиции, нехватка вагонов и отказ крестьян сдавать продукты привели к тому, что товары, уже закупленные белорусскими агентами, не было возможности вывезти за пределы украинских губерний. Представители минского самоуправления даже обратились за помощью к оккупационным властям, которые пообещали выделить офицера и нескольких солдат для доставки продуктов в белорусские губернии, но так и не выполнили обещанного. Тем не менее, в апреле 1918 г. представители минского самоуправления констатировали: «Имея в виду, что товарообмен с Великороссией ныне затруднен, или, вернее, не возможен, прежде всего, необходимо установить тесные сношения с Украиной и оккупированными местностями. Поэтому нужно: 1. совместное выступление Думы и Губернского Земства перед немецкими властями относительно скорейшей организации товарообмена; 2. решительное проведение мер по разрежению населения, т.е. по отправлению как на Восток, так и на Запад всего пришлого элемента» [6. Л. 233].

Приход к власти на Украине в апреле 1918 г. П.П. Скоропадского способствовал обращению взглядов в сторону Киева той части белорусского общества, которая поддерживала тесные торгово-экономические связи с украинскими партнерами и выступала против установления советской власти. Помещики Могилевской губернии в преддверии освобождения белорусских территорий от немецких войск предлагали гетману заключить белорусско-украинскую унию, учитывая давние торгово-экономические связи и зависимость белорусского рынка от поставок украинского хлеба.

Но отношение к правительству гетмана П.П. Скоропадского у значительной части белорусского общества было негативным. Особое недовольство политика нового украинского правительства вызывала у Минской губернской земской управы, так как в мае 1918 г. в земском собрании не приняли участия представители некоторых земств, в том числе и «представители Мозырского уезда, порвавших связь с Минщиной и присоединившихся к Украине». Видимо, на членов Минской управы, в большинстве социалистов, оказало влияние сообщение, что «на Украине земельными собственниками совершен переворот. Рада разогнана и объявлено гетманство. Гетманом сам себя назначил генерал Скоропадский. Одним из первых

его актов был закон об отмене социализации земли и восстановлении помещиков в своих правах» [7. С. 1].

Между тем попытки наладить товарооборот между украинскими и белорусскими территориями наталкивались на серьезные объективные преграды (оккупация, финансовая неопределенность, разруха в экономике), что не позволило установить прочные связи. Более успешно действовали заготовительные организации местного самоуправления. Рада Белорусской народной республики (БНР) предпринимала попытки выйти на государственный уровень (была создана даже Белорусская торговая палата в Киеве, в декабре 1918 г. составлено соглашение, призванное регулировать товарооборот между Белоруссией и Украиной), но реализация этих намерений на практике давала минимальный эффект.

Обращала внимание на украинский рынок и Советская Россия. Декабрь 1918 г. ознаменовалась обострением продовольственного кризиса и актуализацией в связи с этим вопросов установления торгово-экономических связей с украинскими политическими структурами. Этот вопрос поднимался несмотря на идеологические расхождения и разрыв дипломатических отношений (советская делегация, возглавляемая Х.Г. Раковским, так и не подписав мирного соглашения, в октябре 1918 г. уехала из Киева).

Население находилось в тяжелом продовольственном положении, в связи с чем особые надежды советское правительство возлагало на весну 1919 г., когда предполагалось получить доступ к украинскому хлебному рынку. В Смоленске на заседании фронтового продовольственного Совета сообщалось, что «в губернии продовольствия больше чем недостаточно. Имеющихся запасов безусловно не хватает, в связи с чем пришлось ездить на Украину и заручиться со стороны Украинской Рады согласием выслать нужное количество хлеба. В обмен на хлеб Рада запросила о высылке предметов производства, в том числе мануфактурного товара. Обещание на выполнение выставленных Радой условий было дано». Совет принял решение отправить в Киев заместителя уполномоченного Западного фронта В.Ф. Высоцкого, представителя интендантства и Областного комитета «для выяснения причин не посылки с юга на Западный фронт хлеба и принятия перед Украинской Радой соответствующих шагов в смысле уговора ее посылать хлеб Западному фронту ввиду того, что таковой в настоящее время находится в критическом положении» [8. Ф. 806. Оп. 3. Д. 2. Л. 121].

6 января 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство отказалось от названия УНР, новым официальным названием стало: Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), тогда же была создана и Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ). Приход к власти однотипных политических структур облегчил доступ к хлебным районам. Для обеспечения безопасности хлебных путей из состава ССРБ в пользу РСФСР были изъяты некоторые территории, кстати, среди белорусских губерний считавшиеся хлебными. В ответ на попытку коллегии Минского райпродкома от 17 января 1919 г. подчинить губернские продовольственные комитеты Смоленской, Могилевской и Витебской губерний комиссариату продовольствия Белоруссии комиссия продовольствия РСФСР 3 февраля 1919 г. направила выписку из протокола заседания 13 января 1919 г. о ликвидации комитета по снабжению Западного фронта (Снабзапа). В выписке говорилось о том, что «губпродкомы Смоленской, Могилевской и Витебской губерний следует считать в настоящее время совершенно не зависящими от Компрода Белоруссии и что означенные губпродкомы будут включены в сметы Народного комиссара по продовольствию РСФСР» [8. Ф. 806. Оп. 1. Д. 10. Л. 1].

Для решения продовольственного вопроса в РСФСР провели национализацию торговли. Эти мероприятия предполагалось распространить и на территории всех советских республик. В то же время, оценивая последствия национализа-

ции, А.Ф. Мясников указывал на то, что «она почти везде прошла – и в Питере, и в Москве, и у нас в Смоленске. Но как прошла? Определенно скажу: скверно. И все это потому, что, не создавши нового аппарата, мы разрушили старый». Не поддерживая пути решения вопроса, разработанные в центре, в то же время он указывал на оптимальный подход, используемый в Минске. Необходимость объединения всех усилий объяснял тем, что для преодоления «разрухи, которую теперь мы наблюдаем в нашей экономической жизни, нужно объединить все наши продовольственные органы в один орган – Высший совет народного хозяйства, т.е. надо поставить предел временному параллелизму, который мы наблюдаем до сих пор» [8. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 5. Л. 5]. Таким образом, Мясников призывал объединить продовольственные аппараты органов местного самоуправления и комиссариат продовольствия ССРБ.

Сложность решения продовольственного вопроса в условиях отсутствия соответствующих структур и подготовленных специалистов привела к необходимости использовать закупочный аппарат, ранее созданный местными органами самоуправления. Так, постоянный представитель Минской городской думы на Украине И.В. Теумин получил 14 февраля 1919 г. мандат и от комиссариата продовольствия ССРБ. Он был уполномочен представлять интересы коллегии комиссариата продовольствия Белоруссии во всех правительственных и общественных учреждениях Украины. На него возлагалась обязанность «вступать в соглашение с правительственными и иными учреждениями, закупать для Компрода Белоруссии различного рода продовольственные продукты, нормированные и ненормированные, предоставлялось право заключать различного рода сделки и договоры с правительственными, общественными организациями и частными лицами по закупке и отправке различных товаров и по товарообмену» [8. Ф. 806. Оп. 2. Д. 13. Л. 12]. Однако стремление В.И. Ленина обеспечить продовольствием в первую очередь сначала центр осложнили деятельность на территории Украины белорусских заготовительных организаций.

16 февраля 1919 г. заместитель народного комиссара продовольствия РСФСР Н.П. Брюханов и председатель ВЦИК Я.М. Свердлов поставили в известность комиссара продовольствия Белоруссии М.И. Калмановича о недопустимости самостоятельной заготовки хлеба Белорусской республикой на территории Украины. Свою позицию они аргументировали тем, что большое число заготовительных аппаратов различных организаций может нарушить единство действий в области заготовок. В подтверждение этого указывалось на то, что установленные комиссариатом продовольствия ССРБ предельные цены превышали твердые цены в соседних губерниях в 2–3 раза, что могло привести к срыву заготовок, как соседними губерниями, так и украинскими. В то же время 17 февраля в телеграмме, подписанной Лениным и Брюхановым, указывалось на то, что препятствия в работе Чрезвычайной контрольно-закупочной комиссии, которая занималась заготовкой продовольствия для снабжения Красной армии и голодающих центров, «будет рассматриваться как противодействие советской власти и караться по всей строгости революционных законов» [8. Ф. 806. Оп. 2. Д. 2. Л. 73]. Это заставило перестроить работу белорусских организаций, ориентировавшихся на украинский рынок.

Развал государственных заготовительных организаций привел к активности частных лиц. Так, С.Ф. Грабильников из Харьковской губернии обязался поставить до 500 тыс. кос. Но это не способствовало комплексному решению вопроса, в связи с чем встал вопрос об организации агентурной сети. От инструктора П.К. Орлова поступило предложение создать общее представительство комитета Западного фронта и Народного комиссариата продовольствия ССРБ на территории Украины под председательством сотрудника управления базисными складами Р.Л. Левитаса (находился в Харькове). Последний считал это предложение при-

емлемым, так как оно позволяло белорусам на выгодных условиях проводить самостоятельные заготовки, хотя руководство и оставалось за продовольственным комитетом Западного фронта. На это Калманович заметил, что общее представительство на территории Украины необходимо, но грузы, назначенные Минской губернии, предлагал отправлять в Минск. В образованную Особую закупочную комиссию на Украине предложили делегировать от комиссариата продовольствия Левитаса, которому поручалась и организация закупочного аппарата. В фонд этой комиссии для закупок продовольствия предложили внести 5 млн рублей. Для более эффективного выполнения поставленных задач приняли решение уполномочить Левитаса провести переговоры с комиссариатом Украины о выделении производящего района для закупок белорусскими продовольственными организациями. Для того чтобы не нарушать плановых закупок Народного комиссариата продовольствия РСФСР, было принято решение обратиться и в Москву для выяснения того, какие продукты и товары могут быть отпущены на территории Украины. Действия белорусской стороны увенчались успехом. 26 февраля 1919 г. комитет продовольствия Белоруссии был извещен об определении украинским правительством особого района для хлебных заготовок.

В феврале 1919 г. началось наступление польских войск, что значительно актуализировало вопросы поставок украинского продовольствия в Белоруссию. В результате слияния Белоруссии и Литвы комиссариат продовольствия 3 марта 1919 г. был переведен в Вильно. На этом этапе сосуществовали две диаметрально противоположные тенденции в белорусско-украинских торгово-экономических отношениях. С одной стороны начали *рушиться* только наметившиеся организационные связи, с другой – продолжались попытки *централизовать* закупочные операции. Особое место в это время отводилось Гомелю как узловой станции между украинским хлебным рынком и промышленными центрами России. На заседании коллегии при Народном комиссариате продовольствия РСФСР 13 марта 1919 г., после доклада М.И. Фрумкина, постановили разрешить Гомельскому упродкому самостоятельно закупать хлеб для снабжения уезда и армии по железнодорожной линии Гомель – Бахмач, о чем предлагали поставить в известность комиссариат продовольствия Украины. Сложности, наметившиеся в проведении закупок государственными структурами, привели к тому, что 21 марта 1919 г. Центральному рабочему кооперативу на заседании коллегии народных комиссаров ССР Литвы и Белоруссии (ЛиБ) было предоставлено право проводить самостоятельно закупку ненормированных продуктов на территории Украины.

В то же время на пути сближения советских республик появляется ряд проблем, связанных с условиями военного времени. 16 мая 1919 г. в Киеве было заключено соглашение между народным комиссаром социального обеспечения УССР М. Зубковым, председателем Мозырского уездного совета народного хозяйства Я. Раховским и уполномоченным продовольственного комиссариата А. Розиным о поставках в Мозырь 10 тыс. пудов муки, 500 пудов подсолнечного масла и 1 400 пудов сахара взамен дров, строительных материалов, а также соли. Мозырский Совет народного хозяйства соль отгрузил, но продовольствие из Украины так и не поступило. Инструктор Наркомпрода А.С. Натансон, прибывший в освобожденный от войск С.В. Петлюры Мозырь, в докладе от 7 июня 1919 г. сообщал, что «старая коллегия все время косила глаза на Украину. Туда посылались делегации, даже заключен был договор с Наркомсобесом Украины. Был послан в Новгород-Волынский вагон соли в обмен на хлеб. Правда, хлеба Мозырский уезд не получил» [8. Ф. 806. Оп. 1. Д. 8. Л. 223].

Усугубилось положение белорусских губерний и в связи с тем, что относительно дешевые водные пути сообщения практически не функционировали. Из Гомеля пароходы в Киев не отправлялись. Заведующий центральным транспортным управлением Г.В. Гаген сообщил в мае 1919 г., что на Мозырском участке име-

лось лишь одно исправное судно. «Пять пароходов во время набега петлюровцев были эвакуированы в Киев. Прежде курсировавшие между Мозырем и Киевом пароходы не посылаются теперь Мозырским управлением дальше устья Припяти из боязни захвата их Киевом. По тем же, вероятно, соображениям последний не шлет своих пароходов на Припять» [8. Ф. 806. Оп. 3. Д. 3. Л. 437]. В связи с этим очень кстати было предложение, поступившее продовольственному комиссариату Белоруссии от исполнительного комитета Северной железной дороги, закупить продовольствие на Украине, направив половину в РСФСР. Имея собственные маршрутные поезда, Северная железная дорога могла помочь Белоруссии вывезти на Украину строительный лес, фанеру, стекло, спички и прочее и привезти оттуда продовольствие. Такой товарообмен был взаимовыгоден. Украина крайне нуждалась в лесоматериалах для поддержания работы угольных шахт, и центральная власть как могла старалась ей в этом помочь. В связи с возникшей потребностью в лесе для угольных шахт в Екатеринославле 8 мая 1919 г. последовал запрет на его сплав для негосударственных организаций. Учетно-распределительный отдел РСФСР отправил телеграммы в Смоленск, Минск и лесничества следующего содержания: «Сплав лесных материалов на Украину для товарообмена сосредоточить в руках учетно-распределительного отдела сплавлескома Литвы и Белоруссии, и никаким отдельным организациям сплав не разрешается» [8. Ф. 806. Оп. 1. Д. 90. Л. 160].

В связи с военными действиями украинскую сторону интересовали и имеющиеся в белорусских губерниях запасы сена. В феврале 1919 г. заведующий сеным подотделом И. Завадский обратился в Смоленский губпродком с просьбой *одолжить* шесть возовых весов сена. 29 марта 1919 г. он же сообщил, что в Речицком уезде Киевским военным ведомством было заготовлено сена до 60 тыс. пудов, но оно не было отправлено и продано: часть Городнянскому совнархозу Волынской губернии, а часть – населению. Всего в июле планировалось заготовить 3 млн пудов сена для нужд армии, учреждений ССРЛиБ и нарядов наркомпрода [8. Ф. 806. Оп. 1. Д. 100. Л. 43].

Актуализируется в это время и вопрос поставок стекольной продукции на Украину. Так, заведующий Минским губпродкомом Я.Ф. Перно обратился 11 апреля 1919 г. в Слуцкий продовольственный комиссариат с просьбой разрешить рабочему кооперативу Старевского стекольного завода закупать в их уезде продукты. «Слуцкий уезд находится в непосредственной близости к заводу, и при обилии здесь продовольственных продуктов рабочие их могут получать по относительно низким ценам. Имея в виду громадную роль, которую играет данный завод в товарообмене с Украиной, поставляя в большом количестве стекольные изделия, Губсовнархоз надеется, что желание рабочих будет удовлетворено» [8. Ф. 806. Оп. 1. Д. 90. Л. 241]. Ввиду проявляющейся обоюдной заинтересованности правительственные структуры пытались скоординировать усилия для решения продовольственного вопроса. 10 апреля 1919 г. для организации представительства на Украину был отправлен заведующий отделом Минского губернского продовольственного комитета Н.Д. Зальманов. Контора должна была состоять из информационного, организационного и заготовительного отделов. Все контакты с центральными органами УССР должен был проводить председатель или по его поручению член коллегии.

После захвата польскими войсками Вильно правительственные учреждения ССРЛиБ были переведены в Минск, что послужило началом нового этапа в белорусско-украинских отношениях. 29 апреля 1919 г. Минский губпродком был слит с продовольственным комиссариатом ССРЛиБ. Директива от 1 июня 1919 г. о создании военно-политического союза советских республик подчиняла общему руководству народные комиссариаты, которые должны были содействовать финансово-экономической мощи нового объединения. В соответствии с этим, на-

правленный в июне 1919 г. в Волынскую губернию для заготовки хлеба уполномоченный Народного комиссариата продовольствия ССРЛиБ А.П. Жарский был наделен достаточно широкими полномочиями. Ему предоставлялось право «ре-визии всех продовольственных складов, принадлежащих как учреждениям, имениям, так и частным лицам, и изъятия излишков всеми способами вплоть до реквизиции как в имениях, так и у зажиточных крестьян; организовывать ссыпные пункты; приглашать необходимых сотрудников, а также контролировать правильность ведения учета нового урожая» [8. Ф. 806. Оп. 1. Д. 72. Л. 9].

Дальнейшее продвижение вглубь территории Белоруссии польских войск вновь внесло коррективы во взаимоотношения между правительственными учреждениями Белоруссии и Украины. 7 июля 1919 г. большая часть работников Народного комиссариата продовольствия ССРЛиБ эвакуировалась из Минска в Бобруйск. Меньшая часть во главе с М.И. Калмановичем осталась в Минске. Уже 9 июля 1919 г. из Бобруйска в Киев была отправлена большая белорусская делегация в составе председателя Центрального представительства Народного комиссариата продовольствия ССРЛиБ на Украине Н.Д. Зальманова, а также членов представительства – В.К. Туркина, А.Р. Левитаса, И.Н. Осиповича, А.Б. Литвина, П.К. Орлова и др. 19 июля в Киев отбыл представитель президиума Совета народного хозяйства ССРЛиБ Я.О. Гольдин, в качестве заместителя Н.Д. Зальманова. Представительство ССРЛиБ наделялось довольно широкими полномочиями. Председатель Центрального представительства на Украине имел право выступать «от имени народного комиссариата продовольствия и ВСНХ ССРЛиБ во всех учреждениях и организациях УССР; заключать всякого рода сделки; получать и взыскивать от всяких учреждений и лиц суммы, причитающиеся народному комиссариату ССРЛиБ» [8. Ф. 806. Оп. 1. Д. 71. Л. 9]. Для оперативного обеспечения фронта вагоны с продовольствием предполагалось отправлять в Минск. Но это вносило путаницу в распределение товаров, в связи с чем заместитель комиссара продовольствия И.П. Василевич сообщил в Киев представителю делегации Западного фронта Р.Л. Левитасу, что считает нецелесообразным руководить работой на местах из двух центров – Минска и Бобруйска. Принимая во внимание откомандирование большинства ответственных сотрудников на Украину, было принято решение поручить Комиссариату продовольствия в Бобруйске всю работу кроме распределения и выполнения нарядов, так как организационное дело было сосредоточено в Минске под руководством находящегося там М.И. Калмановича. С 19 июля 1919 г. Народный комиссариат продовольствия ССРЛиБ был переименован в Минский губернский продовольственный комитет.

В условиях угрозы оккупации территории Белоруссии польскими войсками начался процесс ликвидации правительственных учреждений ССРЛиБ, но в силу объективных причин растянулся во времени. Ввиду важности для Москвы продовольственного вопроса первым был переподчинен центру Комиссариат продовольствия. На основании Декрета ВЦИК еще от 27 мая 1919 г. ликвидационная комиссия комиссариата продовольствия ССРЛиБ была подчинена Народному комиссариату продовольствия РСФСР, но формироваться она начала только 26 августа 1919 г. в Смоленске, с этого момента прекратилось финансирование всех операций комиссариата продовольствия ССРЛиБ. Последние дни продовольственного комиссариата в Минске описаны в докладной записке уполномоченного по продовольственным делам А.С. Гайко. По его докладу уже 8 августа, с раннего утра, в Минске было довольно тревожно. «К часу дня уже стало ясно, что работу продолжать невозможно, так как неприятельские вооруженные силы подошли вплотную к городу. Со станции Минск Либаво-Роменской железной дороги я уехал последним поездом в Бобруйск вместе с членами городского Совета, т. Циховским и др.» [8. Ф. 806. Оп. 1. Д. 40. Л. 6].

Подведем некоторые итоги. Важность украинского хлебного рынка для белорусских и российских губерний в 1919 г. сохранялась как при германской оккупации, так и в ходе создания и существования различных форм советской государственности. Изначально товарообмен строился на взаимовыгодных основах. Закупки белорусской стороной сопровождались выгодной ценой за приобретаемые товары. Украинская же сторона была заинтересована в поставках белорусской продукции: строительного леса, фанеры, стекла, спичек и пр. Но активность взаимообмена зависела от организации поставок товаров как в плане транспортировки, так и выполнения условий соответствующих соглашений между физическими лицами, частными предприятиями и государственными структурами. Ввиду этого важную роль могли бы сыграть водные пути сообщения, но из-за военных действий и политической анархии они практически не использовались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Козляков В.Е.* Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (На материалах России, Белоруссии, Украины). Минск, 2001; *Круталевич В.А.* О Белорусской Народной Республике (Аналитические заметки и комментарии). Минск, 2005; *Лазько Р.Р.* «Перагаворы» Антона Луцкевича ў Маскве як міф беларускай гістарыяграфіі // Беларускі гістарычны часопіс. 2007. № 4; *Сташкевич Н.С.* Беларусь в период гражданской войны и военной интервенции 1918–1920 гг. // Республика Беларусь. Энциклопедия: в 6-и т. Минск, 2006. Т. 1.
2. *Паўлава Т.Я.* Вытокі дыпламатыі БНР // Беларуский журнал права и международных отношений. 1999. № 3; *Саракавік І.А.* Удзел Беларусі і Украіны ва ўтварэнні Саюза ССР: спроба новага погляду // Беларусь – Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін матэр. міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 18–19 сакавіка 2003. Мінск, 2004; *Трацяк С.А.* Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапада 1917 – студзень 1919 г. Мінск, 2009; *Ціхаміраў А.В.* Станаўленне і развіццё беларуска-украінскіх адносін у 1918–1920 гг. // Вестник Белорусского государственного университета. 2005. Сер. 3.
3. *Лебедзева В.* БНР – УНР: першы вопыт дзяржаўных стасункаў (вясна 1918 г.) // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. Брянск, 2002. Вып. 4; *Ямкова О.М.* До історії діяльності білоруської торговельної палати в Києві у 1918–1919 роках // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы матэр. II Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гомель, 9–10 кастрычніка 2008. Гомель, 2008.
4. *Михутина И.В.* Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007.
5. *Кукса А.Н.* Взаимодействие национальных движений Белоруссии и Украины в 1917–1922 гг. Минск, 2010.
6. Национальный исторический архив Белоруссии. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3677.
7. *Злобин П.В.* С VII очередного Минского Земского Собрания // Наше земское дело. 1918. 17 V.
8. Национальный архив Республики Беларусь.

© 2012 г. Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

О СУДЬБЕ ПЕРВОГО ТОМА «УЧЕНЫХ ЗАПИСОК» ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

В статье рассматривается история появления двух первых томов «Ученых записок» Института славяноведения АН СССР и обстоятельств, с ними связанных.

The article considers the history of publication of the first two volumes of *Learned Proceedings* of the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR, and of the circumstances, connected with this project.

Ключевые слова: «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР, советско-югославские отношения.

Существующий в настоящее время в рамках Российской академии наук Институт славяноведения был создан решением Президиума АН СССР от 20 сентября 1946 г. Первый приказ, которым были зачислены в штат Института его первые научные сотрудники, был подписан 31 декабря того же года. Эта дата считается «отправной точкой в истории Института, началом его деятельности» [1. С. 35]. Уже в первый год работы, 1947 г., самое серьезное внимание Институт уделил подготовке к печати научных исследований. Об этом говорит уже то, что в том, первом, году своей деятельности Институтом было опубликовано около 40 п.л., а в следующем, 1948 г., объем его изданий возрос почти в два раза и составил до 70 п.л. [1. С. 36], в числе которых были и вышедшие под его грифом «Документы к истории славяноведения в России (1852–1912)» и первый том «Ученых записок» Института [2. С. 284]. В некоторых справочно-информационных и библиографических источниках 1948 год указывается как год, когда «начали издаваться “Ученые записки” Института славяноведения» [3. С. 6]. Отмечается, что Институт «нуждался в постоянном печатном органе, который служил бы своеобразным центром объединения советских славяноведов» и что «таким органом с 1948 г. стали “Ученые записки” Института, вышедшие до 1966 г. (было издано 30 томов)» [3. С. 6; 4. С. 4]. В источниках даются и полные библиографические сведения о самом первом томе – «Ученые записки Института славяноведения. Т. 1. (Отв. ред. акад. Б.Д. Греков). М.; Л., Академия наук СССР, 1948. 412 с.» [5. С. 38; 6. С. 39], а в опубликованном в 1971 г. «Указателе статей и материалов, помещенных в серийных изданиях Института», приведены названия всех статей

Венедиктов Григорий Куприянович – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

и других материалов этого тома с указанием их страниц (полные данные о нескольких статьях приведены по их переизданию в т. 2 и 3 «Ученых записок» со ссылкой на издание т. 1, 1948 г.) [7. С. 115 и след.]. 1948 год как год выхода в свет первого тома «Ученых записок» указывается и в известных неинститутских библиографических справочниках по славяноведению. Так, в составленной И.А. Калоевой библиографии работ по советскому славяноведению, опубликованных в 1918–1960 гг., в списке важнейших использованных автором источников видим и «Ученые записки» Института за 1948–1960 гг. [8. С. 395]. Но есть и такие справочно-информационные издания, в которых первый том «Ученых записок» Института 1948 года издания не указывается. Например, в списке основных изданий Советского Союза по славяноведению, приложенном к статье «Славяноведение» в «Советской исторической энциклопедии», начало серийного выпуска «Ученых записок» Института датируется 1949 г. [9. С. 31]. Том 1948 г. не включен в число использованных источников при составлении библиографического указателя советской литературы по славянскому языкознанию, изданной в 1918–1960 гг. [10], чем и объясняется отсутствие в нем напечатанных в этом томе статей С.Б. Бернштейна «К изучению редакций болгарских списков «Сокровища» Дамаскина Студита» и В.Т. Дитякина «П.И. Прейс (К 100-летию со дня смерти)».

На приведенных в различных источниках разного времени данных относительно года издания (1948) первого тома «Ученых записок» Института славяноведения заострять внимание не было бы никакой необходимости, если бы в следующем (1949) году Институтом не был выпущен в свет *другой первый* том. В самом начале небольшого предисловия «От редакции» в этом томе сказано: «Институт славяноведения Академии наук СССР *начинает настоящим томом* выпуск своих “Ученых записок”, которые, в отличие от самостоятельно издаваемых больших монографий и сводных коллективных трудов, являются основной формой публикации исследований сотрудников» (курсив мой. – Г.В.) [11. С. 3]. Ответственным редактором этого (другого) первого тома, как и предыдущего, изданного в 1948 г., был директор Института акад. Б.Д. Греков. (Вероятно, в обоих случаях была и редколлегия этих томов, но ее состав не указан.) Перед нами своего рода любопытный научно-издательский казус: Институт Академии наук во главе с директором, выдающимся историком, публично на страницах своего научного издания фактически отрекся от только что (менее чем за год до этого) вышедшего в свет первого тома «Ученых записок», который *уже положил начало* этому серийному институтскому изданию. Никаких разъяснений в самом новом первом томе или где-то в другом месте по этому курьезному в издательской практике поводу Институтом сделано не было. Руководство Института, таким образом, сделало вид, что никакого тома «Ученых записок» в 1948 г. Институт не издавал, хотя не только авторы опубликованных в томе статей, но и все сотрудники Института и ученые других учреждений Академии наук прекрасно знали, что в 1948 г. такой том был-таки издан. Оставив ученых в неведении (в недоумении?) о причинах своего странного решения, тогдашнее руководство Института как бы отправляло этот том в историографическое небытие. Правда, в последовавших позднее некоторых институтских и других изданиях справочно-информационного и библиографического характера указывается не только сам этот том, но и его содержание – опубликованные в нем статьи и другие материалы. Так что данные о существовании самого этого тома и составе статей в нем в отечественной историографии второй половины прошлого века были, но содержание его статей и других материалов в течение нескольких десятилетий, до 1990-х годов, очевидно, было известно только их авторам и тем немногим другим ученым, которым удалось получить том сразу же по выходе его из печати. Большинству же ученых свободный доступ к тому оказался закрыт, поскольку он немедленно был изъят из продажи, какая-то часть его тиража (надо полагать, совсем незначительная) оказалась в за-

крытых фондах (спецхране) библиотек (в спецхране Государственной библиотеке им. В.И. Ленина он находился до 90-х годов XX в.) и лишь единичные экземпляры удержались в личных библиотеках немногих ученых. Многообещающее и, как казалось, успешное начало научно-издательской деятельности Института, таким образом, уже на втором году его жизни было омрачено крайне неприятной историей, случившейся с «Учеными записками». С позиций понятий того времени эта история – серьезный провал в работе Института, но это был провал, в котором Институт был совершенно не повинен.

Так началась авторитетная тридцатитомная [1. С. 36] (точнее – тридцатиоднотомная) серия «Ученых записок» Института, в которых было опубликовано большое число исследований по проблемам истории, литературы, языкознания и других областей современного славяноведения. Первый том «Ученых записок», сыгравших в 40–60-е годы прошлого века важную роль в расширении и популяризации славистических исследований в Советском Союзе и быстром росте научного авторитета вновь созданного Института как одного из центров мировой славистики, на полстолетия оказался выключенным из исследовательской жизни отечественных славяноведов. Его место как тома, открывшего в 1948 г. серийное издание «Ученых записок» Института, все это время как бы официально, но не по праву занимал *другой* первый том, вышедший в свет в 1949 г. Так и получилось, что в историю славяноведческих трудов нашей страны вошли фактически два первых тома «Ученых записок» Института, различающихся содержанием (составом статей и других материалов) и годами издания.

В обсуждаемой здесь судьбе первого тома «Ученых записок» (1948 г.) пока много неясных вопросов. Одинаковая нумерация двух первых разных томов, породившая путаницу в их библиографическом описании, в указанных выше институтских историко-информационных очерках и библиографических описаниях никак не объясняется. Понятно, что такая нумерация – лишь легкий намек на то, что отречение Института от изданного им же тома «Ученых записок», ответственным редактором которого, как сказано выше, был его директор акад. Б.Д. Греков, не могло не быть вызвано очень серьезной причиной. Кажется невероятным, чтобы Институт по собственной инициативе отрекся от взлелеянного тома всеми ожидавшегося серийного издания, невероятным потому, что такое решение в научных и других кругах было бы воспринято как самопризнание в научно-издательской несостоятельности. Это был бы грандиозный скандал, который поставил бы Институт в весьма затруднительное и неблагоприятное положение перед руководством Академии наук и директивными органами государства с трудно предсказуемыми для него последствиями. Судьба первого тома «Ученых записок» была решена, очевидно, в соответствующей структуре директивных органов, жесткость решения которой была продиктована разрывом советско-югославских отношений, острой критикой политики Югославии и Йосипа Броз Тито. Это произошло, как известно, летом 1948 г. Тогда в условиях широкой общественно-политической антиюгославской кампании под горячую руку, надо полагать, из директивных органов в Президиум Академии наук, ее издательство и Институт славяноведения были направлены соответствующие письменные (едва ли только устные) предписания или по крайней мере не терпящие возражений рекомендации относительно первого тома «Ученых записок» с возможным указанием причин, по которым это издание необходимо было срочно изъять из продажи, засекретить библиотечные экземпляры и надлежащим образом поступить с оставшейся на издательском складе и в книжных магазинах частью тиража. В Академии наук и в Институте, в частности, предписания или рекомендации были, естественно, исполнены. Никакие официальные документы, касающиеся запрета первого тома «Ученых записок», мне не известны, и я не могу подтвердить ими изложенную здесь версию. Я опираюсь здесь только на те сведения, которые сообщил мне С.Б. Бернштейн

в состоявшейся в апреле 1997 г. беседе, и на сведения, содержащиеся в его дневнике, недавно опубликованном М.Ю. Досталь и А.Н. Горяиновым в числе других интереснейших мемуарных материалов, собранных в книге С.Б. Бернштейна «Зигзаги памяти» [12].

С.Б. Бернштейн – выдающийся советский (российский) филолог-славист, сделавший исключительно много для возобновления в годы Отечественной войны университетского славистического образования и развития славистической науки в нашей стране во второй половине XX в. Много лет он возглавлял воссозданную в Московском университете кафедру славянской филологии. Он был в числе первых научных сотрудников, принятых в только что созданный Институт славяноведения, где сначала был руководителем сектора славянской филологии, а после его разделения на литературоведческий и языковедческий – руководителем сектора славянского языкознания, который возглавлял более четверти века. С.Б. Бернштейн был авторитетным и активным участником формирования Института – разработки его научно-исследовательской проблематики, подбора и подготовки кадров, издательской деятельности, развития международных научных связей. Многие вопросы жизни Института, инициатором и участником решения которых он был, нашли отражение в упомянутых выше его мемуарных материалах в книге «Зигзаги памяти» – книге, содержащей много важных и интересных данных по истории отечественного славяноведения в послевоенные десятилетия. К числу таких данных следует безусловно отнести и его сведения, касающиеся первого тома «Ученых записок». Вот эти сведения.

12 марта 1948 г. в дневнике С.Б. Бернштейн записал: «Сегодня получил [...] верстку статьи «К изучению редакций болгарских списков «Сокровища» Дамаскина Студита», которая печатается в «Ученых записках Института славяноведения»» [12. С. 122]. Через несколько дней, 15 марта, он сделал запись о верстке другого своего материала в этом томе: «Сегодня читал верстку своей рецензии на “Ученые записки МГУ”, которая печатается в первом томе “Ученых записок” Института славяноведения» [12. С. 122]. Даты приведенных записей показывает, что в только что начавшем свою деятельность Институте по условиям того времени этот том довольно быстро был собран и подготовлен к печати, так же быстро он был отредактирован в издательстве и, подписанный к печати 22 марта 1948 г., направлен в типографию. Без особых задержек том был тиражирован, о чем говорит следующая дневниковая запись – от 29 мая 1948 г.: «Сегодня вышел сигнальный экземпляр трудов Института славяноведения. В нем напечатана моя статья об изводах дамаскинов и рецензия на труды Московского университета о мировом значении русской науки. Издан том хорошо» [12. С. 124]. В конце мая том, таким образом, был полностью готов к выходу в свет, и ожидалось, как это видно из следующей записи С.Б. Бернштейна, что уже в июне 1948 г. он должен был попасть в руки читателей. В дневнике 28 августа Бернштейн записал: «Первый том трудов нашего Института задержан из-за статьи Цвиттера. Вместо июня том выйдет в октябре» [12. С. 126]. Из этой записи впрочем не совсем ясно, был ли в июне «задержан» уже готовый к выходу в свет том «Ученых записок» еще в издательстве, т.е. до поступления его в продажу, или же была «задержана» уже начавшаяся продажа его в магазине «Академкнига» и его киосках. В состоявшейся в апреле 1997 г. беседе С.Б. Бернштейн рассказал мне, как он сам купил этот том и, таким образом, из его слов следует, что «задержка» тома наступила после выхода его из издательства, когда он уже находился в продаже.

Из дневниковой записи Бернштейна от 28 августа следует, что в Институте «задержка» тома какое-то время не рассматривалась как непреложный запрет на его распространение вообще. Институтом и, наверное, руководством Академии предпринимались, по-видимому, какие-то шаги, чтобы снять запрет с злополучного тома. Еще в конце августа в Институте, видимо, надеялись, что вопрос этот может

быть решен положительно и что, как отмечает Бернштейн, «том выйдет в октябре». Однако надежды и ожидания Института оказались тщетными.

Таковы дневниковые записи С.Б. Бернштейна, касающиеся первого тома «Ученых записок» Института славяноведения АН СССР. Другие интересные сведения об этом томе известны мне из беседы с С.Б. Бернштейном, состоявшейся 3 апреля 1997 г., за полгода до его кончины, т.е. почти 50 лет после сделанных в дневнике записей. Он рассказал, что летом и осенью 1948 г. в Институте была очень тревожная и напряженная обстановка, вызванная задержкой первого тома «Ученых записок». Надо полагать, были и другие причины, и, может быть, даже более серьезные, которые могли в то время держать весь Институт в напряжении. Самуил Борисович сказал, что в Институте тогда был настоящий переполох, многие дрожали за судьбу Института и собственную, дрожал директор Института акад. Б.Д. Греков (он же, напомним еще раз, и ответственный редактор «Ученых записок»), дрожали авторы статей в только что изданном первом томе «Ученых записок», особенно авторы статей о Югославии. Отзвуком пережитых тогда Институту событий является, надо полагать, следующая дневниковая запись С.Б. Бернштейна от 1 ноября 1948 г.: «Сегодня в течение всего дня происходило заседание Института славяноведения. Были подвергнуты серьезной и глубокой критике многие работы. Досталось и мне за еще ненапечатанную рецензию. Кажется, она и не выйдет» [12. С. 127]. Упомянутая здесь «еще ненапечатанная рецензия» – это, вероятно, рецензия Самуила Борисовича на вып. 106 и 107 «Ученых записок Московского государственного университета», которая была напечатана в «задержанном» томе. К сожалению, в записи он не называет других работ, подвергнутых на «заседании» (Ученого совета, общего собрания коллектива Института?) «серьезной и глубокой критике». Едва ли я ошибусь, если скажу, что в центре такого критического разбора многих работ были статьи и другие материалы, опубликованные в только что вышедшем и тут же «задержанном» томе «Ученых записок», который к 1 ноября, когда состоялось заседание в Институте, наверняка уже был в списке запрещенных изданий и изъят из научного обихода. К тому времени слабая надежда на то, что, как в конце августа записал в дневнике С.Б. Бернштейн, том выйдет в октябре, уже рухнула, и Институту не оставалось ничего другого, как в сложившейся ситуации подвергнуть суровой критике собственные труды. Тем более, что авторами 14 из 24 статей и других материалов, опубликованных в «задержанном» томе «Ученых записок», были сотрудники Института – С.Б. Бернштейн, Б.Д. Греков, С.С. Гринберг, В.Т. Дитякин, В.Н. Кондратьева, В.Д. Королюк, И.Н. Мельникова, И.С. Миллер, М.В. Миско, С.А. Никитин, В.Н. Руколь, Г.Э. Санчук.

Нет никаких оснований ставить под сомнение то, что рассказал в упомянутой выше беседе С.Б. Бернштейн о ситуации и настроениях в Институте. Несмотря на преклонный возраст (в апреле 1997 г. ему шел 87-й год), он хорошо помнил многие подробности событий и поведения разных лиц, имеющих отношение к истории отечественного славяноведения в первые послевоенные десятилетия. После той беседы с Самуилом Борисовичем я просил здравствовавших и теперь еще здравствующих сотрудников Института, работавших в нем и в 1948 г., рассказать, что они помнят об истории с первым томом «Ученых записок» и ситуации в Институте летом и осенью того года. К сожалению, никто из моих собеседников не смог пополнить приведенных выше сведений С.Б. Бернштейна.

Прежде чем перейти к причине приключившейся неприятной истории с первым томом «Ученых записок» Института, отмечу еще рассказ С.Б. Бернштейна о том, как этот том оказался в его личной библиотеке. К сожалению, в его дневнике нет записи о том, когда именно (в какой день) это произошло. В беседе 3 апреля 1997 г. он сказал, что только что вышедший том был сразу же изъят из продажи, но ему удалось купить один экземпляр, уговорив продавца книжного

киоска на третьем этаже здания на Волхонке, 14, где тогда размещался Институт. Этот экземпляр обошелся ему во много раз дороже его номинальной цены. По его словам, тогда же и таким же образом у того же продавца первый том купили и другие сотрудники Института, авторы статей в этом томе, С.А. Никитин, В.Т. Дитякин, И.С. Миллер и, кажется, Г.Э. Санчук. Потом киоскер чуть ли не умолял С.Б. Бернштейна вернуть ему проданный том, но тот отказался это сделать, заявив, что то, что у него уже стоит на книжной полке, там и останется.

Обратимся теперь к главному вопросу: в чем злополучный первый том «Ученых записок» так провинился, что соответствующие структуры государственной власти спешно запретили его распространение и отправили на закрытое хранение в библиотеках. Впервые в печати «вина» этого труда названа в книге С.Б. Бернштейна «Зигзаги памяти», где в процитированной выше его дневниковой записи от 28 августа 1948 г. сказано, что «первый том трудов нашего Института задержан из-за статьи Цвиттера» и что «вместо июня том выйдет в октябре». Какая именно статья некоего Цвиттера (в «Содержании» тома его фамилия указана ошибочно – Цвитер) явилась причиной задержки тома, С.Б. Бернштейн не называет. Национальную (словенскую) принадлежность этого автора и название его статьи «Национальный вопрос в истории Словении» указали в примечании к цитируемой записи М.Ю. Досталь и А.Н. Горяинов, подготовившие «Зигзаги памяти» к публикации. Они же следующим образом объяснили и причину задержки тома: «Эта статья словенского ученого оказалась нежелательной ввиду советско-югославского конфликта 1948 г. Весь том был задержан цензурой. Институт славяноведения был вынужден присвоить его нумерацию (№ 1) следующему выпуску «Ученых записок». Со временем это вызвало путаницу в библиографии, сохранившуюся до сих пор» [12. С. 132. Примеч. 38]. Авторы примечания, так же как и С.Б. Бернштейн, видят причину «задержки» тома в публикации статьи словенца Ф. Цвиттера, оказавшейся «нежелательной» в условиях разразившегося глубокого политического и идеологического конфликта между СССР и Югославией, но не разъясняют, в чем заключалась «нежелательность» этой публикации – только ли в самом факте того, что в томе публикуется статья югославского ученого, или же и в том, что в ней излагаются какие-то «ошибочные» идеологические, политические и другие неприемлемые антимарксистские положения и др.

Понятно, что наличие в томе статьи югославского автора уже само по себе, независимо от ее содержания, в то время могло послужить и, наверное, послужило для соответствующих властных структур достаточным предлогом и основанием, чтобы подвергнуть «Ученые записки» суровой каре. Что же касается содержания статьи Ф. Цвиттера, то в ней, на мой взгляд, нет ничего, что бы именно оно стало решающим аргументом в необходимости сурово наказать ученое издание Института. В ней не восхваляются ни югославское руководство, ни его политика, о Й. Броз Тито в ней нет ни слова; правда, в ней по книге заместителя председателя правительства Югославии Карделя «Развитие словенского национального вопроса» цитируются следующие слова Дантона: «Набат является знаком не для паники, а для нападения на врага» [13. С. 318]. В статье Цвиттера отмечается, что в довоенной Югославии только нелегальная словенская коммунистическая партия «уже в 1925 г. заняла правильную позицию по национальному вопросу в Югославии, руководствуясь учением Сталина по этому вопросу» и что «27 апреля 1941 г., по инициативе компартии Словении, был создан из многих групп Освободительный фронт словенского народа, а после 22 июня 1941 г. началось вооруженное восстание партизан» [13. С. 318]. Но все это, как кажется, по существу не имеет такого значения, которое даже в тогдашних условиях разразившегося кризиса в советско-югославских отношениях диктовало бы необходимость «задержки» первого тома «Ученых записок» Института. Тем не менее в тех условиях уже само включение в него статьи югославского ученого, наверное, было признано грубой

политической и идеологической ошибкой и послужило предлогом для «задержки» и последовавшего за ней запрета на распространение первого тома «Ученых записок» Института.

Публикация статьи Цвиттера, однако, не была единственным предлогом и причиной столь суровой административной расправы с только что появившимся новым трудом Института. На мой взгляд, большим прегрешением издателей «Ученых записок» являлось, наверно, то, что в нем были опубликованы статьи (притом статьи *советских* авторов!), *содержание* которых в тех условиях в структурах руководства нашей страны не могло не быть воспринято как недопустимая пропаганда того, что говорилось в них о Югославии.

Например, в конце статьи «Из истории славянских научных связей» В.Р. Свирской утверждается: «Только теперь, когда героическая борьба национально-освободительного движения славянских народов увенчалась полным разгромом фашизма, после освобождения Болгарии, Чехословакии, Югославии от немецкого рабства силами Советской Армии, на почве нового подъема дружбы и доверия славянских стран, стран новой демократии к социалистической России, становится возможным действительное объединение и сплочение сил славянской культуры и науки» [14. С. 368]. Рисуемая автором перспектива «действительного объединения и сплочения сил славянской культуры и науки» после разгрома фашизма, в героической борьбе с которым отличился и югославский народ, «на почве нового подъема дружбы и доверия славянских стран», включая и дружественную Югославию, какой она была до лета 1948 г., не могла быть оставлена без внимания бдительного ока компетентных органов.

Еще большее неприятие, как мне кажется, должна была вызвать статья Н.Н. Соколова «Литературная жизнь в современной Югославской республике (Литературный обзор)». После перечня значительных событий в развитии литературы в Югославии в конце 1946 – начале 1947 г. автор большое внимание в обзоре уделяет состоявшемуся в ноябре 1946 г. съезду югославских писателей, цитирует оценку его работы, данную органом компартии Югославии газетой «Борба», и подробно в благоприятном духе излагает содержание доклада писателя Радована Зоговича «О нашей литературе, ее положении и ее современных задачах». В этом докладе, по словам Н.Н. Соколова, были охарактеризованы все изменения, которые произошли в политической, экономической и общественной жизни Югославии и которые до неузнаваемости изменили лицо страны, а вместе с этим и роль в ней писателя. В стране после ее освобождения оживилась литературная жизнь: «Обновление и перестройка страны, всего ее облика расширяют тематику, влечет писательский талант к воспеванию творческой энергии, энтузиазма строителей нового народно-демократического государства – рабочих, молодежи, интеллигенции, крестьян» [15. С. 396]. Далее Соколов отмечает, что в докладе Р. Зоговича речь шла также о «правовом и материальном положении писателей и их творчестве в современной Югославии» – улучшении условий для творческого труда, увеличении тиражей изданий, охране авторских прав, бюджетных средствах, выделяемых на обеспечение этих мер [15. С. 397]. «Интересно отметить, – писал Соколов, – что по этим же основным вопросам, затронутым в докладе Р. Зоговича, шла и беседа писателей с главой правительства маршалом Броз Тито» [15. С. 397]. Он отметил и другое важное событие в культурной жизни Югославии – состоявшееся в феврале 1947 г. первое в истории югославских народов награждение государственными премиями за лучшие литературные произведения и труды по искусству с начала освободительной войны и до конца 1945 г., которому газета «Борба» посвятила передовую статью под названием «Новый праздник нашей культуры» [15. С. 399]. Отметил Соколов и оценку этого события газетой «Борба», написавшей, что присуждение премий могло иметь место «лишь в новой Югославии, где существуют совершенно новые отношения между писателями и представителями искусства,

с одной стороны, и государством – с другой» [15. С. 399]. И наконец, приведя список награжденных государственными премиями югославских писателей и их сочинений, Н.Н. Соколов констатировал: «Советским литературоведам и писателям важно знать передовых талантливых своих славянских собратьев по перу и их произведения» [15. С. 400].

Рядом с приведенными выдержками из статей В.Р. Свирской и Н.Н. Соколова сама статья профессора Люблянского университета Ф. Цвитгера кажется едва ли не лишеной вообще сколько-нибудь серьезных оснований, чтобы считать ее предлогом (причиной) задержки «Ученых записок», о которой писал в дневнике С.Б. Бернштейн. Не исключено, что в Институте, чтобы смягчить собственную «вину» в публикации статей названных советских авторов, вольно или невольно старались акцентировать «вину» прежде всего словенского ученого, доклад которого «Национальный вопрос в истории Словении», прочитанный в Институте 23 апреля 1947 г., в виде статьи напечатан в этом томе.

В 1949 г., как сказано в начале статьи, Институт издал под номером 1 новый «настоящий» том «Ученых записок». Публичное отречение Института от опубликованного им же в 1948 г. тома под таким же названием кажется совершенно неправдоподобным. Руководство Института не могло не отдавать себе отчета в том, что, представляя новый том «Ученых записок», подготовленный к изданию в 1949 г. как первый том «Ученых записок», оно вводит читателей в явное заблуждение. Оно не могло не понимать, что и в Академии и вне ее стен определенному (наверное, не очень широкому) кругу ученых, издательских работников и разного рода чиновников, было известно, что первый том «Ученых записок» уже был опубликован годом ранее и потому в этих кругах представление читателям тома 1949 г. как *начала* серийного издания «Ученых записок» будет воспринято как ложь. Тем не менее руководство Института на это пошло. Понятно, что такое решение, затрагивающее научное реноме Института на втором году его деятельности, не могло быть спонтанным. За отсутствием каких-либо документов, касающихся непосредственно этого интересного вопроса, невозможно сказать определенно, чем все же мотивировалось публичное отречение Института от своего труда. По этому поводу возникает ряд вопросов, на которые однозначных ответов нет. Например, было ли оно решением самого Института (его дирекции, Ученого совета) или же было кем-то ему подсказано или навязано, чтобы Институт избежал каких-либо более суровых санкций. Другой вопрос: почему, оскандалившись с только что изданным первым томом «Ученых записок», Институт не отказался от названия данного серийного издания, чтобы каждый вышедший впоследствии новый его том не напоминал Институту о рассказанной выше крайне неприятной для него истории. Кажется, проще было бы продолжить серийное издание под другим названием, подобрать которое не составило бы никакого труда¹. Но заменить одно название печатного издания другим сам Институт (и даже Академия) не мог. Для этого потребовалось бы разрешение соответствующего правительственного ведомства, получить которое Институту, «провинившемуся» изданием «Ученых записок», в условиях острейшего советско-югославского политического и идеологического кризиса, было очень проблематично. Поэтому, наверное, Институт и решил в 1949 г. продолжить под номером 1 свое серийное научное издание с прежним названием «Ученые записки», предав тем самым забвению увидевший свет летом 1948 г. и тут же запрещенный властями первый том «Ученых записок».

¹ Вопрос об издании научного славистического журнала и его названии обсуждался параллельно с решением вопроса о создании Института. Предлагались разные названия журнала (бюллетеня). Еще 6 августа 1945 г., например, вице-президент АН СССР акад. В.П. Волгин в письме в ЦК КПСС к Г.М. Маленкову обращался с просьбой «разрешить приступить в 1946 г. к изданию журнала “Вопросы славяноведения”» и «если будет создан Институт славяноведения АН СССР – издание данного журнала может быть поручено ему» [16. С. 15].

Несколько слов о дальнейшей судьбе статей, напечатанных в оказавшемся под запретом томе. Некоторые из них в разное время были опубликованы в последующих томах «Ученых записок», например, в т. 2 (1950) статья И.С. Миллера «Крестьянское восстание в Подгальи в 1651 г.»; в т. 3 (1951) – статьи А.И. Барановича «Новый город Западной Украины XVI в. (Основание Староконстантинова)» и Б.М. Руколь «Письмо Поджио Браччиолини к Леонардо Аретинскому и рассказ Младеновица как источники об Мерониме Пражском»; в т. 4 (1951) – статья Л.В. Разумовской «Повинности крестьян в феодальной Польше». В 1957 г. в Болгарии вышла статья С.Б. Бернштейна «К изучению редакций болгарских списков «Сокровища» Дамаскина Студита» [17. С. 215–224]. С дополнениями и другими изменениями (включая и название статьи) в 1952 г. вышла статья С.А. Никитина «Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в.» [18. С. 89–122].

Любопытно отношение некоторых авторов к самому факту публикации их статей в первом томе после его запрета. В опубликованных еще при их жизни списках их печатных работ одни авторы свою статью из этого тома указывают, другие нет. К первым относятся, например, статья Б.Д. Грекова «Главнейшие задачи современного славяноведения» (см. [19. С. 95]) и названная выше статья С.А. Никитина [20. С. 299]. Но статья С.Б. Бернштейна и его рецензия «Ученые записки Московского государственного университета. Вып. 106 и 107» в изданную в 1971 г. библиографию его трудов не включены [21]. В списке работ И.С. Миллера, опубликованном в 1980 г. после его смерти, статья «Крестьянское восстание в Подгальи в 1651 г.» дана только в ее втором издании в т. 4 «Ученых записок» [22]. Чем объясняется умолчание о первой публикации статей в списках трудов их авторов, однозначно ответить трудно. Вряд ли здесь дело в забывчивости авторов. Пережитая ими история с запретом первого тома едва ли могла быть ими забыта. Вряд ли не знали о такой публикации и составители списков их трудов, так как трудно себе представить, чтобы они не обращались за консультациями и справками к авторам статей. И потому складывается впечатление, что умолчание упомянутых выше авторов о публикации ими названных здесь статей в 1948 г. объясняется, вероятно, нежеланием напоминать о своем участии в запрещенном томе «Ученых записок». Надо при этом иметь в виду, что запретные предписания цензуры в отношении этого тома, по-видимому, не были жесткими. Из сказанного выше видно, что в разных изданиях второй половины XX в., еще до освобождения тома из библиотечного спецхрана, том этот так или иначе в литературе иногда указывается (см., например, упомянутые выше справочно-библиографические обзоры печатных работ Института [2. С. 284; 5. С. 38; 7. С. 115 и след.] и списки трудов Б.Д. Грекова и С.А. Никитина). Очевидно, что строгого цензурного запрета на упоминание статей первого тома даже в списках печатных трудов их авторов не было.

Опубликованные с интервалом в один год два разных по содержанию первых тома «Ученых записок» в библиографических описаниях и других материалах нередко путаются, на что уже обратили внимание М.Ю. Досталь и А.Н. Горяинов [12. С. 132. Примеч. 38]. Обозначение их в некоторых изданиях под индексами «1» и «1а», закрепляемыми за разными томами, хотя и помогает их различению, но путаницы не устраняет. Хуже всего то, что в некоторых библиографических справочниках перепутаны тома, в которых опубликованы приводимые в них статьи. Много разного рода несуразностей, вызванных путаницей двух первых томов, содержится, например, в составленном И.А. Калоевой справочнике «Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке. 1918–1960». Здесь опубликованные в томе 1948 г. статьи Б. Бернштейна, С.А. Никитина, И.Н. Мельниковой, Г.Э. Санчука, В. Велчева и некоторых других авторов вообще не указаны, а статьи В.Н. Кондратьевой и В.Т. Дитякина даны как

публикации тома 1949 г., но со страницами тома 1948 г. [8. С. 96, 224]. В название статьи В.Т. Дитякина «П.И. Прейс (К 100-летию со дня смерти)» после фамилии Прейса ошибочно добавлено в скобках «славяновед» [7. С. 96]. Эти ошибки повторены И.А. Калоевой в книге «Изучение южных славян в России в XVIII – первой половине XIX в.» [23. С. 67. Сноска 161]. Отметим попутно и очень досадную для слависта-историка и опытного библиографа ошибку, касающуюся имени Прейса – *Павел* вместо *Петр* ([23. С. 67]; так же и в опубликованной ранее статье [24. С. 14]).

Отправленный в спецхран библиотек изданный в 1948 г. первый том «Ученых записок» широкому кругу ученых-славистов почти полвека оставался труднодоступным или вообще неизвестным. Вследствие этого вне поля их зрения оставались и те его статьи и другие материалы, которые содержат ценные данные для разрабатываемых ими славистических вопросов. Один пример. Статья В.Т. Дитякина «П.И. Прейс (К 100-летию со дня смерти)» – первая работа, в которой подробно освещается ученая и преподавательская деятельность одного из первых отечественных славяноведов, – не упоминается в обширной статье С.В. Смирнова [25. С. 41–55] и статье Е. Деминой [26. С. 336–352], посвященных этой же теме. В статье В.Т. Дитякин отмечает, в частности, что П.И. Прейс, будучи в 1841 г. в Вене, благодаря содействию В. Копитара, ознакомился со многими славянскими рукописями и книгами, и подчеркивает, что «среди рукописей особое внимание его привлекла одна «драгоценная» новоболгарская рукопись, давшая ему новые материалы по истории болгарского языка» [27. С. 66]. Речь идет здесь о новоболгарской рукописи XVII в., известной ныне как Люблянский дамаскин [28. С. 79], – ценнейшем памятнике языка новоболгарской письменности. Это важное сообщение В.Т. Дитякина осталось не отмеченным в последовавших работах, посвященных как П.И. Прейсу [25. С. 48; 26. С.46–47; 28. С. 79–80], так и истории изучения новоболгарской письменности XVII в. и, в частности, Люблянского дамаскина [29. С. 11–26; 30. С. 336–340].

Такова судьба подлинного первого тома «Ученых записок» Института славяноведения АН СССР и некоторых его статей. Резюмируя сказанное, можно было бы отметить, что наложенный властями запрет на него по понятиям своего времени был серьезным провалом в самом начале научно-издательской деятельности Института, провалом, в котором сам он не был повинен. Он стал одной из жертв резкого поворота руководства Советского Союза в политических отношениях с Югославией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова Е.П. . Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.
2. [Леонтьева И.Е., Огнева А.Я.] Труды Института славяноведения и балканистики (1947–1995) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.
3. Аксенова Е.П. Краткая историческая справка // Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971.
4. Аксенова Е.П., Васильев С.В. Краткая историческая справка // Институт славяноведения и балканистики. 1947–1977. (Справочно-информационный обзор). М., 1977.
5. Огнева А.Я. Издания Института // Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971.
6. [Дябина Н.И., Огнева А.Я., Озерецкая Н.В.] Библиография изданий Института и работ его сотрудников // Институт славяноведения и балканистики. 1947–1977. (Справочно-информационный обзор). М., 1977.
7. Макарова Г.В., Огнева А.Я. Указатель статей и материалов, помещенных в серийных изданиях Института // Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971.
8. Калоева И.А. Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке. 1918–1960. М., 1963.
9. Славяноведение // Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13.

10. Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1960 г. М., 1963.
11. «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР. М., 1949. Т. 1.
12. *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. М., 2002.
13. *Цвиттер Ф.* Национальный вопрос в истории Словении // «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР. М., 1948. Т. 1.
14. *Свирская В.Р.* Из истории славянских научных связей // «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР. М., 1948. Т. 1.
15. *Соколов Н.Н.* Литературная жизнь в современной Югославской Республике (Литературный обзор) // «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР. М., 1948. Т. 1.
16. *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. 1996. № 6.
17. *Бернштейн С.Б.* К изучению редакций болгарских списков «Сокровища» Дамаскина Студита // Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957.
18. *Никитин С.А.* Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. // «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР. М., 1952. Т. 6.
19. Список печатных работ академика Б.Д. Грекова // «Краткие сообщения» Института славяноведения АН СССР. М., 1954. Вып. 12.
20. [*Короткова В.И.*] Список трудов профессора С.А. Никитина // Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1972.
21. *Можжаева И.Е.* Библиография трудов проф. С.Б. Бернштейна // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия проф. С.Б. Бернштейна. М., 1971.
22. *Миллер Г.И.* Список научных трудов И.С. Миллера // Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980.
23. *Калоева И.А.* Изучение южных славян в России в XVIII – первой половине XIX в. М., 2002.
24. *Калоева И.А.* Изучение южных славян в России второй четверти XIX века. (Библиографические материалы) // Известия на Народна библиотека «Кирил и Методий». Т. IX (XV). София, 1969.
25. *Смирнов С.В.* Петр Иванович Прейс. (К 150-летию начала преподавания славяноведения в университетах России и СССР) // *Palaeobulgarica* (Старобългаристика). София, 1985. Т. IX. Кн. 2.
26. *Демина Е.И.* П.И. Прейс в истории становления российского лингвистического славяноведения // Български език. София, 2008. Т. LV. Приложение.
27. *Дитякин В.Т.* П.И. Прейс (К 100-летию со дня рождения) // «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР. М., 1948. Т. 1.
28. *Минкова Л.* Петр Иванович Прейс – первый болгарист Петербургского университета // *Etudes historiques*. Sofia, 1978. Т. VIII.
29. *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. София, 1968.
30. *Демина Е.И.* Первые шаги в изучении рукописи № 21 собрания Копитара в Люблянкой университетской библиотеке // *Јужнословенски филолог*. Београд, 2000. Т. LVІ/1–2.

Т. ИВАНТЫШИНОВА и кол. авторов. Мифы – стереотипы – образы: Восприятие России в Словакии. Братислава; Йошкар-Ола, 2010. 145 с.

13 октября 2010 г. в кинозале Словацкого института в Москве состоялась презентация книги «Мифы – стереотипы – образы: Восприятие России в Словакии». Составителем сборника статей является PhDr., кандидат исторических наук, сотрудница Института истории Словацкой академии наук Татьяна Ивантышинова, рецензентами – докторы наук Д. Чиерна-Лантайова и Я. Пешек. Научным редактором стала д.и.н., проф. Г.В. Рокина. Среди авторов статей, к сожалению, недавно ушедший из жизни М. Барновский, Б. Чернушакова, Л. Гарбулева, Р. Голец, Т. Ивантышинова, Д. Кодаева, Л. Матейко, Й. Сипко, М. Завацка, М. Земко. Все они научные сотрудники Института истории САН, преподаватели университетов Братиславы и Прешова, специалисты по истории, литературе и языку. Книга подготовлена в рамках сотрудничества Комиссии историков Словацкой Республики и Российской Федерации при активном участии Марийского государственного университета. Издание осуществлено при финансовой поддержке Словацко-русского общества. Статьи словацких коллег переведены на русский язык специалистами кафедры русского языка и литературы философского факультета Университета им. Я.А. Коменского (Братислава). Графическое оформление обложки осуществил Д. Ондриашу.

Девять статей сборника и предисловие объединяет общая идея. Авторы решили показать как воспринималась Россия в словацкой среде XIX–XX вв. Небольшой по объему сборник весьма впечатляет по охвату тематики. В предисловии состави-

тель сборника Т. Ивантышинова объясняет замысел книги и ее цель: показать формирование образа России в словацком обществе от народных мифов, идеологических стереотипов – до современного свободного взгляда. Сборник открывается статьей Д. Кодаевой, в которой противопоставляются взгляды двух политических лидеров Светозара Гурбана Ваянского и Томаша Гарриг Масарика, их отношение к России. По мнению автора, для первого из них была характерна идеализация России и преувеличение роли славянского вопроса в ее политике, а с именем второго связано преодоление русофильских иллюзий в чешской и словацкой среде.

Весьма интересная статья о словацких предпринимателях в России накануне Первой мировой войны подготовлена Р. Гольцем. Странствующие словацкие торговцы шафраном и маслом (шафранники и олейкары), ремесленники (дротари), купцы, финансисты и промышленники весьма позитивно рассматривали выгоды огромного российского рынка как поля для своей предпринимательской деятельности. Первая мировая война нарушила крепнувшие российско-словацкие торговые, промышленные и финансовые связи.

Л. Гарбулёва постаралась без прикрас показать образ России (иногда даже излишне натуралистический), возникающий при знакомстве с воспоминаниями словацких легионеров, оказавшихся в России в тяжелые годы мировой и гражданской войн и революций (1915–1920 гг.). Этот «неожиданный» источник по истории России интересен прежде всего тем, что при бес-

спорном славянофильстве и русофильстве большинства авторов мемуаров это не мешало им запечатлеть порой страшную картину военной разрухи и террора противоборствующих сторон.

В статье М. Земко «Словацкая интеллигенция и споры о советской России в 30-е годы XX века» сопоставляются позиции двух журналов: коммунистического «*Dav*» и журнала народной партии «*Nástup*» в отношении к СССР. Автор не пытается встать на какую-то одну сторону, а сохраняет объективность, показывая однобокость суждений как левых, так и правых сил в Словакии.

Л. Матейко посвятил статью разбору философской системы русского ученого-эмигранта, прожившего несколько лет в Словакии – Н.О. Лосского. Автор указывает и на влияние, оказанное Лосским на развитие словацкой философии.

В статье М. Барновского «Чехословацкая коммунистическая элита и Советский Союз в 1948–1967 годах» анализируются отношение чехословацких коммунистов к Москве, попытки отдельных деятелей отстаивать «чехословацкий путь к социализму» и их крах в связи с началом политических процессов начала 1950-х годов, а затем процессы десталинизации и формирования реформистского крыла в партии.

М. Завацка проследила степень дозирования информации о СССР посредством цензуры в Словакии в 1956–1962 гг. На основе архивных материалов автор приводит весьма курьёзные случаи, к которым привели попытки только позитивно сообщать о событиях у «старшего брата».

Статья Б. Чернушаковой «Образ России в словацкой прессе после августа 1968 года» касается весьма болезненного момента в двухсторонних отношениях – подавления Пражской весны советскими танками, который сыграл крайне негативную роль в формировании отношения к СССР и к русским. Анализ словацкой печати того времени приводит автора к выводу, что словацкое общество разделилось в вос-

приятии СССР, режима и нации. Причем, именно режим стал предметом осуждения, тогда как Россия не вызывала однозначно негативного образа, а нация, скорее, являлась объектом сочувствия.

В статье Й. Сипко дается образ России в современной словацкой печати, но не с точки зрения историка, а с точки зрения филолога, т.е. который ставит своей задачей создать типологию этнокультурных русизмов и сделать выводы относительно русско-словацких языковых влияний. Проанализировав тексты словацкой периодики, Сипко убедительно показывает значительное влияние русского языка на словацкий. Вместе с тем, по наблюдениям автора, почти все сообщения словацкой прессы, касающиеся России, несут в себе отрицательный заряд, содержат иронизирующие комментарии, что автор связывает с отрицанием бывшей политической системы и СССР как ее носителя, с отмежеванием от бывшего союзника.

Сборник статей хронологически охватывает более столетия – с рубежа XIX–XX вв. вплоть до нашего времени. За этот период произошло много перемен в российско-словацких отношениях, менялся и образ России в словацком обществе. Сейчас он в силу разных причин не самый лучший, что вызывает обеспокоенность у наших коллег и друзей-русистов в Словакии. Не случайно эта книга была подарена российскому президенту Д.А. Медведеву во время его визита в Словакию в апреле 2010 г.

Но имидж государства зависит не только от исторических реминисценций, политики местных СМИ, но и от существующих реалий. Самое ценное в рецензируемом сборнике состоит в том, что образ России предстает в динамике на широком историческом фоне с объяснением причин той или иной направленности его формирования в Словакии. Однако факторы, способствующие позитивному восприятию России в общественном сознании, еще только предстоит выявить.

© 2012. *Е.П. Сератионова*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В книге «Мифы – стереотипы – образы. Восприятие России в Словакии» (Братислава; Йошкар-Ола, 2010), насчитывающей более 150 страниц, нашли свое место 10 научных работ словацких историков, осветивших некоторые проблемы истории Словакии конца XIX – начала XX в. Прочитав всю книгу, я позволю себе сейчас поделиться лишь некоторыми впечатлениями о ее содержании не как рецензент, а как читатель, причем по материалу первых трех статей.

В целом, книга производит хорошее впечатление. Авторы стараются опираться на серьезные издания и архивные источники. Бережно оформлена система ссылок. Предисловие, как таковое, отсутствует. В краткой вступительной статье «Загаги дружбы» Т. Ивантышинова дает небольшую справку о всей книге и каждой статье.

Статья Даниелы Кодайовой «Россия в словацкой политике: Ваянский VS Масарик» посвящена, как ясно из названия, сравнительному анализу взглядов Ваянского, словацкого писателя и общественного деятеля, одного из руководителей словацких революционных выступлений 1848 г., сподвижника Людовита Штура и политика Т. Масарика. Имя Ваянского давно известно в России, но едва ли не все справочники, включая Интернет, говорят о нем как о писателе, романисте. Увидеть в нем общественного и политического лидера Словакии конца XIX – начала XX в., горячего русофила, надеявшегося, что Словакии может помочь, как ему казалось, сильная славянская держава – это интересно. Автор не умалчивает заслуг Ваянского, но в ее интерпретации, в подборе фактов и цитат Масарик оказывается удачливее.

Не со всеми выводами автора можно согласиться. Д. Кодайова пишет: «В специфических условиях, сложившихся после революции 1848–1849 гг. (в тексте опечатка – 1949 г. – Н.П.), когда сбылись надежды славянских народов на выполнение их национально-политических и культурных требований (выделено мною. – Н.П.), у части политических представителей этих народов усилилась ориентация на Россию» (с. 11). У каких народов конкретно эти надежды сбылись, автор не пишет. Например, к русинам эта «благополучная» цитата не относится.

Говоря о том, что «в словацкой политической и культурной жизни русофильство было представлено интересом к литературе и культуре России, составлявшем неотъемлемую часть культивирования широкой славянской взаимности в духе идей Яна Коллара», автор прибавляет «у поколения сподвижников Штура в 30-е годы доминировало полонофильство, а в 40-е годы укрепление связей с южными славянами» (с. 12). Следовало бы назвать конкретно, каких именно «сподвижников Штура» она причисляет к полонофилам, и обязательно дать ссылку на литературу.

Особенно шокирующим и антиисторическим кажется мне следующее высказывание Д. Кодайовой: «Значительным стимулом для укрепления русофильской ориентации славян, в частности славян, проживавших в Габсбургской монархии, были действия российской армии в русско-турецкой войне в 1877–1878 гг. Целенаправленная кампания рос-

сийской и пророссийской печати интерпретировала *в сущности имперскую политику на Балканах как борьбу за освобождение болгар*» (курсив мой. – Н.П.). Через мои руки прошли многочисленные издания документов, мемуаров о войне 1877–1878 гг., говорящие о том, что война эта была действительно освободительная, а отнюдь не частью «имперской политики». Да Россия уже не могла ставить своей целью «имперскую политику». Но ее лучшие люди эту войну поддерживали морально, она дала замечательных героев, нашла отклик в русской литературе.

Статья сотрудника Института истории САН Р. Гольца «Словацкие предприниматели в России накануне Первой мировой войны», по моему мнению, одна из наиболее интересных (и обоснованных научно) публикаций сборника. Автор ее привлекает не только опубликованные, но и архивные материалы. Автор приводит конкретные данные о широкой успешной экономической деятельности словацких предпринимателей в России, что было благом для двух народов и способствовало их сближению. Конец этой деятельности положила только Октябрьская революция.

Статья Л. Гарбулёвой «Образ России в трудах и воспоминаниях словацкий легионеров» начинается краткой справкой: «События Первой мировой войны забросили на русскую территорию и несколько тысяч словаков, которые на службе в австро-венгерской армии воевали на Восточном фронте. Их пребывание на территории России в любом из качеств, и как воинов австро-венгерской армии, или военнопленных, или в составе чехословацких легионов, проходило в 1915–1920-х годах» (с. 37).

Автор, доцент философского факультета Прешовского университета, по крупицам собрала уникальный материал – воспоминания, дневники, письма, произведения писателей, бывших легионеров, собственные находки в архивах, в периодической прессе, научную литературу. Словацкие легионеры сами были свидетелями тех ужасов, которые творились во время Гражданской войны в России и о которых потом некоторые смогли рассказать. Однако были и другие воспоминания: своеобразная струя русофильства, а скорее любви к русским людям, сочувствия их бедам. Л. Гарбулёва пишет о них: «Пребывание в России оставило след в душе каждого легионера. Заключения в их мемуарах пронизаны русофильскими настроениями и славянофильством». Йозеф Миколай открыто признает: «Кто долго жил меж ними, не может их не любить. Это народ, который нельзя ненавидеть [...] О нас все говорят, что мы в России полностью изменились. И этому нельзя удивляться. По России шагаешь свободно, особенно в сибирской тайге. Нет там камня на меже. Там душа твоя разрастается, что есть мелочного, то исчезает». Йозеф Грегр-Тайовски признается в любви к русскому народу: «Я этот искренний народ обожаю [...] Так близко я не был никогда к людям, как к этому несчастному крестьянину, искреннему как дитя. Какой из него выйдет человек, когда это дитя вырастет, этого не может знать никто, но я думаю, что из России выйдет новый человек, брат всего человечества. Столько элементов добра в нем заложено». Писатель Янко Есенский выразил свои чувства так: «Часто на нас нападала тоска по России. Ее чувствует каждый, кто покидает ее» (с. 49). «Пребывание в России, – пишет Л. Гарбулёва, – повлияло не только на их (легионеров. – М.П.) отношение к этой стране, но и определило во многих случаях и их дальнейшие жизненные пути, их профессиональную ориентацию и профилирование» (с. 50). Давая традиционное резюме статьи, автор предисловия Т. Ивантышинова называет имена некоторых легионеров и пишет, что в своих воспоминаниях и они «и многие другие сохранили образ России, полной разрухи, анархии и дезертирства русских солдат, негативного отношения людей к войне» (с. 8), не упомянув, однако, о той «своеобразной струе русофильства», о которой пишет Л. Гарбулёва. Эта статья для сборника уникальна. В ней говорится не о русских политиках, а о русских людях. Вот уж подлинно «друзья познаются в беде».

И в заключение моих наблюдений – немного о последней статье профессора Прешовского университета Йозефа Сипко. «Следы длительных и многосторонних русско-словацких контактов, – так начинает свою статью профессор Сипко, – прослеживаются в языковом сознании носителей обоих языков. В настоящей статье уделяется внимание частному вопросу об употреблении этнокультурных русизмов в словацкой печати после

1980-го года (бархатной революции. – *Н.П.*), т.е. периода трансформации общества и смены самых основ многих политических, общественных, экономических и культурных приоритетов» (с. 134). Немного ниже автор пишет: «Словацкие и русские авторы уделяли в связи с исследованием русско-словацких языковых отношений внимание прежде всего лексическим русизмам в словацком литературном языке [...] Однако для нас более интересен другой аспект: более широко понимаемое культурное влияние русского политического, этнического, исторического и социального контекста на словацкое общество, как оно закодировано в словацкой периодике новейшего постсоветского времени» (с. 134). Далее автор приводит примеры из словацкой прессы 1991–1994 гг. Я посчитала – их 60, причем 11 из них – 1994 г. и последний датирован 1 июня 1994 г. Явно это был конец работы над статьей. Вероятно, тогда же было дано и заглавие статьи «Образ России в современной словацкой печати». Тогда это была действительно современная печать. Проф. Сипко заканчивает статью так: «можно в определенной степени понять, что почти все сообщения словацкой прессы, касающиеся России, несут в себе отрицательную подоплеку, хотя ясно, что в интересах хорошей перспективы взаимных контактов необходимо как раз взвешенное изображение чужой этнокультуры. В нашем случае, правда, встречаются почти исключительно иронизирующие комментарии, что отражает ситуацию времени, непосредственно после 1989 г.» (с. 144).

Составитель в своем резюме этой статьи, не имеющей даты написания, вероятно, поверила заглавию и на полном серьезе пишет об обзоре использования этнокультурных русизмов в словацкой печати «последних десятилетий» (с. 10). Думается, что очень интересные наблюдения проф. Й. Сипко относятся к первым годам после «бархатной революции» 1989 г., а вовсе не к 2010 г., в котором выпущен наш сборник и о чем заявлено во вступительной статье.

В заключение хочу высказать несколько общих впечатлений. Мне думается, что история русско-словацких связей много бы выиграла, если бы отдельные статьи, между собой не связанные, нашли свое место в тематических сборниках, интересных более узким специалистам. Например, статья о философе Н.О. Лоском принадлежит скорее философии и истории русской эмиграции первой волны. Статьи послевоенной чехословацкой тематики скорее просятся в отдельную книгу и т.д. Думается, что-то нашло бы достойное место на страницах журнала «Славяноведение». Хотя журнал малотиражный и дорогой, но, как мне кажется, его в библиотеке читают. А много ли читателей найдется у сборника, о котором мы говорим.

С уважением д-р ист. наук *Н.М. Пашаева*

ПАМЯТИ ИРИНЫ СТЕПАНОВНЫ ДОСТЯН
(1920–2012)

2 января 2012 г. скончалась Ирина Степановна Достян, доктор исторических наук, специалист в области Новой истории балканских народов, международных отношений на Балканах в XVII–XIX вв., русско-балканских (в первую очередь, русско-сербских) общественно-политических связей, а также российской общественной мысли XIX в. Она относилась к тем труженикам науки, без которых немислимо ее развитие в послевоенный период. И не только по количеству созданных трудов – их более ста, в том числе три монографии, разделы в коллективных обобщающих трудах, статьи, очерки, рецензии. Ее работы охватывают огромный хронологический период от раннего Средневековья до Восточного кризиса 70-х годов XIX в. И во всех них она разрабатывала ключевые проблемы исторического развития Балкан.

Ирина Степановна родилась в Москве 21 апреля 1920 г. в интеллигентной армянской семье, в 1916 г. переселившейся из Баку. В 1939 г. она поступила на исторический факультет МГУ, после окончания которого в 1945 г. поступила в аспирантуру сектора славяноведения Института истории АН СССР. Научным руководителем ее стал академик В.И. Пичета, один из воссоздателей славяноведения в СССР, блестящий ученый и педагог, о котором она сохранила до конца жизни самые теплые воспоминания. 30 декабря 1948 г. Достян была принята в незадолго до этого созданный Институт славяноведения АН СССР, в котором она проработала до 31 декабря 2009 г.

В апреле 1950 г. Ирина Степановна защитила кандидатскую диссертацию, посвященную социально-экономическим отношениям в сербской деревне накануне восстания 1804 г.

Вскоре, в начале 1950-х годов, она приступила к работе над темой, связанной с борьбой южнославянских народов против турецкой экспансии. А через семь лет вышла в свет монография «Борьба сербского народа против турецкого ига. XV – начало XIX в.» – одна из первых книг советских историков по югославянской тематике. Она сразу же была включена в список обязательной литературы для студентов-югославистов кафедры истории южных и западных славян истфака МГУ и неизменно присутствует в нем до сих пор.

В 1960-е годы магистральным направлением научных исследований Ирины Степановны становится тема русско-балканских связей и балканской политики России в первой трети XIX в. Написанию серии статей по данной тематике предшествовала интенсивная и кропотливая работа в архивах. В этот период Ирина Степановна выявила сотни уникальных документов – так создавалась обширная источниковая база для ее будущих трудов. Вторая монография «Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.» (М., 1972) была защищена в качестве докторской диссертации в марте 1973 г. Эта книга стала значительным явлением в отечественной балканистике – она наглядно отразила переход отечественных исследователей к комплексному изучению балканской проблематики XIX в.

1970-е годы были весьма плодотворными в научном творчестве Ирины Степановны. Одна за другой выходили из печати содержательные статьи, а их автор регулярно выступала с результатами изысканий на симпозиумах и конференциях, в том числе за рубежом. Вышедшая в 1980 г. под названием «Русская общественная мысль и балканские народы.

От Радищева до декабристов» монография явилась логическим продолжением, как бы второй частью ее предыдущей книги, но теперь главным объектом научного анализа стали вопросы российско-балканских общественных связей первой трети XIX в., а также идеологического влияния балканских событий на взгляды А.Н. Радищева и декабристов.

Особая тема в научном творчестве Ирины Степановны в 1990-е годы – роль православной религии и Сербской церкви в процессе складывания сербской нации. Она подробно раскрыта в обобщающем труде «Роль религии в формировании южнославянских наций» (М., 1999).

На протяжении более четырех десятилетий И.С. Достян входила в круг авторов журнала «Славяноведение». Одна из ее статей «Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки Маркса и Энгельса» (1991. № 2) сыграла определенную роль в высвобождении научной методологии из-под груза догм, довлевших над историками в течение длительного периода.

Вклад Ирины Степановны Достян в отечественную историческую науку признан в нашей стране и за рубежом. Ее эрудиция, широкий кругозор, в высшей степени добросовестное отношение к избранной еще в юности специальности, истинная интеллигентность, принципиальность, житейская мудрость и необычайная душевность всегда притягивали к Ирине Степановне людей. На ее трудах воспитывались и будут воспитываться многие последующие поколения историков-славистов.

В памяти знавших ее Ирина Степановна Достян навсегда останется как крупный ученый, человек самых высоких моральных качеств, истинной интеллигентности, редкой доброты и отзывчивости.

© 2012 г. *Коллеги и друзья*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Vinogradov V.N.</i> (Moscow). The Russian-Turkish War of 1806–1812: unannounced and precursor of a thunderstorm	3
<i>Grossul V.Ya.</i> (Moscow). Genesis of Bessarabia's autonomy in Russia (to the bicentennial anniversary of Bessarabia's annexation to Russia).....	20
<i>Dostyan I.S.</i> (Moscow). Russia's policy in the Balkan question: some disputable question in historiography	32
<i>Kryuchkov I.V.</i> (Stavropol). Hungary and the Balkans in 1911–1912 in relations of the Russian General Consulate in Budapest	41
<i>Korotkova D.A.</i> (Moscow). The Belorussian aspect in the activities of the Soviet diplomacy in 1920	51
<i>Stankov N.N.</i> (Volgograd). The first hundred days of Gustav Stresemann's chancellorship and Czechoslovakia (August 13 – November 30, 1923).....	65
<i>Pavlova M.S.</i> (Moscow). The problem of internationalization of the Neman River in the Soviet-Polish-Lithuanian relations in 1923–1926	75
<i>Dronov M.Yu.</i> (Moscow). The role of secondary schools of the Greek-Catholic Church in the formation of ethno-national identity of the Rusyn intelligentsia in Slovakia in the 1920s–1930s	83
<i>Kurokhtina T.N.</i> (Moscow). To the problem of definition of Surzhyk.....	93

COMMUNICATION

<i>Kuksa A.N.</i> (Minsk). The problem of provisioning of Belarus food-supply issues in 1917–1919	102
---	-----

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Venediktov G.K.</i> (Moscow). On the destiny of Volume I of <i>Learned Proceedings</i> of the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR.....	110
--	-----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Serapionova E.P.</i> Т. Ивантышинова и кол. авторов. Мифы – стереотипы – образы: Восприятие России в Словакии	121
--	-----

LETTER TO THE EDITORIAL BOARD

<i>Pashaeva N.M.</i> The letter to magazin.....	123
---	-----

НЕКРОЛОГИ

In memoriam of Irina Stepanovna Dostyan (1920–2012)	126
---	-----

Сдано в набор 23.02.2012 Подписано в печать 23.03.2012 Формат бумаги 70 × 100^{1/16}
Цифровая печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 3,1 тыс. Уч.-изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 289 экз. Зак. 105

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

